

Роман Комаров

Картограф

Художник Филимон Чартков вместе с малолетней сестрой едет в столицу империи, чтобы начать новую жизнь. В поезде ему встречается странный человек с крабьими клешнями вместо рук, и с этого момента жизнь Фили идет наперекосяк. Сначала полукраб похищает его сестру, потом на вокзале у него крадут все вещи, и, наконец, его выгоняет на мороз единственная родственница, живущая в столице. Как же так-то?

И тут появляется хитрый невидимый демон Додон. Он говорит Филе, что его судьба — быть картографом, магом, способным рисовать волшебные карты, которые могут менять реальность. Но чем обернется такой дар для Фили? И можно ли с помощью карт найти и спасти сестру из лап чудовища? И как с этим связан витязь-таксист и его лягушка, способная ловить на лету стрелы?

Добро пожаловать в столичный город Бург!

Не вижу никого другого пред собою.
Беги!.. Куда бежать?.. Твой ад везде с тобою.
А.П. Сумароков

Краб

Ему не понравились попутчики — не их вид, а просто сам факт наличия. Он даже невольно дернул Настеньку за руку, когда та проскочила вперед него в купе.

— Филя, ты что, больно же! — тихо сказала Настенька.

Укоризненный взгляд, пожатые губы, вспотевшая ладошка — Филе стало стыдно, и он, снимая шляпу, был уже чуточку любезнее.

— Добрый день, — выдавил из себя он. Достаточно ли будет просто поздороваться, или еще и поклон нужен? Нет уж, без поклонов сегодня, он все-таки пассажир второго класса, а не проситель в бухгалтерии.

Девушка, сидевшая ближе к двери, ничего не сказала, просто молча притиснула подбородок к пышной манишке. На хорошеньком лице извивалась улыбка, в которой оробевший Филя прочитал презрение. Он мигом оглядел пиджак, брюки и ботинки: так и есть, все в пятнах бурой грязи, и даже березовый листок к колену прилип. По дороге у Настеньки развязался шнурок, и чтобы не терять драгоценное время, Филя бухнулся, куда пришлось, и живо привел обувь сестры в порядок. Отряхиваться было неловко, поэтому он прикрыл листок рукой, решив оторвать его как можно незаметнее, естественным движением путешественника, разглаживающего непрошеную складку на одежде. Он с достоинством сел и тут же спрятал ноги под сиденье. Настенька вертелась рядом, разглядывая обитые плюшем полки, откидной стол, покрытый льняной скатертью с кистями, исшарканный палас на полу. Наконец она пристроилась к окну и принялась пересчитывать вокзальных голубей. Те смешивались в серо-синюю кашу и счету не поддавались.

А Филя продолжал разглядывать девушку из-под век, таясь и обмирая. Строго говоря, она не была красавицей, но не оставила бы равнодушным даже камень. Белая кожа, тонкий нос, глаза, как две лежащие на боку запятые хвостиками вверх, черные косы, змеящиеся по всей голове — не человек, а типографский набор знаков препинания. Это так чудно и пленительно! Филя, давно уже не рисовавший портретов, пытался запомнить все до деталей, чтобы позже сделать набросок. Ему хотелось оставить это лицо себе.

Второй пассажир сидел у окна. Он так и не снял пальто и перчатки, в руках газета — еженедельник «Новости Бурга», который Филя не покупал из экономии. На первой странице размещено фото императора, вяло и неохотно жмущего ладонь американскому президенту. Текст было не разобрать, кособокий мелкий шрифт столбиками стекал к краю страницы. Да и неприлично в чужие газеты смотреть, так всегда говорил отец. Он, строгий поборник морали, считал воровством чтение через плечо: ведь ты, получается, глазами крадешь то, за что заплачено другими. Филя в душе не соглашался с этой интеллигентской ересью, но никогда родителю не возражал. А Настенька по малолетству тем более.

И вдруг газета дрогнула и поползла вниз. Сначала стала видна шляпа («Он и шляпу не снял», — с ужасом подумал Филя), потом красное лицо, густо обрамленное седеющими

волосами, и наконец жесткая бородка клинышком, на конце которой висела премерзкая капля. Пассажир внимательно посмотрел на Филю и вдруг облизнулся.

— Григорий Антонович, вам жарко? — засутилась девушка, вытаскивая на свет божий гигантский носовой платок. — Давайте я вам личико оботру.

«Да какое ж это личико? — растерянно думал Филя. — Скорее, морда или рыло. И почему оно такое красное?»

Тем временем девушка сосредоточенно терла Григорию Антоновичу щеку, а тот морщился и пытался увернуться, но так ничего ей и не сказал. Газета бродила у него на коленях, постепенно соскальзывая на пол.

— Еще маленечко потерпите, — приговаривала девушка. — Вам полегче станет. А я потом окно открою, душно здесь.

Настя всю веселилась, наблюдая за этой сценой, и вдруг ахнула, прижала ко рту кулачки. Она неотрывно и напуганно смотрела на Григория Антоновича. Филя потянулся к ней, чтобы обнять, но она отпрянула и еще глубже забилась в угол, поджав ноги.

«Испачкает обивку сапогами, а мне оттирать, — мелькнуло в голове у Фили. — Чего тут бояться? Может, у человека родимое пятно такое или он индеец».

Филя никогда не видел индейцев и был свято уверен, что их кожа цветом напоминает кирпич. Такими он и рисовал их иногда в блокноте, когда был подростком. Теперь же, глядя на странного пассажира, он изо всех сил убеждал себя, что перед ним просто потомок Чингачгука, ведь не случайно на первой странице газеты был портрет американского президента. Тут есть логическая связь, все можно объяснить.

Девушка, не обращая внимания на Настеньку, продолжала свои хлопоты. Она сняла с Григория Антоновича шляпу — обнажилась сырая красная лысина, вокруг которой вповалку лежали слипшиеся завитки пепельно седых волос. Как могла образоваться среди буйной шевелюры столь значительная плешь, было непонятно. Филя резонно предположил, что это тонзура. Значит, сам пассажир вполне может оказаться католическим священником — вот чудеса, откуда он здесь, на станции Гнильцы? Кругом сибирские леса, православная тишь да гладь, деревянные церкви — и вдруг посреди этого великолепия иноверец. Скорей, здесь встретишь жирафа, объедающего елки, чем католика, да еще и индейца.

Странный пассажир тряхнул головой, но кудри не расклеились. Капли пота, сдернутые с кожи центробежной силой, лягнулись на стекло. Девушка потянулась и стерла их платком, как будто заметала следы преступления. Потом, помедлив чуток и бросив быстрый взгляд на Настеньку и Филю, она одним ловким движением стянула с рук Григория Антоновича перчатки. И тут уже Филя не удержался от крика.

Это были не руки. Конечно, он и не подумал, что у человека, читающего газету, может не быть рук. Обычно острый художнический глаз на этот раз подвел его. Или, скажем так, подвел его вовсе не глаз, а привычка к тому, что в жизни все объяснимо. И вот вам, пожалуйста, неожиданность: у пассажира вместо рук были большие бугристые клешни, которыми он, освободившись от перчаток, звонко щелкнул пару раз для разминки.

Филя почувствовал, как по его спине плывет холод. Клешни, жуткие клешни заслонили собой все, он смотрел на них, как замороженный, медленно погружаясь в темень и дурноту. Окончательно вывалиться из реальности ему не давал тонкий голос Настеньки, которая в своем углу то ли выла, то ли плакала. Он не должен ее оставлять с этим монстром наедине!

— Ну, что вы так уставились? Чего кричите? — сердито сказала девушка. — Я сейчас проводника позову, он вас отселит. Пеньки деревенские, грубияны!

— Уймись, Катя, — властно сказал Григорий Антонович. — Мы друг другу не мешаем. Пусть поглядят. Наверно, первый раз видят краба.

«Так вот, что он такое — краб! — думал Филя. — Но ведь крабы живут в море, а этот — здесь, в вагоне, газету читает».

В этот момент в дверях купе показалась женщина в железнодорожной форме с корзиночкой в руках.

— Орешки, печенье, холодное пиво, водичка, шоколад? — бесцветным голосом затянула она и, набрав в грудь побольше воздуха, продолжила. — Баранки, сухарики, колбаска, свежая пресса, значки с символикой железной дороги, одноразовые тапочки?

Филе, который пытался продавить вниз комок, перекрывший горло, на миг показалось, что он сам — продукт, что-то вроде кефира или булочки, и сидит на переключке в холодильнике. И если он не отзовется вовремя на свое имя, его вышвырнут из поезда и даже денег за билет не вернут.

— Орешки, пожалуйста, — сказала девушка, протягивая женщине гривенник. Та взяла монету, выудила из корзины небольшой пакет с фундуком и вопросительно посмотрела на Филю. Тот пытался вымолвить хоть слово, но треклятый комок все еще был на месте, поэтому он замотал головой, как будто отгонял летающую по орбите муху. Женщина молча удалилась в коридор. На Григория Антоновича она и не взглянула: то ли привыкла к странностям, то ли полагала, и вполне справедливо, что любой, купивший билет, даже если он краб, может беспрепятственно пользоваться услугами железной дороги.

Девушка, щуря глаза-запятые, разглядывала покупку.

— Так, вроде без соли, — пробормотала она и решительно надорвала пакетик. Выкатив на ладонь три круглых белых ореха, она протянула их крабу. Тот неуклюже взял один, зажав его клешней, и быстро поднес ко рту. Раздался неприятный хруст, напомнивший Филе звук, с которым его пес, старый Тузик, разгрызал оставшиеся после варки холодца говяжьих хрящи.

— Может, хочешь его покормить? — спросила девушка Настю, вручая пакетик. — Не бойся, давай.

Настя села на краешек, выбрала из пакета самый крупный орех и подала его крабу. Было видно, что у нее дрожат пальцы. Краб осторожно принял губами орех и кивком показал, что не откажется от добавки. Мучительное кормление продолжалось десять минут, пока пакет окончательно не опустел. Все это время Филя думал, что надо и правда попроситься в другое купе. Его останавливала лишь мысль, что новые попутчики могут оказаться еще хуже. Кто знает, какие еще монстры сели в этот поезд?

Раздался свисток, двери вагона с лязгом захлопнулись. Дернуло вперед, потом назад, и станция Гнильцы начала медленно уплывать в прошлое. Возврата нет, дом продан, вещи раздарены соседям. Мать и отец давно в сырой земле, друзья разъехались, пса волки зимой задрали. Ничего не осталось, кроме отсыревшего железнодорожного белья, кроме будущего, кроме этого краба и девушки напротив, кроме крутобокого чемодана в багажном отделении. Ехать в Бург просто так, наудачу, было, конечно, безумной затеей, но что им оставалось? Филя мог получить место учителя рисования в местной школе и до конца жизни латать дыры в отцовском пальто, но не для того его готовила судьба. А Настенька, ей ведь надо в пансион, все-таки уже возраст.

От невеселых мыслей Филю отвлек голос девушки.

— Вот видишь, совсем не страшно! Малышка, ты что насупилась? Григорий Антонович уже пять лет вегетарианец. Как бы иначе я у него служила ассистенткой?

Подтверждая сказанное, краб кивнул и для убедительности щелкнул клешней. Но Филе все равно не нравилось, как он смотрит на Настю, — влажно, плотоядно, выжидающе. Нет, он только притворяется вегетарианцем, ручным зверем, берущим орешки из рук детей. Это хищник, урод, монстр, которому нужна теплая плоть и сахарные косточки. От него надо держаться подальше, лучше всего даже не знать, что он существует, как это было до сегодняшнего дня. И откуда этот супостат только взялся?!

За окном мелькали поля, покрытые первым снегом. Реки еще не замерзли, кое-где даже плавали утки, не спешившие в этом году улетать. Они надеялись на возвращение тепла, мол, высидим, дождемся, будет и на нашей улице праздник. Настенька, скинув сапожки, подтянула колени к груди и с тоской смотрела в окно, стараясь сидеть тихо-тихо, чтобы краб позабыл о ней. «Молодец, сестренка, — подумал Филя. — Все, как учил отец. Встретишь медведя — притворись мертвым. Мертвечину ни один зверь не ест!»

Метнув взгляд на пассажиров напротив, Филя обнаружил, что Григорий Антонович спит, смежив тяжелые складчатые веки. В уголках глаз копилась жидкость: слеза или слизь, не разберешь. Девушка подняла с пола газету и принялась читать ее, изредка нарушая тишину в купе негромким шуршанием. Филе хотелось спать — предыдущий день прошел в сборах, и только к утру все было готово — но он решил держаться до последнего. Пусть Настенька спит, а он будет сторожем.

Когда за окном стало темно, краб Григорий Антонович забрался на верхнюю полку и там захрапел, отвернувшись к стене. Пальто он так и не снял. Но и без того было ясно — у него не только руки, но и тело нечеловеческое. Возможно, под одеждой скрывался панцирь и сочлененные кое-как кривые ноги, острые на концах. Допустим, в каждой штанине их по три, так он принимает вертикальное положение и передвигается подобно человеку. Чудище поганое, морской гад!

Филя постелил Настеньке внизу, а сам отправился наверх. Если кто-то и должен лежать напротив этого существа, так пусть он. Ему не страшно! Но уснуть не удавалось, и он ворочался с боку на бок до полуночи. Мерный стук, легкая качка все же усыпили его, но когда он на секунду открыл глаза, пробудившись от липкого кошмара, то едва не подавился собственным криком. Краб из темноты буравил его сияющими, как два фонаря, глазами. И в этом взгляде читалось только одно: нестерпимый голод. Филя поспешно слез с полки, если не сказать упал, всунул ноги в ботинки, смяв пятками задники, и выбежал в коридор, наполненный молочным нежным светом.

«Приснилось! — подумал он. — Да, просто не до конца проснулся. Надо взять себя в руки, там же Настенька. Просто постою тут недолго и вернусь».

С пол часа он не мог заставить себя взяться за ручку купе. Хотелось, чтобы ковер в коридоре обвился ему вокруг щиколоток, не пустил назад. В темных окнах мелькали редкие огни, слышался храп пассажиров, под ногами равномерно бились колеса. Утром Бург, утром все закончится. Надо просто вернуться на свое место.

И Филя вошел в купе. Все спали. Он без надобности поправил Настенькино одеяло и вскарабкался к себе, пристраиваясь поудобней в измятой, пахнувшей стиральным порошком постели. Один, два, три, пятьсот шестьдесят шесть, две тысячи триста восемь, десять тысяч четыреста одиннадцать... Сон.

Резкая остановка. Взъерошенный Филя вскочил и ударился о сетчатую полку, торчавшую, как назло, горизонтально. Краб и девушка-ассистентка сидели внизу и пили чай. Было одновременно забавно и жутко наблюдать, как чудище держит алюминиевый

подстаканник в своей неловкой клешне. Настенька спала и оттого казалась до слез незащитной. Ее голова лежала на самом краю подушки, и тонкая рыжая косичка на белом казенном полотне наволочки была похожа на ниточку крови, которую оставляет на снегу подраненный зверек.

Филя тронул ее за плечо и тихо сказал:

— Вставай, Настенька, скоро приедем.

Он не знал этого наверняка, но оставлять ее спящей, когда монстры уже на ногах, было выше его сил. Господи, и почему он не выпросил у соседа карабин? Все лишь из-за легкомыслия и самонадеянности. Олух, неудачник, тупица!

Сонная Настя долго не могла понять, где они находятся, и вдруг ее взгляд упал на клешню, с которой нелепо свисал подстаканник. Она всхлипнула, спина ее напряглась, и сон как рукой сняло. Филя быстро скатал постели, причесался сам, пригладил вихры на голове сестренки и принялся ждать, когда же в окне покажется заветный Бург.

Тянулись скучные поля, отделяемые друг от друга жидкими листовными перелесками. Изредка мелькали серые от дождей избы, нагие дворики, черные ключья вскопанной земли. Но постепенно пейзаж начинал меняться: появились каменные постройки, попадались все чаще трубы заводов, груды щебня и ржавого металла. И вдруг на Филю обрушился Бург. Он начался сразу, без пригородов, которые потихоньку готовят тебя к парадным улицам, булыжным мостовым, купеческим домам с толстенными колоннами, к флагам и растяжкам, к белотелым церквям. Город разливался до горизонта, как уверенное в своей глубине и ширине море, и не было ему нигде предела. Богатый, блестящий, императорский Бург!

Сердце Филя сжалось до размеров наперстка и стало смертельно горячим. Настенька тоже была поражена этой щедростью столицы, она кружила по стеклу тонкими пальчиками, словно пыталась собрать весь лоск и роскошь города к себе в кулачок. Куда там шапкой ветер ловить! Сколько таких, как они, приезжало в Бург, чтобы взмыть на гребне волны и вновь оказаться у берега на сыром песке, в рваной одежде, без сил и желания грести обратно, в пучину. Филя понимал: ничто им не будет дано даром. Он сунул руку в карман: хотел убедиться, что письмо, полученное от тетки, все еще там. Она, эта своенравная матрона, патронесса множества сиротских приютов, богаделен и домов трудолюбия, выразила готовность помочь им стать на ноги, но предупреждала, что денег не даст ни копейки, потому как терпеть не может мошенников и дармоедов. «Вот такие у нас родственники, Настенька», — с обидой думал Филя. Он решил, что когда тетка растеряет капиталы и одряхлеет, он ее облагодетельствует, взяв к себе в парадную консьержкой. Эта мысль немного утешила его, и он вернулся к созерцанию столицы.

Григорий Антонович и Катя шумно возились, готовясь к выходу. Один за другим они вытащили из-под сидения пижонские кожаные чемоданы, сплошь покрытые туристическими бирками. «Почему они не сдали все это в багаж? — недоумевал Филя. — Неужели настолько не доверяют работникам дороги?» Тем временем поезд полз уже по территории вокзала, рельсы расходились по земле лучами, грозя увести вагон в сторону, к ангарам, ремонтным мастерским, вокруг которых неспешно прогуливались пропыленные рабочие. Колеса едва стучали, замедляя бег. Но вот перрон, сутолока, гомон встречающих. Мимо окна против движения поезда носильщик бодро катит свою тележку с номером «2» на бортике.

Филя помог Настеньке обуться, обернулся и увидел, что их попутчики уже вышли из купе, так и не попрощавшись. Вздох облегчения вырвался из его груди. Он все еще надеялся,

что крабы клешни лишь приснились ему. Тут его взгляд упал на пустой пакетик из под фундука, валявшийся под столом, и изморозь опять легла между лопаток. Нет, не приснилось. Был краб, был!

До багажного вагона они дошли быстро — толпа сама несла их вперед, подгоняла криками, тележками, сумками. Осоловело глянув на номерок, чумазый парень в фуражке лениво вытащил их пожитки на перрон. На боку чемодана красовался огромный шрам, видимо, при загрузке багажа щуп чиркнул по обшивке с особенной суровостью, и старый дерматин торжествующе лопнул. Филя подавил досаду и молча поволок чемодан в здание вокзала, держа Настеньку покрепче за руку. На вокзальной башне часы хлестко отсчитали десять ударов.

Пока Филя изучал карту города, Настенька осматривала витрины сувенирных киосков. Любуясь хохломскими ложками, позолоченными статуэтками, механическими птичками, она отходила все дальше и дальше к выходу из вокзала и скрылась из виду. Филя побежал за ней, цепляясь чемоданом за гнутые ножки лавок. Вдалеке мелькнуло, как хвост лисы-огневки, Настенькино оранжевое в красноту пальто. Филя поднажал и вылетел на привокзальную площадь, которая в столь ранний час неожиданно кишела людьми.

И вдруг он увидел то, чего больше всего боялся. Настенька садилась в автомобиль к незнакомым людям. Да какое там садилась, они силой затаскивали ее внутрь! Трепетнули в воздухе сапожки, хлопнула дверца, взревел мотор. Филя бросил чемодан и что есть сил побежал к автомобилю. За рулем была Катя, распустившая свои змеиные косы, а рядом с ней восседал краб Григорий Антонович. Настенька билась, как рыбка, расплющивая ладошки о стекло. Филя догнал автомобиль, не успевший набрать скорость, и рванул на себя дверцу, но та не поддавалась. Скорость нарастала, а он все бежал и дергал. Наконец его мокрые от пота пальцы соскользнули, бессильно огладили автомобиль по грязному боку, оставив на нем светлые полосы, и Филя грузно упал в лужу, не удержавшись на ногах.

— Настя! — кричал он. — Наааастя!!

Кто-то рванул его за воротник вверх. Городовой, крупный, коричневый и усатый, как камышовый кот, смотрел ему прямо в глаза. Он воплощал собой порядок и мощь закона. Медная бляха на мундире ослепительно сверкала, отражая вышедшее так некстати на небо солнце. Зачем солнце, когда у человека горе?

— Порядок нарушаем? — пробасил городской и тряхнул Филю, будто пытался добыть из бумажного кулька последнюю завалявшуюся семечку.

— Моя сестра... мою сестру... увезли, — бормотал Филя, вырываясь. — Пустите! Я догоню. Там моя сестра.

Городовой разжал пальцы-сосиски, отпуская Филин воротник. На его лице явственно читалось недоверие.

— Увезли, говоришь? А кто?

— Краб!

Городовой нехорошо улыбнулся.

— А! — сказал он. — Тогда беги быстрее, спасай сестру.

Филя оторопело смотрел ему в спину, невольно отмечая, что шов на мундире разошелся, и из него торчат белые нитки, что шея городского потная, в крупную складку. Он не поможет догнать автомобиль, он не поверил ему, принял за сумасшедшего.

— Пойдите, Краб — это фамилия! А зовут его Григорий Антонович.

Городовой нехотя обернулся и протянул:

— Дрр-ругой разговор. Пройдемте в отделение, молодой человек, будем акт составлять. Найдется ваша сестра, а может, и сама прибежит.

Филя было пошел за ним и вдруг остановился как вкопанный: чемодан! Он попросил городского подождать и вернулся назад, к зданию вокзала. Чемодана нигде не было. Украли! Украли и сестру, и чемодан, и это в первый же день по приезде. Матушка и батюшка на небесах, простите, простите меня! Я все верну!

Когда Филя сказал городовому о чемодане, тот только хмыкнул:

— За вещами на вокзале глаз да глаз. Ценное было?

Филя помотал головой. Штопаное белье, заношенные платица, ветхий отцовский костюм, галоши и зонтик. Разве что на материну соболиную муфту, остаток былой роскоши, мог кто-нибудь позариться, если был подслеповат — муфту неоднократно грыз Тузик, отчего та местами сильно облысела. Деньги и бумаги Филя держал в пальто — не из предусмотрительности, просто по привычке. Теперь подобные привычки должны стать частью его новой городской жизни.

Как же вернуть Настеньку? Не может же быть, что такого приметного господина, краснорожего и с клешнями, не найдет полиция Бурга? В два счета найдут! У них в Гнильцах, было дело, даже украденные ведра домой вернулись. Пришел урядник, задал пару вопросов и вечером уже принес ведра на опознание. А тут живой человек пропал! Филя старался преисполниться оптимизма, но уныние и страх за сестру накатывали волнами, заставляя руки плясать от мелкой дрожи. Чертов краб, чертова Катя! Настенька!

Городовой вел его по пышным улицам Бурга, но Филя уставился себе под ноги, в отчаянии кусая губы и комкая теткино письмо. Нет, все должно было быть не так! Что ж это делается-то на белом свете!

Цыганка

Филю мотало, как на качелях: он то вскакивал и хватал за рукава проходящих мимо стряпчих, то на долгие минуты погружался в угрюмое молчание. В отделении, куда его привел городской, было многолюдно. Стоял запах пота, кофе и крепких сигарет, от этой смеси Филю тошнило. Поминутно трещали телефоны, со всех сторон комнату пронзали крики:

— Вы кого там приволокли? Опять Дусэ? Сюда его, ко мне.

— Где формуляр номер пять? Кто-нибудь видел?

— Возьмите трубку! Я занят.

— Я печатаю!

— Василия Николаевича нет, перезвоните после трех.

Филе стало жарко, по спине потекла струя. Он рванул с шеи шарф, расстегнул пальто и встал. Стул казался ему горячее адской сковороды. Городового нигде не было видно. Филя пересек приемную и вошел в первую же открытую дверь, оказавшуюся, как он узнал много позже, кабинетом околоточного надзирателя. Стены, выкрашенные в темно синий, жадно поглощали дневной свет. Напротив окна висел портрет императора в окружении дипломов, грамот, вымпелов и медалей, вкривь и вкось подвешенных на разномастных гвоздиках. За столом сидел, набычившись, неопределенного возраста толстяк в штатском. Филя пригляделся и понял, что тот крепко спит: нижняя губа отвисла, голова мерно покачивается над неисписанным листом, ручка, зажатая меж пальцев, уже готова выпасть и укатиться под стол.

Что же, заговорить с ним или потихоньку выйти? Филя совсем растерялся. И вдруг из коридора грянула цыганская песня, да так громко, что толстяк всхрипнул, как конь, и поднял на Филю мутные красные глаза, в которых читалось начальственное недовольство.

— Ты кто? — спросил толстяк.

— Я тут... у меня сестру похитили, Настеньку! — выпалил Филя, подбираясь поближе.

Толстяк сморщился и, сжав неволью пальцы, чиркнул ручкой по листу, словно пытался его разрезать.

— Я тебя спрашиваю, кто ты!

Филя замялся. Что от него требуется? Имя, род занятий, место проживания? Из всего этого у него в наличии только одно.

— Филимон Чартков, — залопотал он по-заячьи. — Мы с сестрой сегодня приехали. Прибыли. На поезде, на паровом таком, знаете. К дяде, то есть к тете. Из Гнильцов.

Мужчина уперся в столешницу пудовыми кулаками, приподнял с усилием свое дебелое тело (при этом кресло издало премерзкий чпок) и гаркнул во все горло:

— Я тебя не спрашивал, откуда ты! Ты что, глухонемой?!

— Нет, я... я в порядке. Простите, что побеспокоил, — Филя, окончательно потерял присутствие духа. Он попятился к двери, сминая ковер.

— Стоять! — закричал мужчина. — Мордовцев, тащи его в пятнадцатую. Разберемся, что ты за фрукт.

В двери вмиг нарисовался дюжий мужик, по виду обычный дворник. Он схватил Филю за шкуру и поволок из кабинета.

— Ай! — закричал Филя. — Что вы делаете? Пустите! Пустите, я сам пойду.

Но дворник упрямо и молчаливо волок его куда-то вниз, по лестнице. Идти спиной в темноту по крутым ступеням было страшно, но Филя, вопреки собственным ожиданиям, не оступился. Внизу стоял затхлый мышиный запах, неприятно — жирно, с чавканьем — струилась вода. Узкий коридор заканчивался тупиком. Слева и справа были клетки, наполненные живыми людьми. При виде дворника арестанты вскочили на ноги, схватились за прутья и принялись истошно вопить. Дворник невозмутимо тащил Филю вглубь, словно вокруг стояла благодатная тишина. Они подошли к последней клетке, дворник открыл дверь и втокнул Филю внутрь. Решетка скрипнула, звякнул замок, и вдруг стало тихо. Вопли улеглись, осталось только журчание воды, приправленное изредка невнятным гулом, как будто время от времени где-то поблизости проезжал тяжёлый железнодорожный состав.

Филя огляделся. Камера была небольшой — не больше пяти аршин в длину и ширину. У стен стояли кровати с вонючим, веками не менянным бельем. Из оконца лился унылый свет, железная решетка дробила его на доли. В углу лежал огромный узел с цветными тряпками. Филя вздохнул и брезгливо присел на кончик кровати, сдвинув матрас. Как это все произошло? Почему он оказался в каталажке? За что, за что, за что?

— Ты, красавчик, как здесь очутился? — вдруг раздался хриплый голос.

Филя обернулся. Из узла с тряпками на него смотрели чужие глаза — блестящие, как антрацит. Цыганка!

— Не знаю, — сказал он, разворачиваясь к ней. — Бросили сюда ни за что.

— Э, — сказала цыганка. — Все так говорят! Меня тоже ни за что, веришь — нет?

Она коротко и злобно хохотнула. А Филя тем временем думал, что странно как-то оказаться в одной камере с женщиной. Он всегда считал, что если людей и сажают в клетки, то хоть делят — отдельно мужиков, отдельно благородных. А женщин вообще здесь быть не

должно! Вопиющее нарушение законов империи! Эта мысль взбудрила его, он вскочил на ноги, дернул на себя прутья и закричал:

— Выпустите меня отсюда! Я не преступник! Я пришел заявление писать. Слышите меня?

— Не галди, — сказала цыганка, шурша тряпками. — Они сами за тобой придут.

— А когда?

— Бывает, через день. А порой тут и неделю просидишь, ни одна собака не сунется.

— И что же, вот так — без еды, без воды, без?.. — Филя не решился произнести при ней слово «уборная». Хоть и цыганка, а все же женский пол.

— Почему без еды? — пожала плечами та. — Дают иногда. Вечером придет уборщик, кинет миски, вот и весь разговор. Следующая кормежка утром. На баланде не разжиреешь, а жить можно. В холода я, бывает, толкну городского, плюну ему в харю, он меня сюда приведет, два дня греюсь, жру, потом опять на свободу.

Филя озадаченно смотрел на цыганку. Это было существо из другого мира. Не такое экзотичное и опасное, как краб, но все же дикое и немного жуткое в своей звериной жажде жизни. Ему захотелось разглядеть ее, по голосу было не понятно, молодая она или старая, красивая или нет. Цыганка же продолжала возиться в своем углу, укутываясь в тряпки.

С полчаса в камере стояла тишина. Вдруг цыганка поднялась и сказала Филе:

— А ну-ка отвернись!

Филя послушно повернулся лицом к коридору. По полу загремел железный таз, раздался звук льющейся воды, но не такой, как раньше, — тюремный, удаленный, а весьма близкий и недвусмысленный. Таз шваркнул по полу, и все опять стихло. От койки потянулся смрад.

Филя застыл в одной позе, как будто вся его спина превратилась в цельный кусок гранита. Он не мог найти в себе силы повернуться и снова посмотреть на цыганку, которая, судя по шуршанию, опять уселась в угол.

— Что, золотой, томно тебе? — спросила она с издевкой. — А ты не стесняйся, тоже тазик доставай. Здесь у нас все попросту, без затей.

— А отвернуться тогда зачем просили? — вскричал Филя.

— Чтоб секрет мой не увидал!

«Какой еще секрет?! Может, она тоже монстр? Скрывает под юбками чертов хвост или рыбью чешую?» — подумалось ему. Филя вздохнул, собрал в кулак все свое мужество и повернулся к ней. Запах чуть улегся, хотя дышать было неприятно. Цыганка копалась в тряпках: то ли вылавливала блох, то ли искала что-то.

— Давай я тебе погадаю! — предложила она, поднимая на него горящие темные глаза. — Даром, как соседу, всего за рублик. Вынимай кошель, знаю, у тебя есть.

Филя невольно потянулся рукой в карман, да так и застыл. Она его ограбить хочет. Потерять сестру, чемодан, свободу, а сейчас еще и с деньгами расстаться! Нет, он ей не позволит, он себя в обиду не даст.

— Не нужно мне гадать! Оставьте меня в покое!

— Ты, яхонт мой, боишься, что я тебя оберу? Ай-вэй, людям верить надо! Иди сюда, не робей, не нужен мне твой рублик. Так погадаю! Счастливый будешь, любимый будешь, жену богатую найдешь! Зара не врет.

Значит, Зара. Имя пронзило сердце Фили, как вязальная спица. Он слышал его раньше. Да что там раньше, сегодня — то ли на вокзале, то ли во сне. Он протянул цыганке руку и зажмурил глаза. Цепкие сухие пальцы стиснули ладонь, разгладили ее, прошли по бугорку,

ведущему к мизинцу, пощекотали запястье. И вдруг цыганка отпустила его руку, и он пребольно ударился об угол кровати.

— Не буду я тебе гадать! — резко сказала Зара.

— Вы же сами предложили!

— А теперь не хочу. Убирайся!

— Куда же это я уберусь? — возмутился Филя.

— Куда хочешь. Поганый ты! Фу, фу!

Вот теперь он еще, оказывается, и поганый. Обижаться на цыганку было глупо, но Филя все равно надулся. Бург, манивший золотом фонарей, искрами витрин, пестротой иноземного платья, оказался неприветливым и грубым. Все ополчились против чужака, гонят его, обируют, обзывают, отнимают самое дорогое, что есть в жизни. Где в мире справедливость? Что он такого совершил? За что наказан?

Зара в своем углу шипела, как змея, сыпала проклятьями. Филя с трудом разобрал слова: «Вот еще... черт такой». Все остальное было нечленораздельной кашей свистящих и шипящих звуков незнакомого языка — вроде как даже не цыганского, а особого, клокочущего наречия Преисподней. Филя был с детства суеверен: он плевал в сторону черных кошек, перешагивал щели между плитами мостовой, старался не проходить под прислоненной к стене лестницей. И теперь, когда ему так грубо отказали в гадании, его разбирало любопытство и ужас перед неизвестной, но мрачной судьбой, начертанной у него на руке. Он механически отирал ладонь о штаны, будто пытался соскоблить дурноту с кожи.

— Простите, а все-таки, почему вы не хотите мне погадать? — осторожно спросил он цыганку. — Я скоро умру?

— Такие, как ты, всех переживут, — буркнула Зара и принялась неистово чесаться.

Звучало обнадеживающе. Смерть, вставшая было за плечами, отплыла в туманную даль глубокой старости.

— Значит, дело в другом? Я стану преступником, сопьюсь, убью много народа?

— Очень может быть, — сказала цыганка, подаваясь вперед и хватая его за руку. — Хочешь знать? Ну, смотри. Вот линия жизни — длинная, как волос, вишь, куда погибается. Жить тебе до ста лет, чтоб мне сдохнуть.

Она так смачно сказала «сдохнуть», что Филя невольно покосился на нее с опаской: вдруг и правда умрет здесь прямо в камере, а потом это на него повесят? Дескать, довел бедную женщину до смертного исхода. И тогда каторга, каменоломни, чахотка. А Настенька как? Кто ее будет вызволять из беды?

— Нет уж, вы живите, — решительно сказал Филя. — Что там дальше?

— А вот что! Глянь, тут у тебя усики такие от пальца расходятся.

В полумраке усиков было не разобрать, но Филя на всякий случай кивнул.

— Эти усики есть метка дьяволова. Он тебя когтями пометил еще у матери в утробе! Пойдешь по кривой дорожке, будешь черные дела делать.

«Похоже, я стану маньяком. Хорошо бы не насильником, я этого не переживу», — с тоской думал Филя, безвольно свесив голову на грудь. Цыганка тем временем продолжала лапать его руку, выдавливая судьбу из мякоти на поверхность для лучшего обзора.

— Тебя под счастливой звездой зачали, а не вышло путного. Бог хотел, чтоб ты мир расписал, как яичко на Пасху, а дьявол пронырнул и испортил все. Малевать будешь, этого уж не отнять, а красоты-то божьей погаными руками не намалюешь, нет-нет.

— А зачем дьяволу картины? — озадаченно спросил Филя, выходя из транса. Он живо

себе представил котлы с кипящей смолой, между которыми он, пристроившись с мольбертом, рисует поясной портрет Сатаны в парадной тоге. Он мотнул головой, прогоняя дурацкое видение.

Зара презрительно фыркнула:

— Вот же глупый! Какие картины? Дьяволу не этого надо. Он двери открывает, в пламя людей затаскивает, а ты ему в этом поможешь!

— Я ему эти двери нарисую, что ли? — недоверчиво усмехнулся Филя и вдруг понял, что цыганка не шутит. Ему и в самом деле предстоит нарисовать дверь в Ад! От сознания того, что он, может быть, новый Данте, Филя несколько окрылился. Нет, не то чтобы он хотел помогать дьяволу, но прогулка по загробному миру еще при жизни может быть любопытным опытом. В конце-то концов, неплохо заранее познакомиться с местами, куда рано или поздно попадешь. Завести полезные знакомства, облюбовать тихий уголок, застолбить нары получше.

Поймав себя на том, что он уже мыслит, как преступник, Филя заулыбался. Приспосабливаться к новым условиям жизни не было его талантом, он никуда надолго не выезжал из провинциальных Гнильцов, где по вечерам мог без ошибки сказать, в каком дворе лает собака. Сейчас же, попав в Бург, он начал меняться. Ему удалось сломить сопротивление цыганки, заставить ее погадать! Камера, смрадная, сырая и тесная, теперь уже казалась почти родной. Он сильный, он смелый, он прихвостень... нет, помощник самого дьявола. Впрочем, все это шутки.

Удивляло только одно: цыгане — люди необузданные, алчные и с нечистой силой состоят в родстве. А Зара плюется и шипит, как бабка в церкви, когда не к той иконе свечку понесешь. Почему так?

И вдруг раздался звук шагов, зашумели арестанты. К камере, где сидел Филя, подошел городской — тот самый, что встретился ему на вокзале — и деловито звякнул связкой ключей.

— Ты чего здесь сидишь? — поинтересовался городской у Фили.

— Я бы тоже хотел это знать! Куда вы исчезли? Я вас ждал, ждал... и вот, сюда угодил, сам не знаю, как.

— Давай, на выход! — сказал городской и открыл дверь.

Цыганка подняла голову:

— Красавчик, а я?

— А ты сиди, дура, — сплюнул городской. — Говорил тебе не рыскать возле участка? Говорил? Надо покормиться, иди на Сенную или к Львиному мосту, там дворники не смотрят. Эх, да что с тобой говорить, бестолковая!

Зара фыркнула.

— Так я ведь погреться к вам зашла. На улице свежо!

— А в камере еще свежее, — заметил городской. — Ладно, некогда мне с тобой разговаривать. Давай, юноша, на выход! У меня еще дел выше крыши.

Филя послушно встал с нар и пошлепал за городским по сырому полу. Цыганка кинулась к решетке и крикнула ему вслед:

— Попросит он тебя чудищ малевать, не соглашайся! Слышишь, не соглашайся — беда будет!

Филя оглянулся и даже сделал маленький шаг назад, но городской подгонял его, и вот они уже поднимаются по лестнице наверх, в управу. Свет, хоть и был неяркий, ослепил

Филю. Он долго не мог сморгнуть слезы, внезапно набежавшие на глаза. Платок, что лежал вместе с кошельком, куда-то запропастился. Так вот оно и бывает у помощников дьявола — то платок пропадет, то сестра. Нет им ни в чем удачи!

Следующие три часа Филя провел, старательно заполняя бумаги. Стряпчий — худощавый старичок с трясущейся верхней губой и густыми волосами в носу — подсовывал ему бланк за бланком, в которые надо было бесконечно вписывать буквы и цифры. Стоило перелезть на следующую строчку или нарисовать запятую не на положенном месте, как старичок выхватывал бумагу из-под руки, рвал ее в клочья, и все приходилось заполнять заново. Филя так уработался, что пот насквозь промочил ему воротник и спинку рубашки.

Когда формальности были соблюдены и стряпчий удалился с бумагами в один из кабинетов, городской сказал, что теперь Филе предстоит самому регулярно навещать сюда и узнавать, как идут поиски. Обычно похищения расследуются быстро, особенно если это касается детей. «Так что, — бодро заключил городской, — заходите через недельку-другую, уж какой-то след отыщется».

— Через недельку?! — ошарашенно переспросил Филя. — Так долго?

— А что вы хотели? Город большой. Пока все притоны обыщешь, пока свидетелей допросишь...

— Так нет же свидетелей. Вы там рядом были и ничего не видели!

— Найдутся, не бойся. Кто-кто, а свидетели всегда есть. Ступай, я занят.

Городской по-отечески хлопнул Филю по плечу и подтолкнул к выходу. Ничего не оставалось делать, как только уйти.

На улице метель зло куснула ему щеки. Колючий снег летел в лицо, заставляя щуриться. Сменилась погода. Грядет зима, неотвратима. Эх, утки, утки, улетели бы вы днем раньше подобру-поздорову, а теперь отморозите лапы, конец вам.

Поразмыслив, Филя решил отправиться к тетке — что еще оставалось делать? Он поднял руку, чтобы поймать такси.

Черный автомобиль вырвался к нему из пелены снега, как рука из-под одеяла.

— До улицы Пушкина подбросите? — спросил Филя, когда опустилось стекло.

— Не вопрос, — откликнулся водитель и распахнул дверь. — Садись!

— А сколько? — поинтересовался Филя.

— Договоримся!

Что ж, значит так тому и быть. Филя сел внутрь и обомлел. Водитель был юный, моложе его года на два, розовощекий и крепкий, со светлым пушком над губой. Волосы цветом, как пшеничная копна, и столь же жесткие. Но главное не это. Водитель был одет в настоящую кольчугу! Она струилась по телу, отбрасывая на приборную доску причудливые блики.

— Витя, — протянул руку водитель. Филя крепко и с удовольствием пожал его большую ладонь. — Витя Зязин. Можно просто Витязь. Меня здесь каждая собака знает. Поедем, помолясь?

Филя кивнул, автомобиль рванул с места. Впереди дорога разветвлялась, утопая всеми концами в бесконечной буранной мешанине.

Витязь

Витя был лихой шофер, это Филя понял сразу. Автомобиль круто заносило на поворотах, из-под колес фыркал в разные стороны снег и подмерзшая земляная крупка. Витя предпочитал ехать к своей цели дворами. Он воровато оглядывался, словно ожидал погони.

— Что-то не так? — встревоженно спросил Филя.

Витя белозубо улыбнулся и покачал головой.

— Куришь? — спросил он, доставая из-под сиденья медный портсигар, на крышке которого была гвоздем выцарапана несколько бессвязная фраза «Грифон Момон Додон».

«Глупые рифмы, — подумал Филя, жестом отказываясь от сигареты. — Зря я к нему в машину сел. Авантюрист какой-то, если не бандит! Чего вот он оглядывается? Господи, только бы живым добраться до тетки, хватит с меня уже на сегодня».

— Приезжий? — неожиданно прервал его внутренний монолог Витя.

— Да. А как вы догадались?

— Взгляд у тебя растерянный. Ну, и пальто...

— А что пальто? — с вызовом спросил Филя, оглядывая себя. — Нормальное вроде.

— Такие сейчас не носят! Уже лет двадцать как. Сосед в прошлом году выбросил свое на помойку.

Пальто Филя и правда было старым — его носил еще отец, когда ходил в женихах. Серое, немного напоминающее шинель довоенного образца, оно делало фигуру более массивной и значительной. Лацканы и края карманов украшала серебряная лента, плоские пуговицы блестели, как ордена. В этом пальто Филя чувствовал себя старше, и Витина реплика больно задела его самолюбие. Казалось, он наносит оскорбление не только ему, но и покойному отцу, которому эта вещь тоже была дорога.

— Наверное, у вас сейчас в моде кольчуги? — ехидно заметил Филя.

Витя ничуть не обиделся.

— Времена тяжелые, — ответил он. — Непокойно.

— Стреляют?

— Бывает. Я живу в Малярове — это на окраине. У нас там каждый день заварушка. То калмыки мнут наших, то мы калмыков. А как раздухаримся, так и до смертоубийства доходит. На днях сорок человек в больницу отвезли: кому глаз выбили, кому зуб. Одному палец оторвало. Мне хоть бы хны, даже синяков не осталось. А ты говоришь, кольчуга! Как без нее?

— Суровые у вас нравы, — сказал Филя.

— Дело привычки. Хотя хочется иногда пожить по-человечески. Да что об этом говорить? Кто в Малярове родился, тот там и умрет. Судьба.

«Экий философ, — подумал Филя с неудовольствием. — Фаталист за рулем».

Автомобиль занесло на очередном повороте. Они вырвались из дворов и катили по широкому, освещенному фонарями проспекту. Желтый свет дарил почти рождественскую негу, обещал засахаренные фрукты, орехи в шоколаде и живой жар близкого очага, но Филя не мог расслабиться. Стоило Вите замолчать, как в голову опять полезли мысли о Настеньке, о проклятом господине крабе и зловещем пророчестве цыганки. По шее катился холод, мерзко спускался по икрам, тек в пятки. Хотелось прыгнуть из автомобиля и бежать вперед, до хрипоты в легких, до рези в правом подреберье. Матушка и батюшка! Где вы там, в Раю? Слышите меня? Простите! Не уследил, не уберег, да и сам того гляди сгину.

И вдруг автомобиль взревел и рванул с бешеной скоростью. Спина Вити выгнулась дугой, он бросил взгляд через плечо и ошалело крикнул:

— Погоня!

Филя вцепился в сидение. Еще минуту назад в окне игриво мелькали столбы, занесенный снегом кустарник, редкие прохожие — теперь все это превратилось в пеструю

кашу. Мир завертелся, закрутился и помчался мимо. Витины пальцы на руле побелели, он щелкал зубами, как волк, угодивший в капкан.

— Выпусти меня! — рявкнул Филя. — Я с тобой дальше не поеду.

— Поедешь, куда ты денешься, — зло сказал Витя и круто свернул во двор. Пожилая дама с куцей дворняжкой на поводке едва успела отскочить в сторону, давая им дорогу.

«Негодяй! Хам! Сволочь!» — верещала она. Дрожащая собачка прижималась к ногам, как улетающий осенний листик к породившему его стволу.

Двор заканчивался тупиком: со всех сторон он был обнесен высокой кирпичной стеной. Витя в ярости ударил по рулю. Угрюмо квакнул клаксон. Они заперты, их прижали, выхода нет. Через минуту преследователи будут здесь, им не уйти.

Филя поспешно выскочил из автомобиля и побежал назад, но увидел, что уже поздно. Одна за другой во двор въехали три черные машины, из которых повалил народ — громилы в кожаных куртках. Они, как зайцы в половодье, заполнили собой небольшой островок двора, но близко не подходили.

— Чего они ждут? — слабым голосом спросил у Вити Филя.

— Когда я ствол достану. Но я не такой, на провокации не поддаюсь. Садись в машину, что ты вылез? На мне кольчуга, а тебя подстрелят, как куропатку, и пиши пропало.

— Эй, ты, чучмек! — крикнул один из парней в куртке. — Отдай, что взял, и мы тебя не тронем!

«Верно, это и есть те самые калмыки, — подумал Филя. — Нерусский говор».

— Ошибка вышла, братаны. Я не брал, — неожиданно весело откликнулся Витя, поднимая руки ладонями вверх. — У меня ничего нет, можете обыскать. Подходите ближе!

Предложение калмыкам не понравилось. Они с опаской отступили к машинам и, собравшись в кучку, принялись шушукаться.

— Рамзан тебя обыщет, — вынесли они свой вердикт и вытолкнули вперед худого паренька. Его огромная голова неуверенно крепилась к тонкому стеблю шеи, который, судя по всему, мог в любой момент переломиться. Филе, противу желания, стало его жалко.

— Что ты у них украл? — шепотом спросил он у Вити.

— Ничего! — невинно откликнулся тот. — Слушай, это ведь не твои проблемы, ты беги, я там калитку углядел. Возьми только мой платочек, он тебе пригодится — ручка скользкая.

Он всунул ему сложенную конвертиком тряпку и шагнул вперед, навстречу Рамзану, который приближался к нему по-куриному, бочком. Филя не видел в стене никакой калитки, но из этой передраги надо было выбираться, а калмыки вовсе не спешили расчищать ему путь. Он шагнул назад и успел пройти несколько метров, прежде чем услышал гневный окрик: «Стой!» Это его подстегнуло, и он побежал к стене.

Над головой что-то просвистело и вонзилось в ближайшее дерево. «Стрела!» — с удивлением отметил Филя. Он ожидал всего, чего угодно — ножа, пули, даже камня, но не стрелы. Над головой пролетела еще одна и исчезла в темноте за стеной. Двор наполнили звуки драки и боевой рев Вити, разгоняющего калмыков богатырским кулаком. Когда Филя обернулся, он увидел, что Рамзан повалился на землю и тихо отползает под машину. Несколько калмыков с пыhtением ловило Витю, который прыгал и уворачивался от их неловких рук, попутно раздавая тумаки.

Калитка нашлась не сразу. Окрашенная в цвет стены, она не бросалась в глаза. Ручка и правда оказалась скользкой, но поддалась без проблем, платком пользоваться не пришлось. Филя шмыгнул за дверь и припер ее с внешней стороны парой поленьев, которые

обнаружились неподалеку. Преследователей это надолго не задержит, но даст минутную фору.

Оказавшись снаружи, Филя долго не мог сориентироваться, куда же идти. За стеной раскинулся неухоженный сад. Со всех сторон торчали колючие кусты — голые, полные колких сучьев ветви. Филя рванул напролом, как медведь, энергично отмахиваясь от веток руками. Снег сыпался ему за шиворот, ноги путались в сухостое. Через некоторое время он понял, что его не преследуют, и пошел медленнее. Теперь он беспокоился за Витю, который остался один на один с кучей недругов. Нет, возвращаться Филя не собирался, но совесть уже вонзила лисьи клыки в его незащищенное сердце.

Деревья расступились, и он оказался во дворе соседнего дома — высокого, со слепыми окнами. Филя осмотрелся и понял, что это какое-то присутственное место или контора, покинутая людьми до утра. Через арку он вышел на оживленную улицу. Каменную мостовую покрывала тоненькая корка льда, и камни, окаймленные снегом, блистали в лучах фонарей, как речные валуны, проступающие на свет божий из-под бурных вод. Филя шел, оскальзываясь, враспырку. Не дать не взять птица пингвин! От напряжения заныли ступни, захотелось, несмотря на лютый холод, снять обувь и размять их докрасна.

Теперь Филя боялся останавливать такси и решительно не знал, что ему делать. Пройдя квартал, он в беспомощности застыл у столба, обклеенного объявлениями.

«Пропал петух бойцовой породы. Хвост и бока черные, откликается на кличку Бася. Нашедшему вознаграждение».

«Продаю дачу. На участке баня, коровник, плодовые деревья. Двенадцать верст от Бурга, рядом озеро и лес. Пятьсот рублей. Торг уместен».

«Куплю за золото подсвечники, фарфор, патефоны, зонты, статуэтки, иноземные марки и монеты. Дорого».

«Пошив шуб, малахаев, тулупов из меха заказчика. Качественно и в срок. Модели на любой вкус и кошелек».

«Дом отдохновения «Пышка». Мы знаем все о ваших желаниях».

Последнее объявление заставило Филю покраснеть. Он слышал от своего друга Коли, учившегося в столице, о таких домах. Рассказы всегда изобиловали дерзкими подробностями, а заканчивать Коля любил их так: «Потом мы купили шампанского, и...» Тут он замирал, делал сладострастную дулю губами и закатывал глаза к потолку. Филе трудно было сознаться в этом даже самому себе, но, отправляясь в Бург, он лелеял в глубине души надежду попасть в один из таких домов отдохновения. Конечно, для этого требовались деньги, но он же заработает их в конце-то концов! Ведь один раз в жизни можно себе позволить шалости, а потом — потом влачить жалкое, но праведное существование, в котором нет места шелковым чулкам, медовому аромату духов, алому рту. В Бурге Филя собирался рисовать иконы, а в таком деле главное чистота помыслов, поэтому все, что может предложить юноше столица, надо было испробовать до того, как он пристроится в мастерскую.

Пока Филя разглядывал столб и уносился мечтами в прятные альковы дома отдохновения, из-за поворота вывернул трамвай. Его карминные бока были щедро заляпаны грязью, на крыше залихватски лежала шапочка снега. Филя бросился к открывшимся дверям и крикнул кондуктору:

— Улица Пушкина! Я доеду?

Кондуктор отрицательно покачал головой:

— Мы в парк. Жди следующего.

— А сколько ждать-то?

— Почему я знаю? — зевнул кондуктор и, стащив форменную шапку с головы, помахал ею в сторону рта, нагоняя туда морозного воздуха. — Стой тут, что-нибудь приедет.

Двери захлопнулись, и трамвай покатил по рельсам, весело поскрипывая. Он торопился домой. Филя вернулся на тротуар и принялся перечитывать объявления. Еще немного, и он будет знать их наизусть, вплоть до телефонных номеров. Внезапно навалилась нечеловеческая усталость, хотелось сесть на крутобокие камни и уснуть, выкинув из головы все проблемы и заботы. Прошло не менее получаса, Филя приткнулся к столбу и вяло следил взглядом за проезжающими автомобилями. И вот показался трамвай. Он неохотно полз вперед. В перестуке его колес чудился скрытый гимн лени и вечерней ломоты в костях. Филя забрался в полупустой вагон, пристроился у окна и замер, согреваясь. Когда кондуктор объявил остановку «Улица Пушкина», пришлось бороться с собой, чтобы встать и выйти обратно на холод. Метель мгновенно сдула накопленное Филей тепло, он зябко и безнадежно приплясывал, кляня промозглый ветер — визитную карточку Бурга.

Дом тетки, сестры отца, оказался двухэтажным особняком с мраморными колоннами и портиком в греческом стиле. Окна были завешаны тяжелыми шторами, через которые едва пробивался свет. «Шикарно живет», — подумал Филя, оглядывая массивную дверь с бронзовой ручкой в форме выгнутого ижицей льва. Муж тетки, генерал, в бытность еще желторотым офицеришкой, отличился на войне — спас от пули чуть ли не самого императора, был тяжело ранен и впоследствии удостоился медали за отвагу. После этого его карьера рванула вверх, он дослужился до чинов-орденов, оттяпал себе право распоряжаться заказами на провиант, и после этого денег в семье хватило и на покупку особняка, и на балы, и на собственную мыловарню. Десять лет назад генерал преставился, и тетка зажила вольготно, тираня единственную дочь угрозами лишить ее наследства. Отец Фили предпочитал держаться в стороне от семейных склок, поэтому посылал сестре раз в год открытку на Рождество и запрещал детям принимать от нее предложения погостить. Но вот теперь, когда отца не стало, тетка и ее дочь были его единственными живыми родственниками. Почему бы не воспользоваться их гостеприимством?

Филя долго топтался на пороге, подбирая слова, с которыми он обратится к тетке. Надо было объяснить, как и где он потерял Настеньку, почему явился без вещей и так поздно. Если раньше он боялся показаться деревенщиной и слюнявым растяпой, то теперь приходилось входить в этот помпезный дом почти преступником. Чем оправдаться? Как начать разговор?

Нет, медлить больше нельзя. Филя поднял руку и крепко нажал на кнопку звонка. Дверь тут же распахнулась, и в лицо ему полетел грязный кулек.

— На, держи! Больше нет ничего. И убирайся, чтоб духу твоего здесь не было.

Ошеломленный, Филя развернул кулек и увидел там две гнилых морковки и несколько черствых булок, одна из которых была щедро сдобрена плесенью.

— Пойдите, — сказал он. — Произошла ошибка. Я Филимон!

— Какой еще Филимон?

— Племянник Анны Васильевны. Пустите, пожалуйста, я замерзаю.

Дверь отворилась, на пороге стояла маленькая, согбенная старушка в шерстяном платке. Она придирчиво осмотрела Филю с ног до головы и сказала:

— Проходи, коли не шутишь.

— Да не шучу я! — в раздражении воскликнул Филя, рванув в тепло. Ему не терпелось оставить эту метель за спиной.

Он оказался в полутемной передней, где старушка с цепкостью павиана стащила с него пальто и заставила разуться, предложив тапочки. Он был готов на все, лишь бы онапустила его в гостиную, к камину.

Но только он шагнул вперед, как наткнулся на что-то мягкое, пахнущее морем и водорослями. Он отскочил, и в тусклом свете лампы увидел чудовище — жуткую Горгону с грозно открытым ртом и гневными дугами черных бровей.

Филя окаменел, как жена Лота. Бежать, бежать отсюда! Но ноги не слушались, и только сердце звучно бухало в груди, как бы переваливаясь с ухаба на ухаб. Спасенья нет, есть ужас и тьма.

Горгона

Филя отступил к двери, пытаясь проглотить сердце, которое вылетело из грудной клетки и скользнуло прямо под язык. Внезапно зажегся яркий электрический свет. Он на мгновение подарил спасительную слепоту, чьи-то руки, пухлые и липкие от пота, потянули его вперед. Филя приоткрыл один глаз и увидел в проеме двери женщину неопределенного возраста, грузную, в парчовом зеленом халате с рисунком в виде извивающихся змей.

— Тетя? — проблеял он, разлепляя второй глаз.

— Гм, — откликнулась Горгона и тряхнула головой, полной разноцветных бигуди. — Ты кто такой будешь? Уж не племянничек ли мой, Филимон?

— Это я, я. Здравствуйте!

— И тебе здоровьишка. Проходи быстрее, чего топтаться у входа. Дует!

Горгона развернулась и уткой заковыляла вглубь дома.

«А ведь она не такая уж страшная, — подумал Филя и для убедительности подергал себя за ухо. — Просто я не вовремя явился, вот она и не при параде. Как же ей все объяснить? Поверит ли?»

Старушка тем временем забежала вперед и включала свет в комнатах по ходу их движения. Филя не понимал, куда Горгона его ведет: большую гостиную они минули, малую гостиную, предназначенную для приема важных особ, тоже. Комнаты сменяли друг друга, на стенах пестрели гобелены, картины, эстампы, попался камин — над ним, на полочке, стояли великолепные золотые часы в форме собора святого Петра. У каминной решетки, свернувшись калачиком на ковре, лежала облезлая болонка. Между тощих задних лап сверкало полысевшее розовое брюшко. Болонка не подняла головы, она крепко спала. Горгона продолжала свое шествие, как будто хотела за один раз познакомить Филю со всем домом. И только достигнув столовой, решила сделать привал.

На столе виднелись остатки трапезы. Скатерть была чуть смята, три огромных тарелки стонали под грузом костей и огрызков разной величины. Рыбья вонь стала нестерпимой. «Она китов живьем кушает, что ли? Неслабый аппетит!» — дивился Филя, разглядывая округлый мосол размером с боксерскую перчатку. Ему было не по себе. На какой-то самый крошечный миг он допустил мысль, что тетка отужинала человечиною — морскими утопленниками. К счастью, эта чепуха испарилась из головы почти тут же, как только возникла.

Горгона жестом приказала ему сесть, и Филя опустился на стул, который под его весом чуть прогнулся и скрипнул от неожиданности. Столовая, в свое время обставленная со вкусом, давно обветшала. Обивка сидений казалась потрепанной, ножки стульев были

неприлично раскорячены, на скатерти виднелись застиранные пятна. В плотные занавески набилась пыль, сделав их мутно-голубыми. Филе пришло в голову оригинальное сравнение: будто бы окно — это испещренное морщинами лицо, а занавески — старческие седые космы, висящие вдоль щек. Он хотел развить мысль, но его остановил кашель тетки.

Когда Филя взглянул на нее, он от удивления уронил челюсть. Горгона зверем грызла кость. Ее красный язык туда-сюда скользил по мослу, и в желудке у Фили опять зашевелилась клочковатая тошнота.

— Чего молчишь, племянничек? Воды в рот набрал? — ухмыльнулась Горгона, бросив кость на тарелку.

— Я... — нерешительно начал Филя, и слова, как осатаневшие пчелы над разоренным ульем, заметались у него в голове. — Я очень рад вас видеть, тетя. Как вы поживаете?

— Да лучше всех! — откликнулась та, с интересом рассматривая необглоданные кости. — Где тебя черти носили весь день? Ждала поутру, самовар велела поставить, плюшек Ильинична напекла. А теперь вот сиди без плюшек, съели мы их за день.

— Простите, меня задержали экастро... экстрато... экстраординарные обстоятельства.

Филин язык разбух и едва ворочался между зубов, ватный и толстый. Тетка иронически хмыкнула и сказала:

— Ты изъясняйся попроще, и будет тебе счастье. Говори, где был? И где, леший тебя дери, Настенька?

Вот и подошли они к главному вопросу. Вот она, Голгофа. Филя набрал побольше воздуха в легкие, посмотрел на потолок, где кружились в вихре цветов упитанные, напоминающие молочных поросят купидоны, и выпалил:

— Настю украл краб!

Гласные провалились, и, словно со стороны, Филя услышал, как произносит только сухое «кр-кр». Тетка, тем не менее, расслышала все, как надо, и вздыбила домиком одну бровь, как будто переломила ее от удивления.

— Краааб? Да что ты говоришь? Уж не Григорий ли свет Антонович?

— Он, он! — Филя вскочил. — Вы его знаете? Едемте к нему! Надо забрать Настеньку. Я...

— Постой, постой, молодой человек. Сядь-ка, не виси надо мной. У меня шею прострелило, не могу задрать. Садись, кому сказано!

Филя сел на краешек стула, готовый сорваться в любую минуту.

— Вот что я тебе скажу, — промычала Горгона, присасываясь к кости жирными губами. — Ты напраслину на хороших людей не возводи! Не мог Григорий Антонович украсть дитя, не ври, не поверю. Сам, небось, отдал сестру цыганам, и придумки мне тут придумываешь, над теткой измываешься. Я вас из Гнильцов зачем к себе выписала? Думаешь, ты, недоросль, мне нужен? Корми тебя, пои, платьем обеспечивай, потом ты денег у меня попросишь. Нет и нет! Я Настеньку, сиротку, забрать к себе хотела. Бедняжка растет без материнской любви. Уж я б ее согрела, нарядов от Варьки куча лежит неизношенных... А теперь из-за тебя все прахом!

Филя попытался возразить, но Горгона жестом остановила его.

— Не перебивай, молод еще перебивать! Видно, покойник Митька мало тебя порол. Я ж ему писала — пори по субботам после бани без пропуска, иначе загубишь ребенка... О чем это я? А, вот! Переночуй у меня сегодня, так и быть, а завтра чтобы духу твоего не было. Пока Настеньку не найдешь, ты мой порог не переступишь. И слово мое крепкое! Ильиничне

прикажу Полкана на тебя спускать. Сунешься — порвет портки в лоскуты. Понял меня? Понял?

Чего уж тут было не понять! Филя потупился. Он усиленно рассматривал выщербленный паркет, на котором особо выделялись следы собачьих коготков. Конечно, он недосмотрел за сестрой, но он все же надеялся, что влиятельная тетка поможет ему в поисках.

— А вы знаете... — тихо начал он.

— Говори громче, — гневно рявкнула тетка. — Еще шептать мне тут будет! Выискался скромник! Сидит, глазки опустил, мол, не виноват, пожалейте. У, ирод!

Горгона, казалось, распалила саму себя, чтобы изгнание Фили из дома выглядело последней, вынужденной мерой наказания для отпетого негодяя.

— Я хотел спросить, где живет Григорий Антонович. Вы знаете? — уже тверже сказал Филя и вдруг, дивясь своей наглости, ухватил с ближайшей тарелки ржаной колобок и полностью зачихал его в рот. Терять было нечего, а голод от нервов накатила свирепый.

— А ты, я гляжу, нахал! — тетка откинулась на спинку стула и скрестила на груди полные руки. Филя заметил, что они сплошь были покрыты волосками, которые встали дыбом то ли от холода, то ли от возмущения. — Ничего я тебе не скажу! Еще заявишься к нему и будешь морочить голову, меня опозоришь. Дудки! И забудь об этом думать. Ищи Настеньку там, где потерял. А теперь уходи, сил моих нет на тебя смотреть. Ильинична тебя проводит. Все, ступай, а завтра выметайся.

Филя пожал плечами и встал. Немного подумав, он схватил со стола еще три ржаных колобка и вышел за дверь, где его поджидала старушка.

— Распекала? — спросила она шепотом.

— Да уж, не без того, — пробурчал Филя, шагая за ней по темным коридорам. Свечка в руках у старушки ходила ходуном, и пламя ее дергалось, как маленькая живая фея, запутавшаяся в паутине.

«Электричество экономит! Скупердяйка!»

— Не бойся ее, она добрая, — примирительно сказала старушка и отворила перед ним низкую дверь. Филе пришлось наклониться, чтобы пройти внутрь. Он уже хотел возразить, что вовсе тетка не добрая, а наоборот суцая мегера, как пребольно врезался головой в потолочную балку. Старушка отдала ему свечку, шепнула: «Спи-отдыхай!» — и исчезла. Ему предстояло провести ночь в чулане под лестницей, где, застеленная ветошью, стояла жесткая койка, на которой, должно быть, спал тот самый Полкан, упомянутый теткой как разрыватель штанин. Смердело собачатиной, в углу деловито скреблась мышь. Филя неловко повернулся, и на него повалились щетки, швабры, тряпки, за шиворот угодил обмылок, который пришлось вылавливать, вывертывая руки кренделями.

Кое-как Филя отодвинул щетки, мышь при этом на пару минут затихла, испуганно прислушиваясь к возне нового жильца. Ветошь он тоже сбросил на пол и лег, не раздеваясь, на жесткие доски койки. Да лучше б он остался в камере! Там хоть меньше воняло, и был собеседник. Филя долго ворочался. Он был довольно костляв, за последние три месяца с его тела исчезло последнее мясо — он копил деньги перед поездкой в Бург и часто пропускал ужин, который и без того был крупа да вода, и даже без масла. Лучшие куски оставлял Настеньке. Принесет соседка яичко — он его готовит сестре. Даст дед Силантий меду — сестра кушает. Вот и отошала, а теперь поспи-ка на хребтине! Встретились в чулане две тверди — старая древесина и молодые хрящи.

И все же он уснул. Дрема упала на него, как подушка на лицо, разом забив дыхание. Он плыл по длинной реке — во сне она ему казалась синей веной, пронизывающей телоравнину насквозь, от макушки до пяток. Поток разносил холод по всем клеткам, и вот уже мышцы стали льдом, кишки сковало, под носом сосулька выросла. Вдруг сквозь мертвенную стужу прорвался тихий голос, теплый, как хомячок, зажатый подмышкой.

— Вставай! — шептал он. — Рисуй!

— Как же я буду рисовать? — спросил Филя. — Ведь темно. Свеча потухла.

— А ты подуй на нее, она и загорится.

Филя сел, в руке его, как у покойника, была зажата свеча. Он дунул на нее легонько — почти не выдохнул ничего, так, поцеловал воздух, и вспыхнуло пламя. Оно было ярким и праздничным. Сердце, окаменевшее от невыплаканной слезы, медленно оттаивало. Оно билось так громко и настойчиво, что у Филя зазвенело в ушах.

— А что теперь? — спросил Филя. — У меня ведь ни бумаги, ни чернил нет.

— Как это нет? — удивился голос. — В кармане посмотри!

Филя вынул тряпицу, которую дал ему Витя. Только сейчас он понял, что это был кусок старого пергамента, выданный из церковной книги. Буквы были впопыхах соскоблены, текст различался, но прочесть его Филя почему-то не мог, перед глазами плыло.

— А чернила? — спросил он.

— Кровушка-то тебе на что? Ножик под кроватью, режь!

Филя наклонился и нащупал нож. Это была суровая финка с металлической ручкой, на которой выпукло блестел корявой чешуей завитый в три кольца дракон. Филя долго думал, что резать: палец кольнуть или сразу жилу.

— Пальчик! Пальчика будет достаточно, — шепнул голос ласково. Он напоминал заботливого дядюшку, который уговаривает мальчика принять укол. Ведь не членовредительство это, а медицинская процедура.

Филя зажмурился и чиркнул по пальцу лезвием. Боль обожгла руку, и он закусил губу, чтобы не застонать.

— Чего ты ждешь? Рисуй, — потребовал голос.

Филя окунул в собственную кровь указательный палец, осмотрел его, будто видел впервые, и нанес на тряпицу несколько мазков наугад. Он вдруг понял, что рисовать с закрытыми глазами ему сподручнее — вид крови не так волновал и рука двигалась увереннее. Рана начинала затягиваться и подсыхать, а еще надо было сделать пару десятков мазков.

— Режь еще! — плотоядно сказал голос. — Не жалея, до свадьбы заживет.

«А будет ли она, эта свадьба?» — подумал Филя, расковыривая рану. Кровь хлынула с новой силой, покатила по ладони, залилась в рукав. Наконец рисунок был закончен, и Филя в истоме опустился на кровать. Тряпица расположилась у него на животе.

— Отдыхай, картограф, и жди гонца! — шепнул голос напоследок и затих. Мышь пронзительно пискнула, заскреблась в агонии. Раздался неприятный хруст, кто-то пережевывал хлипкие кости, давясь шкуркой. И вот опять ночное беззвучие поглотило все кругом — и щетки, и рванину на полу, и скорченного в позе эмбриона Филю, и тряпицу, упавшую с его тела на доски кровати. Ничего не было, тьма и пустота воцарились в чулане, и не было им имени, ибо имена дают лишь живым и мертвым. Не было снов, и поэтому, когда мучительная зябь пробудила Филю, он чувствовал себя усталым, выпитым до дна. Хотелось к огню, к людям, но не было сил встать.

Дверь заскрипела, вошла старушка. Ей не пришлось нагибаться — видно, когда делали этот чулан, потолок вымеряли ей по росту.

— Ты, часом, не помер? — она потрепала его по щеке, почти нежно, почти по-матерински. — Вставай, уж полдень. Хозяйка злится, тебя к себе требует.

Филя сел и огляделся. Спросонок он не мог понять, где же находится, вокруг все было незнакомое. И кто эта бабушка в шерстяном платке и домотканом платье?

— Батюшки! — вскричала старушка. — Чтой-то у тебя рука вся в крови?

Филя тупо посмотрел на руку. И правда, левая кисть была неприятно стянута корочкой запекшейся крови. «Сильно я зацепил, надо было пощадить палец», — подумал Филя, и взгляд его пал на тряпицу. Сон как рукой сняло. Он быстро схватил ее и спрятал. Никто, никто, кроме него, не должен этого видеть. Заметила ли старушка? Но она, казалось, оцепенела от вида крови и тихо подвывала от жалости, причитая и всплескивая по-беличьим худыми руками.

— Это... я тут в темноте на ножик напоролся, — брякнул Филя, смущенно оправляя ворот рубашки. — Ничего, уже зажило, мне совсем не больно.

— Какая ж темнота? — удивилась старушка. — Я почто тебе свечу дала?

— А она потухла, — простодушно сказал Филя. — Как я тут один остался, сразу же. Я полез спички искать, а там ножик. Вот он...

Ножа нигде не было. Финка с драконом, грозная, как зуб хищника, исчезла, видимо, завалившись куда-то под вонючее тряпье. Копаться в нем Филя побрезговал.

— Пойдем, мой сладенький, я тебя перевяжу, — сказала старушка, и Филя, согретый неожиданной заботой, малым теленком поплелся за ней. Они добрались до кухни, где стоял пар от многочисленных кастрюль и сковородок. Старушка наполнила миску водой и погрузила туда раненую Филину руку. Палец неприятно защипало.

— Терпи! — сказала старушка, увидев, как Филя морщится. — Сейчас анисовой водкой протру.

Откуда-то из недр шкафа она вытащила штоф и откупорила его. Терпкий запах аниса ударил в ноздри, вспомнились пастилки от кашля, которыми мама любила потчевать Филю, когда у того болело горлышко. Плеснув водки на чистый кусок полотна, старушка нежно протерла ему каждый палец, мурлыча себе под нос.

У Фили кружилась голова. Ему было приятно, что есть в этом городе хоть одна живая душа, которой не все равно, что у него приключилось с рукой. И все же он хотел побыстрее остаться один, чтобы рассмотреть рисунок — тот, что он собственной кровью вывел на Витиной тряпице. Значит, это был не сон! Да не сошел ли он с ума? Говорят же, что сумасшедшие слышат голоса и повинуются им. Вот и его черед настал! Увезут в желтый дом, и тогда кто будет спасать Настеньку? Тетка? Эта бессердечная Горгона? О, злая сиротская доля!

— А поесть можно? — спросил Филя, когда старушка справилась с перевязкой. Запахи кухни душили его, и он сглатывал поминутно набегающую слюну.

— Вот, держи, только хозяйке не говори.

Старушка поставила перед ним полную миску дымящейся каши. Филя судорожно ел, обжигая язык и отфыркивая комки. Каша была масляной, сладкой, невыразимо вкусной, и он думал только об одном, можно ли попросить еще. Когда он закончил, старушка второй раз наполнила миску. Он уже ел медленнее, сосредоточенно и важно, как привык делать дома. Третью миску он опорожнил только наполовину, и остаток торопливо был унесен. Видно, за

ним доест Полкан или плешивая хозяйская болонка. Внезапно Филя вспомнил, что украл из столовой колобки, но в карманах их не оказалось. Съел во сне? Догрызла мышь? Унес таинственный обладатель голоса?

Чертовщина творится, да и только. Филя встал, отряхнулся, поблагодарил старушку за завтрак, и они вместе двинулись в гостиную, где их поджидала хмурая и оттого казавшаяся еще более грузной Горгона. Она утопала в огромном плюшевом кресле с вычурными ручками, в ногах на бархатной подушке дремала та самая болонка, растопырившая лапки, как дохлая.

— Спать до обеда изволим, барин? — поинтересовалась Горгона. — Ты, да ты — она показала пальцем на Филю — пойди-ка сюда, поближе. Я тебе что сказала, утром выметайся. Времени уже час, а ты все здесь. Как это понимать?

— Не успел выместись, — сказал Филя.

— Ты мне не дерзи! — взвилась Горгона. — Молоко еще на губах не обсохло! В наше время молодежь стариков почитала, в пояс кланялась, шапки ломала. А он, видите ли, рассупонился тут и стоит фертом. Щенок!

«Опять распаляется, — подумал Филя, отступая к камину. — Сейчас еще ударит».

Но тетка лишь топнула ногой, разбудив при этом болонку, которая испуганно взвизгнула и вскочила — морда в липкой слюне, глаза в кучу. Собачка покрутилась, кусанула блох, резвившихся в чахлой шерсти и улеглась обратно как ни в чем не бывало. И захрапела, тварь такая! Филе ужасно захотелось спать, под веками будто перекатывался песок.

— Ну, я пойду тогда, — сказал он грустно. — Прощайте, тетя!

— Я тебя еще никуда не отпускала, — заявила Горгона. — В моем доме я решаю, кому когда уходить. Слушай меня, недостойный отпрыск семейства. Я приму тебя назад только с Настенькой, моей куколкой, а без нее можешь на порог не показываться. Ты меня понял, олух царя небесного?

Филя почувствовал, как гнев распирает ему ребра. Довольно оскорблений с него. Сжав покрепче кулаки, чтобы не вырвалась грубость, он коротко кивнул и направился к двери.

— И денег не дам, помни! Хоть с Настенькой, хоть без. Не дам! — неслось ему вслед.

«А мне и не надо, — злился он. — От вас я и медной полушки не возьму. С ваших денег грязь не сходит».

Старушка подсуетилась и ловко накинула ему на плечи пальто. Вне себя от глухой, едва сдерживаемой ярости, он вышел, не поблагодарив ее. Пуговицы застегнул только на улице, когда ветер забрался к нему за пазуху и принялся там баловаться. Все, теперь он остался совсем один — ни родственников, ни друзей, отрезанный ломоть. Что делать? Куда идти?

— Замерз, цуцик? — весело спросил знакомый голос.

Филя поднял глаза и увидел, что у обочины стоит автомобиль: окно приоткрыто, и из него высовывается розовощекое лицо Вити.

— Садись, — сказал Витя. — Долго же пришлось тебя ждать. Весь бензин сжег. Давай быстрее!

Филя оглянулся, бросил прощальный взгляд на теткин дом и сел в машину. Там было тепло, пахло табаком и семечками. Витя сиял улыбкой, как будто выиграл в лотерею миллион. Под правым глазом разлился могучий фингал, от уха вниз шла рваная царапина. Чисто кот! Дранный, дворовый бандюга, расхититель воробьиных гнезд.

Филя улыбнулся в ответ.

— Как ты спасся? — спросил он.

— Не спрашивай, долгая история. Помяли маленько бока, но живой ушел. Они меня прижали к стене, я за камушки зацепился и вскарабкался. Один меня такой за ногу хватать, я ему по рылу галошей съездил. Перемахнул стену и ходу, а там темень, колючки со всех сторон. Вот, зацепило, — Витя показал на царапину и махнул рукой, дескать, это мелочи, забудь. — Догонять не стали, сами боятся. Я одной левой могу десятерых забороть.

Витя подумал немного, не слишком ли прихвастнул, и добавил с важностью:

— Ибо Витязь.

— Куда же мы поедем? — спросил Филя. — Я теперь официально бездомный.

— Ко мне, — сказал Витя, заводя мотор. Машина взревела, чихнула и окуталась густым паром. — Тряпочка, что я дал тебе, не потерялась?

В голосе Вити чуть слышно звенела тревога.

— Не потерялась, но я ее испортил.

— Как испортил? Порвал?!

— Нет, хуже, — и Филя протянул ему тряпицу рисунком вверх.

Гомункул

Они одновременно посмотрели на нее. Перед ними была карта, изящная и детальная. И не скажешь, что она нарисована человеческой кровью.

— Это же Караван-сарай! — закричал Витя, вырывая карту у Фили. — Едем туда.

Машина рванула с места, издав мощный рык.

— Что еще за Караван-сарай?

— Дом такой громадный, отсюда верст пять на восток. От него начинается Великий Степной Путь.

— И что мы там будем делать? — Филя задергался в кресле, как кролик в силках. Странное предчувствие охватило его.

— А ты посмотри, на карте все написано, — откликнулся Витя, зорко осматривая дорогу. Он опять ждал погони, и теперь Филя начал понимать, из-за чего весь сыр-бор. Вот из-за этой тряпицы! А теперь, когда он на ней нарисовал карту, им живым не уйти. Калмыки с них кожу сдерут — да не чулком, а кусочками, чтобы помучались подольше. Надо было заткнуть ночью уши и не обращать на искушителя никакого внимания. Поддался он, слабый, не уловки хитрой бестии, пустил в душу потоптаться! Как он смог в темноте вязкой кровью нанести такой тонкий рисунок? Да еще изобразить то, что никогда в жизни не видел! Нет, его рукой двигала нечистая сила, и теперь он расплатится сполна. А вдруг это не просто карта, а договор? Вдруг он обрек себя на вечное служение тьме, подписавшись кровью? Тьфу, тьфу, ужас-то какой!

Филю пожирал изнутри адский огонь, на лбу выступил пот, и обманчиво лениво, никуда не торопясь, по щеке потекла капля. Она пробиралась к шее и закатилась за воротник. Витя крутил руль, машину то и дело заносило. Карта лежала, распластанная, на приборной доске, и смотреть на нее было больно. И все же Филя не мог не заметить, что один из нарисованных кровью домов, окружавших Караван-сарай, подписан. Готическим шрифтом нам ним было выведено «Гомункул». Что это означало, Филя не знал, только понял, что ничего хорошего.

— Витя, а кто такой Гомункул? — осторожно спросил он.

— Почем я знаю? — огрызнулся Витя. — Не отвлекай. Быстрее доедем — целее будем.

— Как скажешь, — вздохнул Филя и взял карту в руки, чтобы рассмотреть.

Караван-сарай был огромным сооружением с внутренним двором, где росли плодовые деревья. Во всяком случае, на одном из них висело яблочко. Караван-сарай был не что иное как рынок, где можно купить диковины востока — сочную золотистую курагу, сладчайший мед, сморщенные, похожие на пальчики купающихся негрятят, финики, кувшины ручной работы, золотые блюда, кинжалы дамасской стали, осликов в хозяйство, переливчатый, ласковый к рукам шелк, душистую мирру, драгоценный шафран, резные шкатулки, сделанные из цельного куска красного дерева. Филя повел носом и явственно учуял запахи рынка — пьянящие, экзотические, густые. Он вздрогнул от удивления — нет, ему не показалось. Карта источала запах. Но ведь она не может пахнуть ничем, кроме как кровью, да и та, засохнув, для человеческого носа вроде уже и не существует. Наваждение, чертовщина!

Чем дальше Филя смотрел на карту, тем сильнее росло в нем удивление. Дом с надписью «Гомункул» был самой прорисованной частью карты. На крыше виднелся цветочный рисунок, у порога лежал пушистый коврик с надписью «Открыто». Буквы были такие маленькие, будто он рисовал их не пальцем, а самым тонким пером. Сверху топорщилось изогнутыми лучами огромное солнце. Оно по-разбойничьи недобро кривило рот. По краям шла рамочка в виде виноградных листьев и кистей. И все это он набросал почти в темноте, при свете одной лишь свечи, а то и вовсе без света, в слепоте телесной и душевной! Филя бы не поверил сам себе, если бы не узнавал в каждой черточке, в каждой детали свой стиль. Вот хвостик у буквы «Люди» точно такой, какой он обычно выводит, когда пишет свое имя. Яблочко и то вспомнилось: он рисовал его в качестве этюда, будучи пригостишкой. Это его рука, без сомнения! Но это не его карта, она была ему нашептана, напета демоном. И она — страшный грех, который навсегда закроет ему путь в иконописцы. Права была цыганка!

От этой мысли Филю напрочь сковало. Вот оно что, цыганка! Она знала о том, что произойдет этой ночью, а он ей не поверил. Испугался поначалу и забыл. Все гадалки — плутовки, так говорила покойная матушка. Цыганам веры нет, цыгане лжецы, бедовые ребята. Нельзя допытываться у судьбы, куда она захочет вильнуть, потому что она, коварная, обязательно повернется не так, как ты ожидаешь. Цыгане умеют наступить ей на хвост, но правды никогда не скажут: им ведь что, только денежки выманить! Застращать, наврать с три короба, наплести про недругов, порчу, сглаз, привороты, а под шумок обокрасть, кошелек там срезать или часы выудить. Другого интереса у них нет. Но эта цыганка не обманула! Она видела метку злого рока на его руке, предупредила, а он не внял. Олух, и правда олух! Только уже не царя небесного, а князя подземного. Но как он мог это остановить? Ведь демон застал его врасплох, спящего. Ему бы кинуться вот из чулана и не спать до утра, а он разнюнился, развалил тело на досках и попался в сеть. Ох, и дурак!

Витя тем временем чуть ослабил хватку на руле. Погони не было. Он засвистел развеселую мелодию, но покосился на мрачного Филю и затих.

— Не думай, я тебе ее не нарочно дал, — сказал Витя извиняющимся тоном. — Они пришли, надо было как-то спасать. Кто ж знал, что ты этот...

— Кто? — резко спросил Филя. — Кто?

— Ну, картограф. Я думал, фетюк, простофиля. Ты уж прости, не разглядел. Вашего брата на улице не встретишь. У тебя и вид-то не такой, как у них бывает.

— А какой у них бывает вид?

— Разный. Скажем, нос крючком до губы или глаза черные. У одного, говорят, на щеке

была бородавка пупырчатая, из нее волос торчал.

— Стало быть, надо обзавестись бородавкой?

— Зачем же? Ты и так скоро себя не узнаешь. Вот, смотри, у тебя уже прядка седая появилась. За одну ночь всего, а сколько их еще будет!

Филя быстро опустил стекло и высунулся, чтобы рассмотреть себя в зеркале. Так и есть, над левым виском волосы словно обнесло ином. Он дернулся к ним рукой, пригладил — нет, не краска. Поседели! Он обреченно вздохнул, закрыл окно и откинулся на сиденье.

— А кто они, эти картографы? — глухо спросил Филя. Голос едва вырывался из нутра, словно кто-то невидимый накинул леску-удавку и потихоньку затягивал ее, стараясь не пугать жертву сразу до обморока.

— Картографы-то? Я, вишь, немного знаю. Только если тебе что-то приспичило разыскать — вещь, человека или дом — это к картографу. У нас их все боятся.

— Почему?

— Говорят, они могут смерть нарисовать, и тогда труба! На другой день околеешь.

— Обещаю, твою смерть я рисовать не буду.

— Э, — сказал Витя и покачал пальцем. — Не зарекайся. Кто знает, как обернется дело. Может, и нарисуешь.

И тут Филю осенило. Если картограф может искать людей, рисуя карты, значит, и Настенька найдется. Он справится сам, без полиции, теперь у него есть силы, пусть и дурные, запретные. На мгновение глупое сердце окрылилось надеждой, воспарило и тут же рухнуло назад, в угрюмые глубины. Нет, нельзя этим заниматься. Погубить душу страшно, ведь дорога к дьяволу — она без возврата, от крови не отмоешься, Бог не примет. Должен быть способ вернуть сестру и самому при этом не загубиться. Может, Витя поможет, или полиция очнется и нагрянет к крабу с обыском. Он, Филя, не обязан лезть в пекло, даже если оно перед ним и разверзлось. И все же что-то сладко пело внутри: падай, падай, я жду. Я здесь, я жажду, приди!

Пытаясь заглушить манящий голос, Филя стал вспоминать комнату за комнатой дом тетки. Блуждание мыслью по дому всегда помогало ему освободиться от нагрянувшей тоски и отдохнуть. Он вычертил в голове план особняка, расставил предметы, долго думал, куда же положить грязную собачонку и оставил ее там, где первый раз встретил. Не забыл про ковры, безделушки, занавески и даже кости — их он выводил с особым вкусом.

— Ты что делаешь? Прекрати! — ткнул его локтем Витя. Да пребольно!

Филя открыл глаза и ахнул. Карта будто поплыла: по тонкому рисунку шла рябь, искажая его от середины к краям. Контур теткиного дома проступал сквозь тряпицу, разрывая абрис Караван-сарая, давя яблочко, сминая виноградные гроздья. Филя тряхнул головой, и морок рассеялся.

— Ты, пока не приехали, карту не портить! — сурово сказал Витя. — Гомункулу она нужна.

— Значит, ты все-таки знаешь, кто такой Гомункул?

— Ну да, и что с того? Я не мастак объяснять. Приедем — сам увидишь.

— Давай начистоту. Это опасно?

Витя сморщился:

— Ты что, трус? Опасно, еще бы не опасно! Тебе теперь осторожней надо быть. Когда прознают, что ты картограф, от тебя не отстанут. Мой совет, сразу ищи благодетеля. Лучше самому выбрать, чем тебя захватят силой.

Филя поблел. Он так и представил, что его, как барана, связывают огромной веревкой и волокут прочь от родного хлева.

— А ты не можешь быть моим благодетелем? — робко спросил Филя, косясь на Витину кольчугу.

— Рад бы, да никак. У меня другой талант, я герой. Раз уж мы встретились, давай держаться вместе. А про благодетеля Гомункула спросишь, он подскажет. Для того и нужен! И у меня к нему пара вопросов есть.

Филя вздохнул и замолчал. Мимо неслись дома, покрытые снегом тополя, березы. Дорогу перебежала старая серая кошка, и Витя вдарил по тормозам.

— Вот сука! — плюнул он. — Теперь дороги не будет.

«Во всем знак беды, — с тоской думал Филя. — Крабы, Горгоны, Гомункулы... Витязь этот шальной. Кто же знал, что город так грозен? Настенька, где ты, маленькая, что с тобой делают? Думаешь ли ты обо мне в эту самую минутку?»

Незаметно мысли Филя вернулись к дому тетки, и до него вдруг дошло, что ни в одной из комнат он не заметил зеркал. Конечно, дамы, обитавшие там, не отличались неземной красотой, но им же надо было хоть как-то поддерживать пристойный внешний вид. «Горгона она и есть Горгона, — решил Филя. — Взглянет в зеркало — окаменеет. А туда ей, впрочем, и дорога». Чуть позже он устыдился этой мысли. Зла тетке он не желал, но то, как она с ним обошлась, — несправедливо, невеликодушно — ранило его навывлет.

Вдали показалась крыша Караван-сарая, и Филя начал узнавать местность. Все это было изображено на его карте в миниатюре: вот небольшой особняк под черепичной крышей, рядом с ним колонка и кустики. Дальше почта и мясная лавка. Три безликих дома подряд, проулок, забитый мусором и снегом, пустырь и наконец резиденция Гомункула. Витя небрежно остановил машину на тротуаре и жестом приказал выходить. Филя запахнул пальто и нырнул в морозные объятия улицы. Караван-сарай стоял безмолвно. Нерабочий день?

Витя нес карту, как пойманного на краже цыплят хорька. Вошли в дом без стука, дверь была не заперта. Филя мелкими шажками крался за Витей. От страха он весь сжался, лодыжки свело вместе невидимым канатом. Внутри было темно и пахло лекарствами, особенно отчетливо бил в нос запах гвоздичной эссенции, от которого Филя безобразно расчихался.

— Тихо ты! — прошипел Витя. Филя смущенно пожал плечами.

Из коридора они попали в небольшую комнату, заставленную шкафами. В них находились колбы, флаконы, склянки всех сортов и фасонов: в одной, например, плавала заспиртованная змея. В небольшом аквариуме томились пиявки, в стеклянной коробке, похожей на гроб, белым животиком вверх лежала остромордая лягушка. В комнате никого не было. Витя тихо подошел к шкафу и ловко сунул коробку с лягушкой к себе в карман.

— Положи на место, ворюга! — закричал Филя, но тот закрыл ему рот.

— Тшш, не шуми. Пригодится.

— Да мало ли что... — сказал Филя, и тут появился Гомункул.

Собственно говоря, это был просто невысокий кургузый человек, почти гном. Он ковылял на кривых ногах, и голова — ушастая, неестественно круглая — покачивалась в такт шагам. Водянистые глаза неприятно слезились, и Филя почувствовал, как у него под веками копится ответная влага. Фу, омерзительно!

— Зря вы так, молодой человек, — произнес Гомункул, глядя на Филю. Звук «р» он

выговаривал настолько необычно, что это нельзя было назвать картавостью. Гомункул выбулькивал его, словно пускал пузыри в стакан с густым соком через соломинку.

— Что зря? — спросил растерянно Филя. Он подумал, что именно его сейчас будут уличать в краже лягушки, и не знал, выдавать ему Витю или притвориться, что он ничего не видел и не знает.

— Вы, видно, считаете меня каким-то экзотическим уродом? Напротив, я совершенно обычный человек, а вот вы — вы да, урод.

— Я?! — возмутился Филя. — Да как вы смеете меня оскорблять?

Кровь зашумела у него в ушах. Витя, отошедший к двери, досадливо крикнул.

— Почему же оскорбляю? Привыкайте, это комплимент. Таким уж вы родились, оттого и урод. Игру слов понимаете? Ну, не обижайтесь. Вы так ослепительно молоды и пышете здоровьем, что мне захотелось сбить с вас спесь. Простите уж старика. Проходите в кабинет, там поговорим.

И Гомункул повел их внутрь дома. «Заманивает, слизень головобрюхий! — подумал Филя. — Вдруг там засада?»

— Эй, молодой человек, — лукаво протянул Гомункул. — Не забывайтесь, у меня тоже есть гордость.

«Мысли читает!» — мелькнуло в голове у Фили.

— Да, читаю, — сказал Гомункул. — И ничуть этого не стыжусь. А вам бы пора научиться прикрывать головушку, чтобы такие, как я, у вас там не рылись.

— Чем же? — спросил Филя.

— Да вот хоть чепчиком из фольги. Я вам попозже продам.

— Не покупай, — шепнул Витя. — У меня дома три штуки.

Филя посмотрел на него и покачал головой. Здесь, в Бурге, куда ни плюнь — чудовища и сумасшедшие, и еще неизвестно, кто он сам. Может, и то, и другое.

В кабинете у Гомункула было уютно. Горел камин, потрескивало березовое полешко. Рядом с очагом стояли три кресла, на одном из них лежала книга в кожаном переплете — Гомункул читал ее в ожидании прихода гостей. Стены были обиты отполированными деревянными плашками, отчего вся комната искрилась отблесками и была как живая, — шевелилась, дергала богатой шкурой. Шторы плотно закрывали окна, не давая солнечному свету пробиться внутрь.

«Как же он читает? Темно ведь», — невольно подумал Филя, позабыв, что для Гомункула его мысли — не секрет.

— А вот так! — сказал Гомункул, и глаза у него загорелись, как у ночного хищника, только ярче и пронзительней. Филя передернулся, до того гадливое чувство возникло у него в животе при виде этих огромных глаз, окаймленных болезненно красным, тонким веком без ресниц.

— Садитесь, потолкуем, — сказал Гомункул. Витя сразу же хлопнулся на ближайшее кресло, и Филе пришлось протискиваться между ним и огнем, чтобы сесть рядом с хозяином. Ах, как не хочется!

— Каюсь, что не поприветствовал вас, как подобает, господин картограф, — начал Гомункул. — Вообще по протоколу я должен был вас испытать еще при входе, но вы были так бледны и напуганы, что я не рискнул. Так что отложим пока, вы не против?

Филя замотал головой — нет, нет, что вы, никаких испытаний, дайте передохнуть, привыкнуть к обстановке.

— Стало быть, я правильно вас понял, — удовлетворенно сказал Гомункул. — Давайте представимся друг другу, а то что вы меня Гомункулом зовете? Может, так оно и есть, но неприятно. Поверьте, за столько лет я уже много раз пожалел... Впрочем, это к делу не относится. Меня зовут Аркадий Николаевич.

— Филимон, — тихо сказал Филя. — Фамилию надо?

— Обойдемся без формальностей, ужасно не люблю, — поморщился Гомункул. — Ну-с, а вы, голубчик?

— Витя Зязин, он же Витязь, — бодро отрапортовал Витя, вытягивая руки по швам. Это смотрелось глуповато, учитывая его сидячую позу.

— Ммм, вас я, конечно, не ждал, но раз уж мы все тут сошлись, значит, на то была чья-то воля, — задумчиво сказал Гомункул, поглаживая переплет книги тонкими костлявыми пальцами. — Да, интересный расклад. Проводник, герой и картограф в одной комнате, давненько не было такого!

— А вы проводник? — спросил Филя.

— Конечно, не герой же! Посмотрите на меня. Разве в мои годы потянет на подвиги? Дожить до лета и то свершение! Старею, угасаю, но вам еще пригожусь. Может, у вас уже есть вопросы?

— Да, — горячо сказал Филя и даже придвинулся поближе к собеседнику, хотя еще минуту назад не мог себе такого представить. — Почему вы все говорите, что я картограф?

Гомункул разочарованно цокнул языком:

— Я-то думал, у вас будут вопросы по существу, а вы... Ладно, начнем с азов. Вы свою первую карту уже нарисовали, так ведь? Иначе бы вы здесь никогда не оказались. Где я живу, может знать только истинный картограф. Ему открывается адрес в первом видении. Разрешите взглянуть на вашу карту?

Витя протянул ему тряпицу, и Гомункул принялся ее разглядывать.

— Недурно, недурно. Хороший стиль, твердая рука, кровь жидковата, но это у молодых бывает часто, потом пройдет. Разбавлять только слюной, слышите? Сейчас модно ацетоном, заклинаю вас этого не делать. Испоганите пергамен. Так, что еще? Детализация карты излишняя, зачем, к примеру, нарисовали яблоко? Удержу не знаете? Ведь ко мне теперь побегут, скажут, откуда у нас яблоко посреди зимы выросло. Вы такими вещами не балуйтесь, рисуйте только по делу, без лишних украшательств. Я понимаю, вы художник, вас на творчество тянет, но поймите, нельзя. Быть картографом — большая ответственность.

— Я больше не буду, — растерянно пролепетал Филя. — Не знал, никто не объяснил.

— Ну-ну, не расстраивайтесь. Я ведь подстраховался и всех из Караван-сарая загодя удалил. Мы попозже сходим туда и сорвем ваше яблочко. Может, никто и не заметит. Теперь о главном: больше трех карт в неделю не рисовать, а то хватит апоплексического удара. Да, в таком молодом возрасте, представьте себе! Третьего дня хоронили молодчика, принялся штамповать одну за одной, до денег был жадный. Нашли на полу, уже холодного. Из носа крови натекла целая лужа, кораблики пускать можно. И еще, когда рисуете, держите при себе стерильный инструмент. Грязным ножом пальцы тыкать не дело. Хотите, продам вам по знакомству великолепный набор?

Филя готов был уже кивнуть, но Витя пнул его под креслом. Филя отрицательно помотал головой.

— Не хотите как хотите, — сказал Гомункул чуть раздраженно. — Помните, отныне и вовеки веков вы себе не принадлежите.

— Скажите, а почему именно я стал картографом? — спросил Филя.

— На этот вопрос трудно ответить. Скорее всего, ваша матушка, будучи на сносях, лакомила мясом черного петуха.

— Что?! Какого петуха?

— Глупо звучит, правда? Не менее глупо, чем ваш вопрос. Никто не знает, почему становятся картографами, проводниками или, скажем, посланниками. Так получается. Врожденный дефект, внутриутробная травма. И это, заметьте, на всю жизнь.

— Так значит, я не смогу писать иконы? — с тоской в голосе спросил Филя. Перед его мысленным взором с грохотом захлопнулась дверь мастерской.

— Писать-то сможете, да никто их не купит. Кому нужны оскверненные святые? Нет, теперь, когда вы нарисовали карту, другое ремесло вам не дастся. Забудьте прежние мечты, новая жизнь, в которую вы вступили, будет куда интересней.

Филе вдруг подумалось, что вступил он не в жизнь, в самое настоящее дерьмо. Поди теперь отмойся! Гомункул сочувственно покачал головой и ничего не сказал.

— Если у вас возникнет во мне необходимость, мой адрес вы знаете. Только больше никого с собой не привозите, я по-стариковски ценю тишину и уединение.

— Между прочим, пергамен ему дал я, — обиделся Витя. — Без меня бы он не нарисовал карту!

— Простая случайность! — сказал Гомункул, поворачивая к нему голову. — Нечего приписывать себе подвиги, которых не совершали. Эка невидаль передать мастеру инструмент. Вы еще себя, юноша, не нашли. Вот взяли вы у меня лягушку, вы хоть знаете, что с ней делать?

Витя покраснел и промямлил:

— Тренировать.

— Тренировать, — передразнил Гомункул. — Уморите животное, и ничего не получится. Ладно, считайте, что я вам ее продал. Давайте полтинник.

— У меня нет, — сказал Витя и беспомощно посмотрел на Филю. Тот вздохнул, вытащил кошелек и протянул купюру Гомункулу. Деньги мгновенно исчезли в бесчисленных кармашках его шерстяной жилетки.

— Стрелы сами сделаете, — напутственно сказал Гомункул Вите, который кивал, как китайский болванчик, все еще красный от смущения. — А вы, Филимон, не берите сразу заказы, сначала потренируйтесь. Лучше ночью, когда никто не отвлекает. Закройте глаза и представьте место, где никогда не были, скажем, дом собачника Ираклия Мордвина. И рисуйте, рисуйте, пока кровь не засохнет. Как закончите, ложитесь спать, карте надо отстояться. Сразу на поиски бежать глупо, да и силы восстановить не грех. Сперва может скверно получаться, не все разглядите, туману в уголки подпустите или клякса где проскочит. Переживать не стоит, ясновиденье придет с опытом. Вроде все... Вопросы появились?

Ошарашенный всем этим Филя сидел не жив не мертв. Вопросов не было, кружилась голова. Только сейчас он понял, что возврата к прежней жизни не будет. Он картограф навсегда, навечно, до гробовой доски, а может, и чуть дольше. Кто его знает, вдруг в Аду тоже художники нужны?

— Ты про благодетеля хотел спросить, — напомнил Витя.

Гомункул Аркадий Николаевич прищурился и посмотрел на Витю с укоризной:

— Что это вы, юноша, ему голову морочите? Зачем благодетель? Картограф — птица

свободная, ему никто не указ.

— А как же эта... безопасность? — спросил Филя. — Что, если меня убьют?

— Сперва не убьют, потому что вы ничего еще не умеете, а потом не убьют, потому что не смогут, — резонно заметил Гомункул, расшвыривая угольки кочергой. — Не суйтесь только без надобности в дела сильных мира сего, и останетесь целы.

Филя сокрушенно вздохнул.

— Вижу, не верите старику. Хорошо, дам вам адресок, обратитесь, скажите, что от меня. Если примет Семен Семеныч вас под свое крыло, будете как за каменной стеной. Только плату он с вас возьмет непомерную. За качество, как говорится, три шкуры сдирают!

Гомункул достал из кармана жилетки крошечную записную книжку, в которую был вложен химический карандаш, и быстро начеркал записку к Семену Семенычу и его адрес. Филя протянул руку к бумаге, и словно ток прошел по пальцам и сгустился мучительным зудом в локте. Он ясно увидел небольшой бревенчатый дом, выкрашенный в синий цвет, палисадник, засыпанный снегом, молодую рябину близ дороги, наледь у колодца.

— Bravo! — вскричал Гомункул. — Вот вы и прошли свое первое испытание.

Филя удивленно посмотрел на него:

— Какое испытание?

— Я же говорил вам. Проводник должен испытать картографа. Это своего рода традиция, ей много веков. Вы приходите, я даю вам адрес, скажем, булочной или табачной лавки, а вы мне должны описать место до деталей. Можете не трудиться, я видел картинку, которая была у вас в голове. Все очень точно, и даже наледь. Стало быть, Семен Семеныч ходил сегодня по воду. Поправился, болезный. Считайте, что я благословил вас на ремесло. Это, конечно, ничто по сравнению с истинным талантом, но для некоторых важно.

Филя, не в силах ничего сказать, просто хлопал глазами. Сидевший рядом Витя нетерпеливо возился: у него тоже были вопросы, но он не знал, когда с ними сунуться к Гомункулу. Помялся-помялся и решился.

— А он, — Витя кивнул на Филю — может помочь мне найти?.. Ну, вы понимаете...

Гомункул хмыкнул:

— Может, да вот только захочет ли? У вас, юноша, свой путь, вы картографа за штанину не держите. Повторяю, ваша встреча — чистая случайность, он не обязан делать за вас вашу работу.

— Но я должен знать, куда идти! Меня тянет, я истомился.

— Дело ваше. Чем больше помощи привлечете, тем меньше будет ваша доля. Не забудьте и мне гостинец прислать за труды, — Гомункул сделал неопределенный жест рукой, показывая размер гостинца.

Витя кивнул и затих.

— Так, и последнее, — сказал Гомункул. — На чем рисовать карты. Хорошо подходят старые, лучше даже рваные священные книги: Писание, Псалтырь. Берете лист, аккуратненько отделяете от корешка, ножиком зачищаете буквы. Некоторые отмачивают в лопуховом отваре, я необходимости не вижу.

— Я знал одного картографа. Тот брал божественные книги у молокан. Говорил, они самые хорошие, — заметил Витя с видом знатока.

— Можно и у молокан, — согласился Гомункул. — На вкус и цвет товарищей нет. Но учтите, по-хорошему с ними не получится, придется идти на разбой, а это риск.

— А сколько карт можно нарисовать на одном листе? — спросил Филя, разглядывая

зажатую в руке у Вити тряпицу. Он припомнил, как сидя в машине, чуть не искажил ее видением теткинго дома.

— По инструкции, один лист — одна карта. Сейчас дерзко экономят, стирают пергамен и снова используют. От этого бывают значительные погрешности. Скажем, в доме семь комнат, а картограф рисует шесть или восемь. Приходит на место и разобраться не может. Так что решайте сами, юноша, я тут вам не советчик. А теперь пойдете в Караван-сарай. Яблочко-то надо устранить.

Гомункул поднялся и поспешил к выходу. Витя и Филя едва поспевали за ним — он удивительно резво ковылял на своих коротких ножках. Они вышли на улицу. Пуржило. В переулке вихрилась снежная пыль, поземка лизала тротуар. У Караван-сарая по-прежнему не было ни души. Гомункул подошел к стене, нащупал пальцами бугорок, и перед ними открылась тайная дверь, узкая, как бойница. Они с трудом протиснулись в нее. Витя не успел втянуть живот, шкрябнул о стены кольчугой и чуть не застрял.

Внутренний двор был занесен снегом, и потому красное яблоко, нагло свисавшее с ближайшей яблони, выделялось вдвойне. Оно качалось на самой высокой ветке, и даже Витино роста не хватило бы, чтобы до нее дотянуться.

— Подсадите, — деловито сказал Гомункул и жестом велел Вите присесть.

Тот подчинился, и Гомункул с ловкостью обезьяны забрался ему на плечи. Сорванное яблоко упало на землю и покатилося к стене.

— Лови! — завизжал Гомункул, Филя прыгнул и накрыл фрукт собственным телом. Тот бился под пальто, как живой.

— Вот что бывает, юноша, от излишней прыти! Какое яблочко нарисовал! — сердито сказал Гомункул, помогая Филе подняться и стряхивая с него снег. Яблоко дергалось в его руке, пока не исчезло в одном из карманов. — Все, пора по домам. Навестите меня через месяцок, расскажете об успехах.

Витя и Филя сели в машину. Она успела выстудиться, сиденья неприятно холодили зад.

— Куда поедет? — спросил Витя.

— Не знаю. Мне некуда податься. Где здесь дешевые номера?

— Зачем тебе жить у чужих? Поехали ко мне! Мать будет рада, давно я гостей не приводил.

Филю одолели сомнения: это знакомство даже шапочным не назовешь, одалживаться не хотелось. Но все же выбор был невелик. Надолго его денег не хватит. Сколько он проживет в гостинице — неделю, полторы, месяц? А дальше крах и нищенское существование в бесплатной ночлежке для бездомных. Лучше уж к Вите. Если Гомункул Аркадий Николаевич сказал правду, Филя расплатится сполна за эту услугу.

— Спасибо, Витя! Буду рад у тебя побывать.

И они помчались в Малярово.

Русалка

Филя молча смотрел в окно, перебирая в голове впечатления. Вот приехали к Гомункулу, вот Витя похитил лягушку, вот вошли в комнату и уселись к камину. Уже спустя несколько минут в реальность произошедшего верилось с трудом. Филя стал подумывать, что все это затянувшийся предутренний сон, навеянный осенней тоской и душным одеялом, но нет, сколько бы он ни щипал кожу руки, проснуться не удавалось. Да что там щипки — он ножом себя резал, и не помогло! Только хуже стало, карту нарисовал. А если бы удержался и не послушал искусителя, может, и не сбылось бы предназначение. Эх, что уж теперь, все

кончено и кончено!

Витя тоже молчал. Он перестал оглядываться и только иногда тоненько вздыхал. Кольчуга бряцала под курткой при каждом движении. Филя взглянул на карман его брюк, откуда торчал саркофаг с лягушкой и спросил:

— Зачем тебе эта тварь?

— Я же сказал — тренировать буду, — откликнулся Витя и лихо заложил вираж. Машина вильнула задом, как падшая женщина, но тут же выровнялась и загудела тоном ниже, довольная тем, что не слетела в кювет.

— Что-то я никогда не слышал, чтобы лягушек тренировали.

— И не услышишь! Этим только герои занимаются, и то не все.

— А почему так? — поинтересовался Филя. Он силился поддержать разговор, сидеть в гробовой тишине было неуютно. Ему казалось, что он обязан развлекать Витю разговором, ведь тот везет его в гости. А гостю полагается быть словоохотливым, балагурить и зубоскалить. С этим у Филя были вечные проблемы, улыбка, насильно натянутая на лицо, неизбежно и быстро сползала.

— Как тебе объяснить? Лягушек обычно тренируют младшие сыновья, если им довелось быть героями.

— А, я понял! — сказал Филя. — Иван-дурак и все такое. Помню, читал.

— Ничего ты не понял, — отрезал Витя. — Глупости говоришь. Это тебе не детская сказка, а... а...

Он не подобрал слово и махнул рукой — дескать, чего объяснять. Но Филя не отставал. Теперь, когда разговор завязался, продолжать его было не так уж затруднительно:

— И как тренируют лягушек?

Витя искоса взглянул на него, как бы оценивая, можно ли ему доверить столь серьезную информацию. Филя убедительно моргал глазами — я свой, я тебя не сдам. Витя поколебался с минуту и нехотя сказал:

— Это несложно, мне объяснили. Берешь лягушку, если она спит, как эта, — будишь. Сначала просто надо откормить, червями, улитками, мухами. Недели через две идешь в полночь в лес и ломаешь осину. Дома вырезаешь стрелы, наконечник лучше сделать мягкий. Лягушку моешь, вытираешь тряпочкой и на забор. Стреляешь в нее, она стрелы ловит. Вот и вся тренировка.

— А если ты убьешь ее стрелой? — поинтересовался Филя.

— Надо аккуратно стрелять, без спешки. Вообще хорошую, ловкую лягушку убить трудно, а другая и ни к чему.

— Вот ты натренировал ее, дальше что?

— Берешь везде с собой, особенно, если идешь на дело. Работа опасная, умирать не хочется. Пока возишься, бывает, шальная стрела в спину прилетит. А ты заранее лягушку вытащишь, и все, спокоен. Руки свободны.

— То есть это что-то вроде собаки? — разочарованно сказал Филя, ожидавший уж черт знает чего, только не ловли стрел.

— Не совсем, — уклончиво сказал Витя. — Лягушка много что может. Если с нее содрать кожу, на ней тоже можно нарисовать карту. И не простую, особенную. Немного погодя, когда я ее откормлю, поможешь мне с этим, ага?

— Я лягушку обдирать не буду! — решительно сказал Филя.

— Крови боишься? Ладно, я сам, ты только нарисуй.

— Нет и нет! Убивать животное!! Как ты можешь?

Витя рассмеялся:

— Вот глупый, у нее же новая кожа отрастет. На то она и лягушка!

— Не надо меня обманывать. У лягушек новая кожа не вырастает, только у змей.

— Считай, что это лягушка-змея, если тебе так проще. Да не умрет она, не бойся! Я сам видел. У меня... эээ, сосед такую держал. Из нее столько карт сделали, не перечесть!

— Ладно, но в любом случае, заниматься живодерством будешь без меня. Я пас. А что надо изобразить на карте?

— Этого я пока не знаю, — грустно сказал Витя. — В том-то и проблема. Герой должен искать и сражаться, с тем он рождается, с тем и умирает. И каждый свое дело знает: кому во снах видение дают, к кому калики перехожие приходят, все по-разному. А у меня не получилось. Я немного неправильный.

— В смысле?

— Обычно у героев есть старшие братья, а у меня сестры. Угораздило же их народиться, теперь ничего путью не будет, жизнь наперекосяк.

Филя озадаченно посмотрел на него. Вся эта история — лягушка, стрелы, братья — уж больно пахла выдумкой, литературщиной. Не разыгрывает ли его, часом, Витя? Только зачем?

Сам Витя немного повздыхал и принялся напевать унылый мотивчик, в припеве он подскуливал на манер одинокого щенка.

— Подожди, получается, ты ищешь и сам не знаешь что?

— Ага!

— Беда...

Оба замолчали. Дома вдоль дороги становились все мельче, низкорослей, словно город кто-то по окраинам прижимал к земле, накрыв ладонью, как майского жука. Избы стояли серые, некрашенные, некоторые были по старинке покрыты соломой. Из печных труб стекал дым. Он загибался вниз кошачьим хвостом и бесследно растворялся в морозной тишине. Людей на улицах было мало, только изредка мимо забора пробегала стайка ребятишек или шлепал старик в телогрейке и валенках с ведром в руке.

Через четверть часа они прибыли в Малярово, от которого за версту разило нищетой. Полуразвалившиеся сараи припадали друг к другу в последней попытке удержаться в вертикальном положении, окна домов были разбиты и заткнуты тряпками, в крышах зияли дыры.

— Рродина, мать ее! — сказал Витя, сплевывая в открытое окно.

Они остановились у небольшого дома, который единственный на улице не выглядел как брошенный родственниками инвалид. Во дворе было чисто, из приоткрытой двери валил пар, слышалось довольное хрюканье свиней и гомон разбуженных кур. Витя деловито отер подошвы о дерюжку у порога, кучно потопал и вошел внутрь. Филя робко плелся следом.

Навстречу им вышла румяная женщина в ситцевом платке. Она улыбалась так мягко и умильно, что Филя тут же оттаял, напряжение в мышцах спало, и даже шарф сам собой развязался.

— Витенька! — кинулась она к сыну. — Заждалась, где был? И кто это с тобой?

Она хотела его поцеловать, но Витя не дался, стесняясь гостя.

— Мать, давай потом. Это товарищ мой, Филимон. У нас поживет пока, ладно?

— Как скажешь, — растерянно сказала мать. — Проходите, пожалуйста, Филимон.

— Можно просто Филя, — предложил тот.

— Варвара Михайловна, — коротко представилась женщина. — Пойдемте, негоже стоять на ветру.

До чего Филе было неловко! Вторгся в чужой дом, где его не ждали, сейчас еды предложат, а он ведь голоден, сожрет все, хоть фетровую шляпу, и будет еще стыдней.

Дверь в кухню была завешана старой простыней, чистой, но замохрившейся по бокам. Хозяйева топили на совесть, хоть тащи ушат и мойся, и Филя едва сдерживался, чтобы не оттянуть воротничок. Пока мать Вити накрывала стол и ставила на плитку уже остывший чайник, Филя разглядывал обстановку гостиной. Точнее, это была не гостиная, а общая комната, где обитатели дома проводили большую часть своего времени. Что и говорить, жили Зязины небогато. Единственным предметом роскоши было накрытое ажурной салфеткой радио, стоящее на трехногом столике. С дальней стены на Филю игриво посматривала с портрета девушка, собирающая виноград. Дешевая репродукция, засиженная мухами, смотрелась в этой комнате почти гармонично. Однако в ней был скрытый вызов: вы думаете, мы утопаем в грязи? Нет, мы ценим искусство, нежное и романтическое, и все нам нипочем.

Оконца, окутанные тюлью, давали мало света. Замызганные зеленые обои, сиротливо проглядывавшие в прогалах между коврами и мебелью, делали комнату еще темнее. Привыкший и сам жить небогато, Филя все же чувствовал себя, как исполин, приглашенный мышью в нору. Он подумал, что Вите стоило бы меньше разъезжать на автомобиле в погоне за ненужными пергаменами, а больше таксовать. Разве можно мариновать родных в этих застенках, по сравнению с которыми дешевая привокзальная мебелирашка — шамаханский дворец?! И откуда у Вити взялся автомобиль? Неужели угнал?

Пока Филя предавался этим негостевым размышлениям, в комнату вошла Варвара Михайловна с подносом, на котором стояли две тарелки с кашей, небольшой заварной чайник, пара неброских чашек и сахарница. Позади шел Витя, он пер, отдуваясь, блестящий медный самовар. Филя кинулся на помощь, но его попросили не беспокоиться. Почти в полном молчании прошел этот поздний завтрак. Филе было мало одной тарелки с кашей, а попросить добавки он не решился. «Как бы им денег предложить за постой? — думал он. — Сунуть под салфетку или просто отдать? А если не возьмут или, что хуже, обидятся?»

Витя положил себе в чай семь ложек сахара и задумчиво смотрел в скатерть. На его лбу собрались морщины, которым было там настолько непривычно, что они то и дело сползали на брови, и Витя взмаргивал, забрасывая их обратно наверх. Филя надулся чаем, чтобы хоть как-то заглушить голод, и теперь нетерпеливо жевал губами в ожидании момента, когда можно будет заговорить о деньгах. Варвара Михайловна гремела в кухне кастрюлями и беседовала с кем-то вполголоса.

Раздались легкие шаги, дверь в комнату отворилась и на пороге появилась русалка. Филя обомлел. Она была хороша, как первый поцелуй. Серебристые волосы, гладкие и свежие, ниспадали на плечи, в темных глазах плясали чертики, брови чуть насмешливо и гневно гнулись к тонкому носу, а губы... На них Филя решил попросту не смотреть.

— Чего уставился? — сказала русалка, заправляя прядку за ушко. — Девушек не видел?

— Ррусал... то есть девушек видел, — пробормотал Филя и опустил очи долу. Слова не шли, в лицо предательски бросилась краска.

— Вот значит как, русалка? — усмехнулась девушка. — Так меня еще никто не называл.

— Тебе чего надо? — сердито спросил Витя. — Не видишь, мы заняты!

Русалка нетерпеливо дернула плечом.

— Да больно вы мне нужны. Я за шитьем пришла.

И она прошла к комоду, где принялась энергично копать, выкидывая вещи на пол.

— Эй, ты что делаешь? — закричал Витя, подскакивая к ней. — Это мое, не трогай!

Он начал кидать вещи обратно, а русалка со смехом продолжала их выбрасывать. Филя под шумок приоткрыл сахарницу и стащил оттуда несколько кусков рафинада. Во рту стало сладко, желудок чуть утих. Тем временем борьба продолжалась. В конце концов, Витя не выдержал, отпихнул русалку от комода и с силой задвинул ящик. Для надежности подпер его спиной.

— Иди отсюда! — замахал он на русалку руками. Та цыкнула на него и двинулась в сторону Фили, пристально глядя ему в глаза, как матерая хищница. Без тени сомнения она села к нему на колени, обвела пальчиком рот и медово спросила:

— А ты кто такой будешь, птенчик?

Филя ловил воздух ртом, как вытасенный на берег карась. И даже не золотистый карась, гордящийся своей яркой чешуей и нарядными плавниками, а простой, серый, глупый, еще недавно рывшийся в вонючей тине.

— Слезь с него! — Витя подскочил и принялся тянуть русалку за руку. — Оставь его в покое, блудница!

— Ах вот ты как заговорил? — возмутилась русалка. — Ну-ну, за денежками на бензин ты ко мне еще придешь, тогда и сочтемся.

Она встала с Филиных колен, отряхнулась и вышла из комнаты.

— Шалава, — прошипел ей вслед Витя.

— Что это было? — пролепетал Филя. В животе порхал мотылек, потные ладони накрепко прилипли к брюкам.

— Не обращай внимания. Сестра моя, Верка. Непутевая бабенка.

— Ты хочешь сказать, что она... что у нее желтый билет?

Витя, противу ожидания, ничуть не оскорбился.

— Да лучше б так, проще бы было. Нет, она себя за честную держит. Знакомится с богатыми, ездит с ними по ресторанам-театрам, подарки с них клянчит, а потом исчезает. Дескать, она гетра.

— Не гетра, а гетера, болван! — крикнула русалка из соседней комнаты.

— Слышь, ты, гетера, чтоб больше к моему другу не приставала! Понятно тебе?

Филя закусил губу. Вот откуда у Вити автомобиль! Господи, какой же позор! Пихнул сестру на панель и пользуется. О, свинцовые мерзости жизни! Брат, торгующий сестрой. Тренер лягушек. Витязь.

Увидев выражение Филиного лица, Витя сказал:

— Я ее к этому не принуждал! Ей самой нравится. Сто раз могла бросить, уговаривали, ни в какую. Ты думаешь, она ради меня в проститутки подалась?

— Я не проститутка! — донеслось из соседней комнаты. — Хам!

Не обращая на это внимания, Витя продолжал:

— Деньги были, отец... эээ, то есть дядя еще был жив, он на заводе работал. Завод, правда, на ладан дышал, но хватало. Я пошел туда помощником мастера, к инструменту привыкал. А она возьми да скажи: хочу роскошной, понимаешь, жизни. Надоело жрать огрызки! Не должна моя писаная красота прозябать в вашей грязи. И все — спуталась с каким-то кобелем, и понеслось. Сидит, весь день на себя любит, марафеты наводит, а

вечером — фью! Мать все глаза выплакала. Ночь-полночь, ждет ее, срамницу, у окна. Припрется, духами от нее, вином разит, дышать нечем. Брякнется спать, а наутро все по новой. Что вот с ней делать? В сарае запирать? На цепь сажать? Скажи мне, праведник, давай!

— Я не знаю, — растерянно пробормотал Филя. — Но ведь есть же способы. Реабилитация.

— Работация! — передразнил Витя. — Для такой-то и вдруг работация. Нет, брат, ничего не выйдет. Упорная блядь. Замуж, разве, ее выдать? Хочешь, за тебя, а? Бери, мне не жалко.

Филя вконец оробел и только моргал глазами.

— Испугался? То-то же. Ладно, пойдем, я тебе в веранде постелю, отдохнешь. А мне кое-куда съездить надо. И для лягушки корма купить.

В веранде было зубодробительно холодно. На окнах и подоконнике искрился иней, занавески плясали от сквозняка, одеяло хрустело. Филя сел на кровати и долго смотрел на разохшиеся половицы, пытаюсь там отыскать ответы на тысячи вопросов, что роem носились у него в голове. Жизнь рассыпалась, и ее предстояло собрать заново. Так однажды он разорвал по неосторожности Настенькин браслет и долго ползал по ковру, выискивая крохотные бисеринки. Попытался нанизать их обратно на леску, да куда там! Вышло все не так, как было. Сестренка, конечно, расстроилась, плакала, не разговаривала с ним два дня. Так то был бисер, а сейчас, сейчас что?! И Филя неожиданно для себя заплакал. Горько, как ребенок, с всхлипываниями, которые не удавалось подавить.

На цыпочках к нему вошла русалка, села рядом и погладила по голове.

— Такой большой мальчик и плачет! — сказала она, прижимаясь к Филе теплым боком. — Ты чего? Витька тебя достал?

— Нет, — выдавил из себя Филя, захлебываясь слезой. — Я сестру потерял. Нет, не потерял — украли! Украли! А потом тетка из дома выгнала.

— Вот бы по мне так плакали! — сказала русалка с тоской в голосе. — А то увезут, и никто не вспомнит. Тшшш, не плачь, найдется твоя сестра. Я тебе помогу, у меня связи.

Она достала надушенный платочек и промокнула им Филин нос. «Так же вот Катя вытирала морду богомерзкого краба, — подумал Филя. — А пошла бы русалка ко мне в ассистентки?»

Он рассказал ей все: как жил с семьей в Гнильцах, о чем мечтал, почему решил приехать в Бург. Рассказал о крабе и о томительных часах в камере, о цыганке и ее пророчестве, только умолчал, что оно сбылось, но русалка и без того все поняла. Она слушала очень внимательно, иногда нежно вздыхала и принималась гладить его по голове. Филя захлебывался словами, боясь, что она уйдет, не дослушает, и тогда он опять останется один на один со своим неизбывным горем. Она была нужна ему, он молил: «Прошу, не уходи, побудь еще минутку, две». И она не уходила.

Когда слова иссякли, и гортань охватила каменная сушь, они долго сидели на кровати молча, обнявшись, как друзья, не видевшиеся много лет. От русалки пахло дорогими духами, в которых Филя различал ноты полевых цветов, липового меда, первого июньского зноя, когда еще не верится, что лето пришло. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ворвался Витя.

— Ага! — вскричал он. — Блудишь уже тут, стерва? Не успел я выйти, как ты к нему в койку прыгнула?

Объятыя развалились, как карточный домик. Русалка вскочила на ноги, да так, что в ветхом полу остались метки от ее каблучков.

— Тебя сюда звали? — гневно спросила она, отдувая с лица прядку. — Не звали? Пшел вон!

Она схватила Витю за шиворот и поволокла к двери. К удивлению Филя, тот обмяк и почти не сопротивлялся.

— Вот что я тебе скажу, мой дорогой, — русалка обернулась к Филе на пороге, и ее теплая улыбка вновь согрела его. — Найти краба не мудрено. Я знаю, где собираются такие, как он. Я тебя проведу. Но скажет ли он, куда увез твою сестру?

— Скажет! Я его... я его к стене и в зубы, в зубы!

Русалка усмехнулась:

— Попробуй, только не получится ничего. Если решился на увоз и полиции не боится, значит, сам черт ему не брат. Нет, надо по-хорошему.

— Он людей крадет, а я по-хорошему?! — Филя вскочил с кровати и махнул в воздухе рукой, как будто наносил удар крабу в мягкое брюшко.

— Ты сестру хочешь получить целиком или кусочками? — разозлилась русалка. — Я к выходным разузнаю. Будь готов. Слушайся меня во всем, на рожон не лезь, и тогда вернем сестру, вот увидишь!

— Спасибо, — сказал Филя. — Спасибо!

— Рано благодаришь, картограф! Придет время — сочтемся. Ты думаешь, я такая добрая-благородная? У меня свой интерес. Жди вестей.

И с этими словами русалка вышла. Только дверь за ней закрылась, Филя без сил рухнул на кровать. Перед глазами рябило, в висках натужно бухала кровь. Он спрятал лицо в ладонях, ловя собственное дыхание, считая каждый удар сердца. Мало-помалу биение замедлялось, и на несколько часов Филя провалился в сон. Он стоял посреди пустой комнаты, обитой бумазейной тканью в мерзкий салатный горошек. Под потолком болталась на проводе одинокая мигающая лампочка, похожая на светляка-висельника. Свет, который она выплевывала, был пронзительным, стоять с открытыми глазами — пытка. Но Филя держался из последних сил. Он знал, что нельзя закрывать глаза, потому что тогда он уснет, а спать опасно.

— Опасно? — удивленно спросил голос из ниоткуда. — А чего ты боишься, дитя? Уж не меня ли?

— Тебя! — вымолвил Филя. Губы его дрожали, и сам себе он казался жалок.

— Но я же хочу тебе помочь! — уговаривал голос. Филя явственно различил нотки мягкой, почти материнской укоризны. Надо сопротивляться, оттолкнуть змею от груди, не дать ей свить гнездо.

— Я не хочу, оставь меня в покое. Прочь из моей головы!

— Ты подумай, сколько пользы можешь принести, — обидчиво сказал голос. — Под моим чутким руководством ты станешь лучшим! Я давно тебя жду. Ты ведь знаешь, что бывает с теми, кто отказался?

— Нет! Что?

— Это хуже, чем смерть, хуже, чем крестная мука. Ты превратишься в ничто, сгниешь заживо изнутри и никто, никто не спасет. Ты приползешь, будешь умолять помочь, но я останусь глух.

— Угрожаете?

— Угрожаю, — подтвердил голос, порадовавшись Филиной понятливости. — Угрожаю и заманиваю. Потому что ты все равно не минешь своей судьбы, теперь-то уж поздно. Так что слушай, что скажу, мой мальчик, запоминай. Когда луна пойдет на ущерб, дождись ясной погоды. Смотри на календарь! Это не должен быть четверг или понедельник. В эти дни не рисуй и старайся поменьше есть, особенно мучное.

— Почему? — поинтересовался Филя. Мучное он любил.

— Не перебивай! — рявкнул голос. — Сейчас придет твой дружок, и ты проснешься, а мне надо ввести тебя в курс дела. Добудь пергамен, сам подумай, как и где. Подготовь его, как следует — вымочи в молоке черной козы, натри лягушачьей слизью. После высуши на березе, я видал, здесь близко растет одна подходящая. Только вешай с подветренной стороны, иначе потрескается. Ночью не молись, и вообще брось это дело, зови меня, и мы вместе нарисуем карту. Отдашь ее своему витязю, чтобы тот отстал, иначе замучит просьбами, а тебе учиться надо. И да, последнее. Спи всегда в одежде. Можно даже в пальто. Все понял?

— Я... — начал Филя, и тут раздался громкий стук в дверь. Комната поплыла у него перед глазами, сон истлевал, сквозь него просачивалась явь.

— Кто ты? — крикнул Филя вдогонку. — Как тебя звать?

— Зови Додон. До встречи, юный картограф!

И Филя очнулся. Он весь дрожал, по лбу катился холодный пот, правая рука затекла.

— Ты в порядке? — раздался встревоженный голос Вити. — Эй, картограф! Да что с тобой такое? Вставай!

— Не трясись, — попросил Филя, вяло приподнимаясь и протирая глаза. — Который час?

— Уже восемь, матушка ужинать зовет. Пойдешь?

Филя кивнул. Он зажмурился покрепче и проговорил про себя: молоко черной козы, лягушачья слизь, береза. Вроде, запомнил. Постой-ка, как он сказал, его зовут? Додон? Это имя показалось Филе знакомым, но он никак не мог припомнить, где оно ему встретилось. Ах, точно, Витин портсигар! От неожиданности он чуть не вскрикнул: слишком уж толстой оказалась та нить, которая связала его со случайно остановившимся таксистом в кольчуге. Судьба, злой рок, предназначение?

— Витя, а можно я на твой портсигар взгляну?

— Да пожалуйста, мне не жалко. А тебе зачем?

— Так, — неопределенно сказал Филя, стараясь не выдавать своего волнения.

Витя полез в карман рубахи, достал портсигар и осторожно подал Филе, как будто боялся, что тот укусит его за палец. Мелькнули выцарапанные слова «Грифон Момон Додон».

— А что значит эта надпись? — спросил Филя, машинально поглаживая маленькую букву «Добро» мизинцем.

Витя изобразил на лице совершеннейшее безразличие и сказал:

— Не бери в голову, какая-то ерунда.

— Зачем врешь?

Витя от удивления раскрыл рот, беспорядочно и кособоко перекрестился:

— Вот те крест... вот те крест...

— Не надо мне креста! Рассказывай, что знаешь. Ты ведь сам это написал?

— Сам. Любопытный какой! Все-то тебе расскажи да покажи. Секрет это, понял?

Филя неожиданно увидел себя со стороны. На лицо напознала, как дождевая туча,

нехорошая улыбочка. Вид бравый, почти демонический.

— Теперь у нас нет друг от друга секретов. Не забывай, только я могу дать тебе то, что ты ищешь. Мне был сон. Я изготовлю для тебя карту. Но сперва ты мне расскажешь, кто такой Додон.

— Да не знаю я, что ты пристал! — закричал Витя, отскакивая к двери и убирая портсигар поглубже. — С месяц назад я таксовал на Утином острове. Сели двое, сразу пачку денег сунули. Толстую, я даже считать не стал, так обрадовался. Покатили мы на Марьин пустырь. Они все молчали, один что-то жевал, другой гудел себе под нос. Я не спал две ночи, чинил мотор, чую, глаза закрываются. Бью себя по ляжке локтем, головой трясу — ничего не помогает, прямо морок какой-то. Очнулся — машина на обочине, сам лежу рядом с ней, справа лес, слева кладбище.

— Кладбище? — переспросил Филя, невольно вздрагивая. Витина история с каждым словом нравилась ему все меньше и меньше.

— Да, обычное такое кладбище, только незнакомое. Смотрю — на ограде сидит ворона. Жирная, голову на бок склонила и на меня уставилась. Вроде как заклевать хочет. Я ей говорю: «Кыш, кыш!» А она не улетает, с ноги на ногу переваливается. Приподнимаюсь, чтобы ее спугнуть, и тут вижу, как те двое, что ко мне в машину сели, выходят из кладбищенских ворот. Несут в холстине что-то тяжелое. Я опять бухнулся на землю, вроде как до сих пор в себя не пришел. Тут один другому говорит: «Что, растолкаем его?» А тот: «Да не надо, отсюда недалеко. Ты только не вынимай ее, а то замерзнет». И тут у первого из-под пальто что-то как квакнет! А потом еще раз и еще раз. Я приоткрыл глаз, но ничего не увидел.

— Это была лягушка? — спросил Филя.

— Наверно. А что же еще? Второй, смотрю, на коленки опустился, развернул холстину, а там труп самый натуральный! Я чуть от страха не завопил. Все, думаю, могилу раскопали. Может, и мне не жить. А они давай над трупом бормотать: «Грифон Момон Додон». И так раз сто, я со счета сбился. Потом, видать, устали или в горле у них пересохло, затихли. Я опять глаз приоткрыл, а они у трупа изо рта палочку какую-то достали, а на конце у ней волоски такие, как у белки на ушах. Труп обратно завернули и так на обочине и оставили, прямо около меня, а сами вперед по дороге пошли. Даже не оглянулись.

— Витя, это кисточка была, — тихо сказал Филя.

— Какая еще кисточка? А может, и кисточка, мне это не интересно. Я еще полчаса полежал, спину начало морозить, все ж не июль. Встал, потащил труп обратно. Нашел могилу, кинул его туда, как смог, землей забросал. Без лопаты не сподручно было, весь перемазался, как чухан.

— А что на гробовой плите было написано? Ты прочел?

— Сейчас, погоди вспомню. Мясоедов Александр, а отчество... нет, вылетело из головы. Простое какое-то — Иванович или Сергеевич.

— Ладно, бог с ним с отчеством, — дернул головой Филя. Слово «бог» больно обожгло ему язык, и он, чтобы перебить боль, прикусил щеку зубами. — А когда умер, давно?

— Не так чтобы. В этом году. Честно, я не запомнил дату. Мне хотелось побыстрее его закопать и смыться.

— И что дальше было?

— Я вернулся к машине, сел. Еле завелась, внутри все промерзло — дверь-то открыта была. Пока ехал, так и сяк в голове вертел эту присказку дурацкую, про Додона. А потом

понял, что забываю ее. То вместо «Момон» «Мормон» скажу, то «Грифон» не могу вспомнить. Остановился у обочины, дай, думаю, запишу. И представляешь, ни клочка бумаги, ничего. Открыл портсигар — пустой! Тогда вынул я из бардачка гвоздь и прямо на крышке нацарапал. Вот так это было. Не знаю я, кто такой Додон.

— Зато я знаю, — мрачно сказал Филя.

— И кто же?

— Мой демон.

Витя вздохнул и сел рядом с ним на кровать.

— Посещает, стало быть?

— Да. Только засыпаю, он уже тут. Он мне и сказал, как сделать для тебя карту.

— И что, много для нее надо? — живо заинтересовался Витя.

— Молоко черной козы, слизь лягушки, вроде все. Еще пергамен. Тот-то мы истратили, надо новый добыть.

— Так, молоко козы не проблема. У соседки как раз такая. Только она безрогая, это ничего, сойдет?

— Про рога Додон не сказал. Видно, большой разницы нет.

— Ага, а с лягушки мы слизь соберем, это минутное дело. Вот только за пергаменом придется ехать.

— Куда?

— К молоканам или в Пятницкий монастырь. Ладно, я спрошу у наших, где с охраной пожиже, туда и рванем. Завтра отдыхаем, там выходные, а в понедельник давай попробуем.

— А если нас поймают? — спросил Филя. — Что тогда?

— Не поймают, — сказал Витя, и на лице его развернулась, как гармошка, знакомая белозубая улыбка. — Я же Витязь, все будет шито-крыто. Добудем тебе пергамена на сто лет вперед.

— Так много я не проживу.

— Проживешь! Картографов никакая зараза не берет. Они и от стрелы заговоренные, и от сглаза. Только вот что я тебе скажу: берегись баб. Верка к тебе уже приходила. Выспросила, небось, все, вражина? Охмурила тебя?

Филя замялся. Скажешь «да» — бог весть что подумает. И опять слово «бог» впилося ему в язык, как иголка. От неожиданности он вскрикнул.

— Ты чего испугался? Я не затем спрашиваю, чтоб тебя бить. Хочешь с Веркой путаться, дело твое. Не возражаю. Только стерва она еще та. Смотри, как бы она чего не сообразила!

— Не буду путаться, — пообещал Филя. — Мне теперь не до этого.

— Пойдем ужинать. Мать, небось, заждалась.

И они пошли в общую комнату, где их ждали пустая каша, кисловатый хлеб и мутный овсяный кисель. Филя был голоден и съел все, а Витя меланхолично гонял ложку в киселе, словно надеялся выловить в нем рыбу. Вера не явилась, не было за столом и старшей Витиной сестры Валентины. Она работала на ткацкой фабрике, ее смена заканчивалась в полночь. После ужина все разошлись по комнатам, на дом навалилась ватная тишина. Филя маялся у кровати, не желая ложиться и видеть сны, в которые так легко проникал демон Додон. Пробовал встать на молитву — заболели колени. Нет, не будет теперь покоя. Настенька, Настенька, что со мной? Кем я становлюсь? Как вернуть назад былое?

И все же он лег и уснул. Демон в эту ночь не приходил.

Лягушка

Филя так вымерз ночью, что за завтраком униженно запросился пожить в комнате у Вити. Тот согласился и даже сам перетаскал тюфяк и подушки, но по лицу было видно, что тесное соседство с картографом ему не по душе. На улице лютовала стужа, в трубе урчало, выло, поминутно взметывалось и опадало. Кот будто прилип к печке, неохотно подходил к миске, поставленной в промерзшем углу. Валентина не появилась к завтраку: отсыпалась после смены. Вера, лохматая, ненакрашенная, в домашнем платье, мрачно пила пустой чай. Варвара Михайловна суетилась возле самовара, отирала его медные бока суконкой, туда-сюда двигала сахарницу. Так уличный шулер орудует наперстком, думал Филя. Намекает, мол, сахара много не ешь, не для того куплен.

Набравшись храбрости, Филя подошел к ней, когда она убирала вымытую посуду в шкаф, и сказал:

— Я бы хотел заплатить за постой. У вас расходы, а я...

— Что вы, что вы! — замахала руками Варвара Михайловна. Покраснела ужасно, взор потупила, ртом этакую омегу изобразила. — Ничего не нужно.

Филя упрямо продолжал:

— У меня немного денег, не успел заработать, но скоро будет достаточно. Давайте я на первое время красненькую оставляю — вот здесь, на комодке, под салфеткой — а дальше видно будет.

Варвара Михайловна смущенно вытирала сухие руки полотенцем.

— Благодарю, голубчик, — тихо сказала она. — Только сыну не говорите, что я взяла. Сердиться будет.

— Не скажу, — пообещал Филя и со спокойной душой принялся заталкивать красненькую под салфетку. За этим занятием его застала Вера.

— А, подачки суем!

Филя вздрогнул, как гальванизированный головастик.

— Не густо, — усмехнулась Вера, извлекая денежку и рассматривая ее на свету. — А сам на что жить будешь?

— У меня все есть! — поспешил заверить ее Филя. — А чего нет, то будет.

— Это верно, — сказала она, прищуриваясь. — Ты вот что, сходи в магазин, купи лакейскую одежду. Да смотри, не самую дешевую бери.

— А зачем?

— Поедем с тобой в субботу в бани. Мне девки шепнули, твой краб очень париться любит. Без приглашения туда не пускают, там только для членов клуба. А вот лакея с собой привести можно. Понесешь мой несессер и Пруньку.

— Пруньку? — переспросил Филя. На какой-то миг ему показалось, что речь идет о чем-то крайне непристойном.

— Собачку, — бесстрастно сказала русалка, скручивая волосы в блестящий жгут. — Только в бане чтоб без глупостей. К крабу не кидаться, шум не поднимать. Наша задача узнать как можно больше. Если все получится, доберемся до его дома, а дальше ты уж сам. Как там принято у вас, у героев? Взлом, кавалерийский наскок, убийство?

— Я не герой, я картограф, — тихо сказал Филя. — На месте разберемся. Буду ждать.

Русалка загадочно улыбнулась и вышла. Глядя ей в спину, Филя не мог не дивиться тому, как красиво она плывет по комнате, едва касаясь легкими ногами затоптанного домотканого ковра. В такую бы влюбиться! Но эта пава не для него, и вообще не для кого.

Она охотница на мужчин, грабительница кошельков, мудрая летучая мышь, приученная пить густую кровь своих дремлющих парнокопытных жертв. Нет, не для Фили она родилась. Да и он ей не пара.

В комнате у Вити было душно, от буржуйки волнами расходилось тепло. На столе в коробочке вились черви и опарыши. От их вида Филю чуть не вырвало, и он спрятал нос в рукав. Витя усердно кормил лягушку. Она сидела у него на колене и послушно открывала рот, как только он подносил к нему очередного червя.

— Умная попалась, — сказал Витя сдобным тоном и любовно огладил лягушку. — Кушает хорошо, только бы не разжирела.

Не зная, что на это сказать, Филя отвернулся к окну и спросил:

— Когда за пергаменом поедем?

— Не торопись, еще только утро. Надо все как следует подготовить. Я тут подумал, монастырь грабить грешно, и поймают нас быстро. Поедем к молокобанам. Те, конечно, крепкие ребята, ну, мы потихоньку — ужиком, ужиком, глядишь, и получится. Ты замки вскрывать умеешь?

— Нет! Не пробовал никогда. А как это делают?

— Я только слышал, сам тоже не делал. Берешь шпильку — я уже у Верки одну увел — сгибаешь таким зигзагом и в замке подцепляешь язычок. Давай, потренируйся!

И Витя подал ему шпильку. Филя принялся за труды. Дело оказалось несложным: за час он вскрыл все двери, сундук с выходными нарядами, Верин несесер (где, к слову, оказались жемчуга и белый порошок), нижний ящик горки и даже сломанный уже давно ларь для картофеля.

— Да у тебя талант! — сказал Витя и жажнул кулаком по столу. От неожиданности лягушка на его коленях испуганно квакнула. — Тебе и карты рисовать не обязательно, так заработаем.

Филя посмотрел на него с укором:

— Воровством заниматься не буду.

— Милый друг, а как же ты книги божественные добудешь? Сами по воздуху прилетят? Демону на Новый год закажешь? Нет, без воровства никак.

— Один раз украдем, и будет!

— Ладно, ладно! — весело сказал Витя и подмигнул. — Как скажешь. Вот какого гостя я в дом привел! Хо-хо!

Филя едва удержался, чтобы не сплюнуть. Витя вдруг стал ему противен. Лягушка тем временем запрыгнула на стол и угощалась червями прямо из коробки. Она открывала широкий, как карман, рот и выстреливала оттуда длинным липким языком. Филя ощутил на себе ее взгляд — неожиданно осмысленный, человеческий. И еще у лягушки были густые ресницы, которыми она кокетливо похлопала, заметив, что Филя на нее тоже смотрит.

После обеда, наевшись щей, Филя и Витя отправились на машине в город.

— Я покажу тебе Бург! — торжественно сказал Витя. Он картинно оторвал руки от баранки и взмахнул ими, как будто собирался воспарить в неожиданно синее пятничное небо.

Филя приободрился. Это именно то, чего он больше всего бы хотел, если бы не краб, не Настенька, не арест и не вся эта кутерьма с картами и демоном Додоном. Рассматривая отцовские фотоальбомы у себя дома, в Гнильцах, он уносился мечтами в Бург и гулял по его мощеным улицам, гранитным набережным, многолюдным паркам. Он рвался сюда всю свою

жизнь, он хотел стать своим для каждого, кому посчастливилось здесь родиться. Что может быть лучше, чем разделить судьбу с буржцами, известными чистотой нравов и помыслов?

«А так ли уж они чисты? — зашептал голос внутри Филиной головы. — Кого ты почитал, чем восхищался? Уж не придумал ли ты все это себе, дурень? Фантазер, жалкий мечтатель в чесучевых брюках. Езжай, смотри свой Бург, наслаждайся».

Не в силах заткнуть этому голосу глотку, Филя сжал бугорок под большим пальцем. Он не хотел сейчас думать ни о чем, и голос со змеиным шипением отступил в глубины сознания. Гул мотора убаюкивал, Витя насвистывал польку, задвинув шапку на затылок.

Они выехали к набережной Великой реки Нави. Филя вне себя от восхищения попросил Витю остановиться. Они вышли. Огромная гладь воды разделялась на несколько рукавов, по берегам высились дворцы — нежно зеленые, розовые, желтые, с колоннами и без. Вдали вспыхивал на солнце шпиль Военного корпуса, из-за спин домов грузно поднимался Сорочинский собор, седой от вчерашнего снега. Навь блаженно текла меж пологих берегов, над ней кудрявились мосты.

— Как тебе? — самодовольно спросил Витя, как будто он лично за ночь выстроил это великолепие.

— Красота! — выдохнул Филя и почувствовал, как грудь его наполняется новым воздухом, ядреным, терпким, разгоняющим стылую провинциальную кровь. Ради этого стоило жить! Дышать и никогда не надышаться этим городом!

Не жалея времени, они пешком обошли стрелку Петроострова, трепетно коснулись Царского камня, перебрали ногами камни мостовых, заглянули в Императорский сад, где об эту пору было безлюдно. Дивные греческие статуи были заколочены в короба, по узким тропинкам жилками простреливал лед.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— На императорский дворец желаете-с посмотреть? — гнусавым голосом спросил Витя, отвечивая шутовской поклон.

— С превеликим удовольствием! — в тон ему ответил Филя, и они прошагали по Речному проспекту до Триумфальной арки, за которой высилась громада дворца. Парадные двери, увитые золотыми лозами, были плотно закрыты, перед ними стояли навтыжку два гвардейца в медвежьих тулупах.

— А что это у них в руках? — поинтересовался Филя.

Витя замялся:

— Эта... ну, сестра говорила, белиберда какая-то.

— Может, алебарда?

— Точно, она! Чего ж ты спрашиваешь, если сам знаешь?

Императорский дворец, мощный, великодержавный, подавлял Филю. Он не тянулся к небу, а будто наваливался водосточными трубами, выступами, огромными и оттого грубыми эркерами. Филя подумал, что императору, должно быть, тяжело жить в этой крепости, которая сминая хрупкого человека в своих беспощадных челюстях.

Последним пунктом в экскурсионном маршруте стало посещение знаменитых грифонов, выставленных на берегу Воронки, речки-спутницы.

— Из Египта привезли, — по-хозяйски пояснил Витя, поглаживая грифону золотые крылышки.

— Из Сирии, — машинально поправил Филя. Он с любопытством заглянул грифону в пасть и неожиданно обнаружил там монетку — медную полушку.

— Не трожь! — предупредил Витя. — Это на память кладут, чтобы вернуться.

— Давай и я положу, — и Филя полез за кошельком. От щедрот он кинул грифону на язык гривенник. Витя недовольно фыркнул.

— Все, хорош, поехали домой.

— Постой, мне Вера наказала съездить в магазин.

— Вера наказала? — удивился Витя. — Ты чего ее слушаешь? Наказала она, ишь ты! Знакомы без году неделя, а ты уже у нее, как рыбка, на посылках?

— Она помочь хочет. Где у вас тут лакейскую одежду продают?

— Лакейскую?! Кем себя эта шалава возомнила, царицей? — бушевал Витя всю дорогу. Он резко кинул машину на обочину, обдав проходившую мимо старушку грязным снегом. Та заругалась и с неожиданной силой стукнула по капоту костылем.

Филя опрометью кинулся в магазин, не желая больше слушать, как Витя поливает сестру отборной бранью. Долго примерял то одну ливрею, то другую, копался в ящике с перчатками, подробно расспрашивал продавца, какие штаны лучше брать — со штрипками или без, пока в магазин не ввалился заждавшийся злой Витя.

— Чего так долго? — спросил он. — Закругляйся, домой пора.

Филя расплатился, подхватил сверток с покупками, и они покатили в Малярово. Пока они прохладжались, Витина лягушка выбралась из дома и ускакала в сарай, где ее с трудом нашли в прошлогоднем сене.

— Ты зачем это сделала? — причитал Витя, отирая лягушачью спинку от сенной трухи. — Я с ног сбился, тебя разыскивая!

Лягушка склонила голову на бок и с любопытством посмотрела на него. Филе показалось, что она самодовольно ухмыляется. Витя бросился обратно домой. Он стиснул лягушку в кулаке, натянул сверху рукав и натужно дул туда, образуя тепловой кокон. А Филя решил внимательно осмотреть сарай: что-то говорило ему, что лягушка неспроста туда подалась. С виду все было обычным: вот клетка с курами, рядом пороссячий хлев — вонь, хрюканье, запах похлебки, в углу лежит старый, уже давно ненужный хомут, под ним вожжи и седелка, в другом углу навалено сено. Оно слежалось, сопрело, выцвело до седины, почти перегнило. И все же лягушка в него закопалась — вот видна ямка. И как она ухитрилась, не имея ни когтей, ни зубов, пробиться сквозь эту толщу? Филя полез в сено, жесткие травинки царапали кожу. И вдруг он наткнулся на что-то твердое. Вытащил — стрела! Точнее, не вся стрела, а только наконечник. Он хорошо сохранился, не проржавел, острие сходилось в иголку. Филя вертел его так и сяк. По краю шла красивая вязь — изящная и немного неуместная.

«Вязь, вязь, вязь, — бессмысленно повторял Филя, катая слово во рту. — Вязь... зязь... Витязь».

Сомнений не было. Это была стрела для Вити. Лягушка полезла за ней в сено, но вытащить не успела. До чего разумное животное!

Филя вернулся в дом, где Витя пристроил лягушку на блюдечке возле чайника и ворковал над ней, как мать над младенцем.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал Филя и протянул ему стрелу.

— Где ты это взял?

— В сене. Там, где сидела лягушка.

Пораженный, Витя молча рассматривал стрелу.

— Это она, — пробормотал он. — Заговоренная стрела! Осталась только карта, и все...

— Что все?

— Все, — тупо повторил Витя. Больше за вечер он не сказал ни слова. Со стрелой он не расстался и на ночь. Филя помыкался-помыкался и лег на тюфяк спать, где незамедлительно уснул, усталый и впервые за эти дни довольный собой.

Буквоед

— Ты чего нервный? — спросил Витя, когда Филя опрокинул вторую по счету чашку с кофе. На белоснежной скатерти расплылось пятно. Варвара Михайловна с тихим вздохом присыпала его крупной солью и начала потихоньку убирать посуду со стола.

— Почему они молчат? — в тоске заломил руки Филя.

— Кто?

— Полиция. Как ты думаешь, они ищут Настеньку?

Витя раздумчиво повертел в руках кусок сахара и ловко бросил его в рот.

— Ищут-то они ищут, только вот едва ли найдут. Знаешь, сколько в Бурге народу живет? Миллион, а то и больше! А если считать села, типа нашего, так и все пять миллионов будет.

— Но ее же кто-то должен был видеть! Дворники, соседи. Опросить нищих, попрошаек всяких, они целый день на улице.

— Тебе бы в сыщики пойти, — усмехнулся Витя. — Может, этот твой краб в бегах, скрывается? Окопался где-нибудь и ищи-свищи ветра в поле. А если он совсем краб, как ты говоришь, так мог и в заливе укрыться. Отковырнул льдину и бултых!

— О нет! — вскричал Филя, живо представляя, как исчезает в темной пучине Настенькина голова. Нет, нельзя в это верить, иначе случится! Надо быть стойким, сестра хотела бы видеть его таким.

— Да шучу я, шучу, — сказал Витя. — Ты, брат, поезжай в участок, пни их как следует, а то они разведут тягомотину, не дожدهшься.

— Точно! — воскликнул Филя. — Поеду. Подвезешь?

— Без проблем.

И они поехали в участок. Уже сидя в Витином автомобиле, Филя вспомнил, что дал стряпчему неверный адрес. Он-то думал, что будет жить у тетки, на Пушкина, а вышло так, что заселился в Малярово. Кто бы его там разыскал? Дурья башка, надо было раньше сообщить! Как это он не догадался? Все нервы, суета, губ дрожанье.

За пару кварталов до участка Витя остановился и сказал:

— Вылезай, дальше не поеду.

— Боишься? — спросил Филя, безнадежно пытаюсь натянуть на уши картуз.

— Ничего я не боюсь. Просто у меня дела в другой стороне. Ну, вылезай скорее, чего расселся!

Филя улыбнулся и выскочил на мороз.

В участке, как и в день приезда, яблоку было негде упасть. Пара дворников волокла по коридору обросшего вшивого бродягу, который горланил запьянцовскую песню. Порхали стряпчие с кипами бумаг. Треск телефонов, неумолкаемый гомон, стоны, доносящиеся из подвала, — все это сливалось в симфонию благодатного полицейского делопроизводства. Филя присел на стульчик и принялся ждать, когда на него обратят внимание. Он сидел долго, не меньше двадцати минут, пока его не окликнули.

— Филимон! Что ты здесь делаешь?

— Ромэн Аристархович, — обрадовался Филя. — Сколько лет, сколько зим!

Ромэн Авдеев, немолодой, лысеющий следователь, задушевно обнял Филю.

— Ты давно ли приехал? — спросил Авдеев, вертя Филю, как тряпичную куклу. — Какой стал, не узнать! Похудел, возмужал. Как Настенька?

Филя поник:

— Именно поэтому я и здесь. Ромэн Аристархович, беда случилась. Настеньку похитили.

— Как?! Кто? Пойдем ко мне в кабинет, расскажешь. Будет тебе, не плачь, ты же парень! Вот, возьми мой платок, он чистый.

Филя всхлипнул и принял платок.

Управа занимала нижний этаж огромного особняка старинной постройки. Главный коридор ветвился на несколько побочных, двери кабинетов то и дело хлопали, как уши слона, грозя сбить проходящих мимо.

— Не отставай, — сказал Авдеев, видя, что Филя заглядывает с надеждой в кабинеты. — Кого-то ищешь?

— Городового, который меня сюда привел.

— Как его зовут?

— Не знаю. Не спросил. Он большой, толстый, лет сорока.

— Они все такие, других не держим. Да на кой черт тебе городской? Я быстрее разберусь.

Только они повернули за угол, на Авдеева напал узкий, как глист, стряпчий и принялся лопотать:

— Стойте, Ромэн Аристархович. Битый час вас ловлю. Вот бумаги по делу Денисова, взглянете? Что, торопитесь? Ах, как это некстати! Меня Сам послал, говорит, срочно. Ищи, дескать, Авдеева, из-под земли добудь, а чтоб подписано было.

— Давай сюда, — буркнул Авдеев и не глядя подмахнул документ протянутым пером. Когда стряпчий скрылся в двери, он усмехнулся. — Развелось дармоедов. Раньше все следователи заполняли, а теперь решили, что бумажная работа не для нас, наняли всякий сброд. Бегают, прохода не дают.

— Так вы же сами говорили, что не любите бумажную работу! — заметил Филя.

— Не люблю. А еще меньше люблю, когда жалованье уменьшают. Я уж лучше заполню сто формуляров, и на бутерброд не голодную слезу намажу, а маслице. Поверишь, нет, у нас стало столько бумажек, что они изо всех щелей хлыщут, как вода. Страшно шкаф открыть — погребет.

Они дошли до кабинета с надписью «Следственный отдел», и Авдеев распахнул дверь, приглашая Филю войти. Комната была почти пуста, если не считать седовласого следователя, изогнувшегося над столом. Он методично перекладывал мелочи из одного ящика в другой.

— Это Евлампий Лукич, не обращай на него внимания. Спятил лет шесть тому назад: бандиты пытали его раскаленной кочергой. На пенсию нельзя — герой участка. Вот и сидит таким памятником служебному подвигу.

Филя с жалостью посмотрел на Евлампия Лукича и подумал, что со стороны Авдеева было довольно бестактно обсуждать его в третьем лице, да еще и таким тоном. Но старик совершенно не обратил на них внимания, он подслеповато щурил глаза, разглядывая невесть откуда взявшийся камешек.

— Сердолик, — промямлил он, нежно беря камешек трясущимися пальцами. — Полежи здесь, родной, придет и твой черед.

Филе захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, чтобы не видеть эту душераздирающую картину. Авдеев тем временем налил две кружки чаю и плюхнулся на стул.

— Теперь рассказывай, что произошло.

И Филя принялся перечислять свои горести, умолчав, однако, про чертовщину и Додона. Авдеев слушал внимательно, иногда записывал что-то в небольшой блокнот и сунул бровь.

— Да, дела... — сказал он, когда Филя закончил. — Небось, покался, что из Гнильцов уехал?

— Покался, — подтвердил Филя. — Но что мне было сделать? Батюшка умер, как вас перевели, по весне. Матушка прошлым летом преставилась. Я хотел в иконописцы пойти, а Настеньку в пансион устроить. Не вышло ничего.

Авдеев, казалось, не слушал и думал о чем-то своем.

— Говоришь, натуральный краб?

— Да, с клешнями. Громадный, ходит, как человек.

— Чудеса! — сказал Авдеев и откинулся на спинку стула. — Пей чай, а то остынет.

— Пуговка, — шептал Евлампий Лукич. — Ты откуда здесь, моя хорошая? Закадилась за журнальчик и лежишь. Вот я тебя на видное место положу. Хочешь?

— Работу уже нашел? — спросил Авдеев.

— Нет, собираюсь. Я здесь только пару дней. Меня тетка из дома выгнала, я у приятеля живу.

— Живи у меня! Я один, места много.

— А Яков Львович как же?

— Уехал, — мрачно сказал Авдеев. — Не спрашивай, видеть его не желаю. Так что, ждешь тебя?

— Спасибо, но нет. Не хочу быть вам обузой.

— А этот твой приятель — кто-то из Гнильцов?

— Нет, местный, таксист Витя Зязин.

— Знаю, знаю, — усмехнулся Авдеев. — Тот еще фрукт! Ладно, как надоест у него столоваться, милости просим.

— А Настенька? Мы найдем ее?

— Ничего обещать не могу. С одной стороны, краб этот — приметная фигура, не затеряется. С другой стороны, я никогда о таком не слышал. Говоришь, продавщица на него ноль внимания?

Филя энергично кивнул.

— Странно, странно. Я бы перепугался. Вот что, я поспрашиваю у наших, может, кто работал с подобными личностями, подниму архив. Это займет какое-то время, дней шесть — семь. Да, мой дорогой, только дурное дело нехитрое, а на хорошее годы уходят! Постараюсь не затягивать. Сам сюда не мотайся, только огорчение одно, я приеду к тебе, как выясню что-то. Наберись терпения. Если Настенька жива, она найдется. А если нет, так ничего не поделаешь. Допивай, и я тебя провожу.

Чай был горячим, Филя подавился им и обжег язык. Авдеев встал, подошел к окну, открыл форточку и закурил. Евлампий Лукич недовольно завозился и еще сильнее согнулся над столом, стараясь спрятаться от неприятного запаха.

— Вот что! — вдруг сказал Авдеев, выбрасывая недокуренную сигарету. — Чего

медлить? Сейчас же пойдём к Буквоеду!

— К кому?!

— Увидишь.

Они вышли в коридор, где было по-обеденному пусто. Из кабинетов доносился звон посуды и мирный говор стряпчих. Пахло кофе и лимоном. Авдеев остановился перед кабинетом с надписью «Архив» и повернулся к Филе:

— Как войдем, молчи. Он не любит посторонних. Прикинься пеньком.

— Хорошо, — сказал Филя. — Я не подведу. Пеньком у меня всегда хорошо получалось.

Они вошли. Вокруг были стеллажи, до верха набитые бумагами, коробками, папками всех цветов и мастей.

— Вот бы спичку сюда горящую! — хулигански подмигнул Филе Авдеев. — Раз-два, и готово!

— Я вам дам спичку, — раздался скрипучий голос. — Баловать вздумал, Ромэн? Начальству доложу, живо выгонят на мороз. С волчьим билетиком-с.

— Не ворчи, я пошутил.

За последним рядом стеллажей стоял журнальный столик, возле которого в покойном кресле восседал толстомясый господин в замызганной тужурке поверх рубахи. Все его тридцать подбородков болтались, как тряпье, при каждом вздохе. На коленях у господина лежала ветхая книга, готовая развалиться от малейшего чиха. И тут Филе нестерпимо захотелось чихнуть. Он свел ноздри вместе и что есть мочи крепился, стараясь держаться у Авдеева за спиной.

— Чего притащился? — недовольно спросил Буквоед. — Опять по мою душу?

— Угадал! — весело сказал Авдеев. — Без тебя никуда. Мне вот что нужно. Не слышал ли ты раньше о некоем крабе по имени Григорий Антонович?

— Крабе? — переспросил Буквоед. — А не об осьминоге?

— Что, и такой есть? — поинтересовался Авдеев.

— Есть и осьминог, и лангуст. По одному делу проходило трое раков.

— Нет, раки не интересуют. Нам бы краба.

— Сейчас взгляну. Где-то было, — и грузный Буквоед с кряхтеньем поднялся с кресла.

Он прошлепал мимо них и скрылся за стеллажами. Было слышно, как он бормочет.

— Нет, не здесь. А это как тут оказалось? Непорядок! А все этот чертов Степка пуганица от него одна. Пихает, как попало, сукин сын... Вот, нашлось!

Буквоед вернулся к ним с огромной картонной папкой в руках. Из нее высовывалась стопка пожелтевшей бумаги. Буквоед сел, распахнул папку и склонился над ней. И тут произошло нечто такое, от чего у Фили занялся дух. Буквоед сделал глубокий вдох и коснулся губами бумаг. Буквы полетели к нему прямо в рот! Гурьбой, как льдинки в мартовском ручейке, они поднимались со страниц, задевая друг за друга засечками. Буквоед сладострастно прикрыл глаза, будто пил амброзию. Авдеев невозмутимо взирал на это и изредка посматривал на часы. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем Буквоед насытился. Он отер губы, смачно рыгнул. Из рта у него вылетела буква «Ю». Она описала в воздухе несколько кругов и приземлилась на ковер. Авдеев тут же раздавил ее каблуком.

— Готово? — спросил он нетерпеливо. — Нашел?

— Да, был такой. Проходил как свидетель по делу Петровского.

— Как найти? Где живет?

— Информация засекречена.

— Слушай, давай без этого, — сказал Авдеев. — Мне нужно знать.

Буквоед развел руками:

— Ромэн, ничего поделать не могу! В документах адреса нет, написано — «засекречено» и точка. Краб был информатором, не хотел светиться. Понять его можно, Петровский тот еще тип. Выйдет из тюрьмы через пару лет и прирежет. Кому нужны проблемы?

— Хорошо, но какая-то информация о нем быть должна!

— Пожалуйста. На момент расследования ему было тридцать семь лет. Холост, детей нет. Занимается коллекционированием старинных вещей, преимущественно скифских погребальных урн. Меценат. Отчислял средства женскому рабочему дому в Кузьминках. По другим делам не привлекался.

— И это все?

— А ты чего хотел? Полную биографию с фото?

— Было бы неплохо, — сказал в сторону Авдеев. — То есть никаких контактов — ни телефона, ни абонентского ящика?

Буквоед отрицательно покачал головой, взбаламутив свои подбородки.

— Ладно, и на том спасибо!

— Спасибо в карман не сунешь, — заметил Буквоед.

— Свои люди — сочтемся, — и с этими словами Авдеев потащил Филю на выход.

Когда за ними закрылась дверь архива, Авдеев с грустью сказал:

— Негусто. Но теперь мы хоть знаем, что он из богатых. В трущобах можно не искать.

Филя тяжело вздохнул.

— Это и так было понятно. И что теперь?

— Будем работать, — неопределенно махнул рукой Авдеев. — По амбарам пометем, по сусекам поскребем. Уж если Буквоед ничего не нашел, значит, твой краб — мастер играть в прятки.

— А откуда он, этот Буквоед? Что он такое?

— Не что, а кто. Человек как человек, у всех свои странности. Ладно, не смотри на меня так. Я тоже, когда его увидел, чуть со страха в штаны не наложил. Потом привык. Он безобидный, только газеты каждый день требует. Куда их деваает, непонятно.

— Он всегда такой был?

— Похоже, что нет. Лукич рассказывал, что был наш Буквоед служкой в церкви. Не хотелось ему, родители отдали. У них было двенадцать человек детей, Буквоед шестой или пятый, да еще и шалопай порядочный. Его отдали попу на воспитание, думали, человеком сделает. А Буквоед принялся в святых книгах каракули выводить! Изрисовал Писание, взялся за Псалтырь. Поп его драл, конечно, как сидорову козу, но не помогло. Сказал: дорисуешься, тут погибель твоя!

— А что Буквоед?

— Не внял. И вот однажды добрался он в шкафу до какой-то особо святой книги, древней, как прах. И нарисовал там себя. Даже подписался: отрок Никодим. Домой пришел довольный, лег спать. Поутру проснулся в горячке и пить просит. Родители ему несут воду, а она назад идет, не принимает организм. День не пьет, два не пьет, иссох. Помирает парнишка. Жалко, хоть и шестой. Врач руками развел: ничего, говорить, сделать не могу, медицина бессильна. Позвали попу, тот пришел, сердитый — видно, обнаружил свежий рисунок-то. Достал Требник, открыл, а Буквоед как вцепится и давай буквы в себя тянуть! В

минуту все листы очистил. Еще, говорит, хочу, несите самую большую книгу. Ему принесли толковый словарь в восьми томах. Хватило на неделю.

— Ромэн Аристархович, вы шутите?

— И в мыслях не было! Я, как ты понимаешь, этого не видел. А Лукич, пока не спятил, был тот еще говорун. Короче, посадили Буквоеда в сани и отправили в ближайшую избу-читальню. Через год он перебрался в Бург, жил при библиотеке, числился там уборщиком. И пошел о нем потихоньку слухок: дескать, что ни спроси, все знает. Тут-то его и взяли у нас в управе на карандаш. Сначала так к нему ездили, а потом переманили к себе, в архив. Прижился, уважением пользуется.

Филя усмехнулся, поняв, что он почти поверил в эту невероятную историю. На краткий миг мрак, сгустившийся у сердца, расступился. Ах, Ромэн Аристархович, спасибо, отвлекли! Вот бы Настеньке рассказать, она бы посмеялась! Она так любила небылицы. Неужели он теперь всегда будет говорить о ней в прошедшем времени: была, любила... жила? Филяно лицо вновь стало угрюмым.

— Бог с ним, с Буквоедом! Не горюй, это только начало. Поезжай домой и жди вестей. Не вешай нос! Ты меня знаешь, я черта из-под земли выну.

Филя промолчал. Когда Ромэн Аристархович был прислан в Гнильцы для расследования смерти урядника, он так и не нашел убийцу, хотя поднял на уши всех, вплоть до грудных младенцев. Филя в то лето ходил за ним хвостом, восхищался каждым его словом и жестом и мечтал, что однажды будет ему полезен. Никакой пользы не получилось, вред один. Опять искать, опять надеяться втуне.

Они направились к выходу, Филя еле волочил ноги от огорчения.

— Уныние — смертный грех, — добродушно заметил Авдеев. — Тебе надо развеяться. Сходи в синема, на концерт. Куплетисты приехали — братья Фуфлянчики. Наши были, говорят, умора. Чего, не хочешь?

— Поеду в мастерскую, может, примут, — вяло сказал Филя, шаркая по полу, как старик.

— А не примут, возьмем к нам штатным художником. Будешь портреты преступников рисовать. У нас как раз уволился. А и был криворукий. Ему говоришь: нос с горбинкой, а он рисует этакую бульбу в пол-лица. Вышвырнули! Пойдешь к нам?

— Спасибо за предложение, Ромэн Аристархович. Я подумаю.

— Это правильно. Думай и приходи.

За сим они расстались. Филя постоял на крыльце управы, поковырял ботинком снег и двинулся по улице навстречу ветру. Он решил не возвращаться пока в Малярово. Сунув руки поглубже в карманы, он брел куда глаза глядят. Ему было немного стыдно за то, что он не верил в Ромэна Аристарховича — тот ведь искренне хотел помочь. И все же противный голосок нашептывал: куда ему найти Настеньку! Не сможет, не справится! Филя старался гнать от себя эти мысли, но у него плохо получалось.

В задумчивости он отмахал три квартала и оказался в совершенно незнакомом районе. Вокруг сияли золотом витрины, искрились вывески, зазывно мерцали фонари. Праздничный люд фланировал туда-сюда, сжимая в руках покупки. Вот мимо Фили проплыла нарядная барыня в салопе, позади нее семенил слуга — на роже пот, в руках картонки. Печальный импозантный господин в дорогом пальто отщелкивал булыжники мостовой изящной тростью с костяным набалдашником. Розовощекая девушка наклонилась, чтобы поднять оброненную лайковую перчатку. Беспокойный выводок пригостишек с шумом делил

мятные леденцы. Проехала одноколка, везущая куда-то по делам упитанного мужчину неопределенных лет. Вот он Бург, самое сердце его! Филя понял, что попал на Комаринскую улицу — ярмарочную, магазинную-витринную, самую известную, мечту всех мальчишек и девчонок от мала до велика. Здесь стояли аптечные, кондитерские лавки, магазины готового платья и ателье, в уютных дворах прятались рестораны. И в одном из домов на втором этаже должна располагаться иконописная мастерская «Ангел светлый» — та самая, где некогда творил сам Пителир Смоковница, расписавший потолок Андреевского собора и церковь Успения Богородицы под Горкой. Филя поднял голову и принялся искать вывеску. Он так увлекся, что не заметил, как налетел на человека.

— Простите! — сказал он.

— Бог простит, юноша! — ответил человек, обходя Филю.

Да у него же руки в краске!

— А вы не из мастерской «Ангел светлый»? — спросил Филя с придыханием.

— Да, — сказал тот, останавливаясь. — Что вам угодно?

— Я... мне... — слова повывлетали у него из головы. — Я хотел бы к вам... Я рисую.

— Тогда поторопись. Мастер собирался уходить! Может, вообще сегодня не примет.

— А куда идти?

— Обогни дом, там будет черная лесенка. По ней на второй этаж, — и человек поспешил уйти.

Филя почти бегом кинулся за дом. Он пулей взлетел по лестнице и распахнул дверь. Его окутал знакомый запах красок и растворителей. В приемной было темно, на столе догорала одинокая сальная свечка.

— Есть кто? — спросил Филя с трепетом.

Послышались шаги. Навстречу Филе вышел кряжистый мужик, лицом напоминающий кабана-секача.

— Тебе чего? — спросил он сурово. — Не работаем, закрылись. Завтра приходи.

— Я не покупать, — поспешно сказал Филя. — Видите ли, я художник. Вам требуются?

— Художник? — протянул удивленно мужик. — Дай-ка я на тебя взгляну.

Он схватил со стола свечу и поднес к Филиному лицу так близко, что чуть не опалил брови.

— Господь милосердный, картограф! — закричал мужик. Он схватил Филю за воротник и потащил к двери. — А ну убирайся отсюда! Вон, вон!!

— Постойте, подождите, — взмолился Филя. — Я не картограф! Это ошибка!

— Врешь, Сатана! — ревел мужик. — Чтоб духу твоего здесь не было! Богомерзкая тварь. И как только надоумило тебя сюда прийти?

Как Филя ни упирался, а мужик оказался сильнее и выбросил его на улицу, с шумом закрыв дверь. Вторая неудача за день и какая! Почему так вышло? Как он понял? От обиды Филя до крови закусил губу. Не хотят его тут — и ладно. Он найдет другую мастерскую, он еще покажет им. Нарисует чудотворную икону. Мужик этот подойдет и спросит, чья рука. А ему скажут: рисовал, дескать, Филимон Чартков, тот самый, которого вы из мастерской изволили вытурить. Что, съели, съели? Не вам слава, ему! А могло быть и по-другому. Поздно локти кусать, он к вам ни за какие коврижки не вернется! Хоть на коленях ползите, хоть на брюхе. Вот!

Филя в ярости бежал, не разбирая дороги, но вскоре утомился и сбавил темп. Ничего не потеряно, он себя еще покажет. Он поймал такси и отправился в Малярово. Вите ничего не

сказал — будет еще смеяться! Лег пораньше спать. Утро вечера мудренее, все пройдет, пройдет и это.

Омар

Неосторожность — вот что губит людей, думал Филя. Отвлечешься на секунду, а беда высунется из-за угла и ожжет тебя по голому заду хворостиной. Теперь, когда он потерял в Бурге сестру, ему стало казаться, что даже рука в кармане не может чувствовать себя в безопасности. И потому беспечность Вити его безмерно удивляла.

Витя ходил по двору без шапки, забавно красноухий, и все пытался пристроить лягушку на забор. Та не могла усидеть, валилась наземь, сонная и нерасторопная. Утром она едва шевелила лапками, и только к вечеру чуть расходилась — прыгала по кровати, удирала под шкаф. Витя никак не мог дожидаться, когда она уже войдет в форму, чтобы начать тренировки.

Он сбегал в сарай и принес оттуда старую полочку для кашпо. Кое-как приладил, ввернув шурупы в рассыхающиеся доски, отошел, залюбовался.

— Зачем это? — спросил Филя.

— Сейчас увидишь! — сказал Витя и высадил лягушку на полку. — Сидит, как путная! За стрелой, что ли, сгонять?

И тут с березы снялась растрепанная серая ворона. Она сделала круг у Вити над головой, прицелилась, схватила когтями лягушку поперек живота и взмыла в небо.

— Стой! — закричал Витя, бросаясь через забор. — Стой, гадина.

Ворона оглянулась на него и еще быстрее заработала крыльями. Филя, сам не осознавая, что делает, рванул к калитке, сорвал с колышка оконечник и метнул его в ворону. Та гаркнула, крутанулась в воздухе и выпустила добычу из лап. Лягушка шлепнулась на мерзлую грядку и лежала там без чувств.

— Господи! — причитал Витя, поднимая безжизненное тельце. — Убилась, убилась! У, сука!

И он показал улетающей вороне кулак. Над грядкой вилось крохотное черное перо. Филя подошел, осмотрел лягушку и уверенно сказал:

— Она дышит. Неси скорее в дом.

Витя опрометью кинулся к двери, сбив по дороге Веру, которая шла с ночной смены.

— Бешеный! — сказала она, скорее устало, чем злобно. — Что с ним? Черта увидел?

— Нет, ворону, — улыбнулся Филя. — Работали?

— Да, еле ноги домой несу. И, кстати, хорошо, что ты мне попался. Я все разузнала. Девочки говорят, завтра твой краб будет в банях у Боровицкого. Ливрею купил?

Филя кивнул.

— Только не очень дорогую. Там были с золотой отделкой, но у меня денег не хватило.

— Ничего, и такая сойдет. У Боровицкого все попросту, без шика. Публика собирается второсортная. Твой краб хоть и при деньгах, а все же невысокого полета. Не орел степной.

— Ворона, — зачем-то сказал Филя. — Он ворона.

Вера пожалала плечами, готовая поддержать любое унижительное для краба сравнение. Она порылась в сумочке и подала Филе сложенную вчетверо бумажку.

— Это пропуск. Пойдем порознь. Меня подвезет клиент на машине, а ты приходи попозже, скажем, в половине десятого. Покажешь на входе, проблем быть не должно. Я буду внутри.

— А что мне делать, когда я его увижу?

— Это ты сам решаешь. Я тебе не помощник. И да, возьми смену белья, пригодится.

— Хорошо, спасибо, вам Вера. Я ваш вечный должник.

— О! — сказала она, кривя красивые губы в змеиной улыбке. — Не горюй, ты еще расплатишься.

С этим она ушла в дом, а Филя остался на пороге. Он бесцельно дробил каблуком тонкий лед, намерзший на крыльце, и думал, как же ему поступить. Вот увидит он краба, что дальше? Кинется и задушит? Позовет полицию? Подойдет, посмотрит злым в глаза и спросит, где Настенька? Как быть? Ах, как нужен пистолет! Или ружье, или на худой конец кастет. И тут он понял, что без Вити ему не обойтись.

Витя тем временем откачивал лягушку. Он положил ее в тарелку с теплой водой, сводил и разводил вялые лапки. Лягушка постанывала, мотала головой и наконец звонко чихнула.

— Больше не буду сажать ее на забор! — уныло сказал Витя. — Горе какое! Откуда взялась эта ворона?

— У нее тут гнездо на березе. Ты лучше пока в комнате тренируйся.

— Подстрелю! — рыкнул Витя и зашарил под кроватью в поисках лука. — Жизни рррешу!

— Слушай, а у тебя есть пистолет? — спросил Филя.

— Думаешь, лучшее ее из пистолета грохнуть? Ты, пожалуй, прав. Так и перьев не останется.

— Нет-нет, ворону ты можешь и из лука, я не о том.

— А о чем? — тупо спросил Витя. Лягушка на тарелке перевернулась на живот и с интересом прислушивалась к разговору.

— Пистолет нужен мне. Сможешь достать?

— Это, брат, нелегко. Тебе когда нужно?

— К завтрашнему дню. Я заплачу! — и Филя полез в кошелек.

— Не нужно мне твоих денег, — сердито сказал Витя. — Убери с глаз долой, не то обижусь! Убери, кому сказал! Пистолет-то я найду, а стрелять ты умеешь?

— Нет, — честно признался Филя. — Никогда не пробовал. Но мой сосед брал меня разок на охоту. Он рябчиков промышлял. Я видел, как он стреляет. Думаю, справлюсь.

Витя покачал головой.

— Ружье одно, а пистолет совсем другое. Тут глаз нужен и рука.

— Вроде, у меня есть, — растерянно сказал Филя, оглядывая себя в зеркале, как будто боялся, что со времени последней проверки некоторые части тела разбежались.

— Чудак человек! — рассмеялся Витя. — Прицелиться же надо, и порох правильно насыпать, и пулю вложить. Это тебе не картинки малевать!

— Понял, — сказал Филя. — Научишь?

— Технику объясню. Только ничего у тебя не получится. Ты картограф, тебе нельзя пистолет. И зачем он?

— Это не твое дело! — неожиданно резко сказал Филя. — Если можешь, достань. А не можешь, нечего тогда трепаться.

— Раз сказал — достану! — Витя развернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Филя тут же пожалел о своем тоне. Весь день не находил себе места, все думал, как бы половчей перед Витей извиниться. Но тот пропал, не возвращался. Даже Варвара Михайловна забеспокоилась.

— Что-то Витюши долго нет, — сказала она, выставляя на стол самовар. — Вы не

знаете, куда он поехал?

Филя покраснел. Если из-за него Витя попадет в беду, он себе этого не простит. Дался ему этот пистолет! Да он бы голыми руками проклятого краба заборол, только попадись! Вздумал тоже пальбу открывать, да еще в банях! Глупости, глупости, глупости!

На пороге появился Витя. Весь в снегу, но телогрейка расстегнута, из-под нее выблискивает кольчуга.

— Вот, — сказал он, волоча Филю в комнату. — Принес. Владей!

Он сунул руку за пазуху и вытащил красивый дуэльный пистолет. Махонький, с ладонь, но тяжелый и грозный. Рукоять из эбенового дерева, по корпусу серебристая вязь. Дорогая вещь. Да что там — музейная реликвия!

— Ты где это взял? — настороженно спросил Филя, оглядывая пистолет.

— Где-где, в Караганде! — беззлобно откликнулся Витя, довольный собой. Он гоголем ходил по комнате и несколько раз поправил вихор на затылке — вдруг тот сбился при ходьбе.

— И все-таки? Музей ограбил?

— Да что ты пристал? Да, музей! Между прочим, из этого пистолета Пушкин Дантеса хлопнул. Бах! — и Витя картинно прицелился, изображая Пушкина.

— Я слышал, все было наоборот, — скептически заметил Филя.

— Да ну? Тебя обманули! Ну, доволен теперь?

— Нет, верни, откуда взял. Я не буду из него стрелять.

— Ах, вот ты как? Я ради тебя в пекло лез, а ты... свинья неблагодарная, вот ты кто!

— Витя, ты пойми, я не могу. Он же краденый!

— И что? Ишь, святоша! Где я тебе законный пистолет достану? Их, знаешь, на рынке не продают. Чай, не семечки. Бери, и не выеживайся.

Филя покрутил пистолет, заглянул в дуло. Тяжелая сталь приятно холодила ладонь.

— А пули и порох? — спросил он.

— На! — Витя подал ему небольшую коробочку, в которой каталась одинокая пуля. — Одна была только. Остальные эти музейные крысы куда-то спрятали. А порох я завтра принесу, Серый обещал добыть. Не слышу «спасибо».

— Спасибо, — неохотно сказал Филя и спрятал оружие во внутренний карман пальто. Витя снял кольчугу и с наслаждением вытянулся на кровати, хрустя суставами. Через минуту он уже спал богатырским сном. Филя вышел на кухню и нос к носу столкнулся с Верой. В полумраке она еще больше походила на русалку: распущенные длинные волосы серебрились, платье шуршало. От нее пахло цветами — полевым разнотравьем, полуденным, медовым. У Филя закружилась голова.

— Готов? — буднично спросила русалка, жуя сухарик.

— Да, — чуть слышно ответил Филя. — У меня пистолет. Я... я застрелю его.

Русалка хмыкнула.

— Вояка. Смотри поосторожней с этим. Предупреждаю, на входе обыскивают. Так что будь добр, спрячь понадежней.

— Но куда? — растерянно спросил Филя.

Русалка улыбнулась коварной улыбкой и окинула его с ног до головы.

— Думай, картограф, думай! Мое дело — сторона.

И ушла, покинула его. Вот так всегда и бывает: ни от кого помощи нет! Все надо самому, только на себя надейся. А Настенька там одна, в лапах у краба — да что там в лапах,

хуже, в клешнях! Может, взять с собой Витю, переодеть и его лакеем? Ничего не выйдет, поймут, раскусят. Как увидят эту шоферню с немойтой рожей, тут же выставят за дверь.

Филя лег спать, но сон не шел. Он думал о Ромэне Аристарховиче и его обещании, о Буквоеде, о Настеньке. Призраки дорогих сердцу людей и просто случайных знакомцев кружились в макабрическом хороводе, выкрикивая слова на незнакомом языке: «Шма... Адонай Элохейну».

«Шма, шма, — бессмысленно повторял за ними Филя, корчась от боли. — Адонай! Хлеб наш насущный даждь... И виждь, и внемли».

На следующий день метель не позволила Вите выехать со двора: у ворот намело такой сугроб, что они с Филей до сумерек откидывали лопатами хрусткий снег. Из соседского дома прибежал сорвавшийся с цепи пес Трезор и принялся мешать работе.

— И кто его только назвал Трезором? — ворчливо сказал Филя, отгоняя разбуянившегося пса.

— А что? — спросил Витя.

— «Трезор» по-французски — сокровище, драгоценность. Чего в нем ценного? Кусок дрянного меха. К тому же с блохами.

— Ты, стало быть, языками владеешь? — с уважением спросил Витя. — Меня научи, за границу хочу.

— Я только по-французски чуть-чуть, — смущенно сказал Филя. Ему было неловко признаваться, но языков он не знал. Учебники по грамматике он расписывал райскими птицами и завитушками, а из толстого словаря сделал тайник, где хранил милые пустячки — засушенный желтый цветок, который подарила ему одна девчонка, отцовскую медаль, маленький халцедон, шнурочек, сплетенный Настенькой. Учитель французского, благообразный старичок, в порыве гнева не раз бил Филю по хребту указкой, да так и не вколотил науку. Надо было по старинке, розгами!

— Вообще Трезор — хорошая собака, — задумчиво сказал Витя. — Я один раз на озере на коньках катался и ухнул под лед. Так он меня вытащил. А ты говоришь — блохи.

И Филю осенило: вот как он сможет протащить пистолет в бани — на собаке! Он кинулся в дом и застал Веру перед трельяжем. Высунув язык, она сосредоточенно рисовала себе брови.

— Чего мельтешим? — небрежно спросила она, опуская карандаш.

— Вера, вы говорили, у вас есть собачка.

— Ну, да, Прунька. Только она не совсем моя.

— Сильно лохматая?

— Как все шпицы, — пожала плечами Вера. — Тебе-то какой интерес? На колбасу пустить не дам.

— Вы ведь возьмете ее с собой сегодня? Где она?

— На этой неделе живет у подруги.

Оказалось, Прунька была куплена вскладчину. Породистого шпица держать непросто: на одной только говяжьей вырезке разоришься, поэтому банные гетеры обычно приобретали одну собаку на двоих.

— Можно я съезжу за ней? — попросил Филя.

— А, пистолет спрятать хочешь! Умно, умно!

Польщенный, Филя покраснел.

— Никуда ехать не нужно, — сказала Вера, поднимая карандаш. — По дороге в баню ее

захватим. Клиент передумал, я поеду с тобой вместе на такси. На Пруньке будет костюмчик, вложишь в подкладку. Только если попадешься, отвечать будешь сам. Я не при делах.

Филя рассыпался в благодарностях и даже отвесил пару поклонов. Вечер он посвятил теоретическому освоению искусства стрельбы. Витя объяснил, как заряжать пистолет, как целиться, показал основные стойки. Филя тщательно записывал все в блокнот и набросал несколько схем, чтобы надежней запомнить. Вот только одно не давало ему покоя: сможет ли он выстрелить в человека? Пусть Григорий Антонович — краб, но он в то же время и... ну, гуманоид, что ли. И если он застрелит его, это ведь будет натуральное убийство. Нет, достаточно сунуть пистолет под нос, поугрожать. Краб не дурак, жить хочет, как и всякая божья тварь. Ведь Филе не нужно ни жены его, ни осла его, ни другого имущества, а только собственная сестра. Это законно! Суд должен учесть, принять к сведению. Мысли о тюрьме заставили Филю вздрогнуть.

Когда часы отсчитали девять ударов, Филя переоделся в лакейское, натянул пальто и в нетерпении выпрыгнул на крыльцо. Вера куда-то исчезла, велел дожидаться ее в полной боевой готовности. Наконец перед воротами остановился роскошный черный автомобиль (куда там Витиной колымаге до него!) и оттуда показалась изящно обутая ножка. Филя сглотнул.

— Ворон считаешь? — донесся из глубины голос Веры. — Лезь быстрее, холодно.

Из салона послышался залиvistый лай Пруньки. Филя открыл дверь и сел на переднее сиденье. В автомобиле было тепло, пахло дорогой кожей, сигарами и мокрой псиной. Прунька — мелкая рыжая собачонка в зеленом вязаном кафтане — бесилась на заднем сиденье рядом с Верой, ловила и загрызала насмерть хвост, по-дикому рычала. «Вот мерзость, — подумал Филя. — Прямо как у тетки, психованная. Еще укусит!»

Водитель был неразговорчив и усат. Вера тоже молчала, лишь изредка урезонивала собаку, доходившую в своей слепой злобе к хвосту до неистовства. Мелькали дома, сначала попроще, потом особняки. По широким улицам катились трамваи, автомобили. Пешеходы зябко кутались в пальто, метель догоняла их, тискала, печально выла во дворах, словно терзалась от неразделенной любви к роду людскому. Настроение у Филя становилось все хуже и хуже. «А если я не смогу? — думал он, царапая ногтями ладонь. — Что, если струшу? Или меня опять арестуют? Теперь-то уж за дело! Ах, как бы пережить этот день!»

Автомобиль остановился возле крепкого здания, портик которого подпирали два оголенных атланта. Атлантам было немного не по себе стоять среди русской зимы без шубы, в жалких набедренных повязках. Они бы растерли себя руками, но тяжелый портик упал бы тогда на тротуар, а этого допустить нельзя. Вера вышла из машины, оставив на сиденье трешку, и вручила Пруньку Филе.

— Прячь быстрее, пока не вошли.

Филя ловко оттопырил кафтан и засунул под него пистолет. Прунька извернулась и укусила его за палец.

— Уй! Дрянь такая!

— Дрянь, — согласилась Вера. — А что делать? Положено ходить с собачкой, вот и страдаю. Мужайся, идем.

На входе стояли два охранника — живые копии атлантов, только одетые. Их хмурые лбы удивительно гармонировали с неприветливым ноябрьским пейзажем.

— Карманы вывернуть, пальто расстегнуть, — бесстрастно сказал один из охранников. Другой прошелся пальцами по Филиным бокам, как будто играл на гармонии.

— Все чисто, — заключил он. — Можете проходить.

Вера и Филя вошли в здание. Филя был поражен помпезностью убранства — кругом персидские ковры с золотой бахромой, с потолка густо свисали хрустальные люстры, стены были отделаны дубовыми плашками, мраморная лестница гнула спину, как кобра, услышавшая нежную мелодию дудочки. Шмыгали лакеи с подносами в руках, Вера немедленно взяла себе бокал шампанского и шлепнула по рукам Филю, потянувшегося было тоже.

— Тебе не положено. Помни, ты раб, прислужник. Давай, сделай лицо попроще. Кланяйся, черт тебя дери. Радикулит прихватил?

И Филя, как мог, изобразил подобострастие. Прунька в его руках яростно извивалась, пистолет под ее брюхом грозил выпасть на пол. Они миновали многолюдный холл и вошли в предбанник, где гетеры бесстыже стаскивали с себя остатки одежды.

— Иди туда, — Вера кивнула ему на маленькую дверь. — Трусы взял? Как переоденешься, ступай к большому бассейну. Я буду там. Не смей со мной заговаривать. Если понадобится, я сама подойду. Краб придет ближе к полуночи.

— А что мне делать?

— Следи за собакой, подноси мне напитки. Шампанского больше не надо, тащи водку. И не отсвечивай. Все понятно?

Филя кивнул, и они расстались. Он вошел в небольшую комнату, которая оказалась душевой. Пар окутывал скользкие скамьи и кабинки. В лужах воды понуро стояли мыльные собаки — почти все шпицы, пара-тройка болонок и один тойтерьер на тощих ножках. Голые лакеи усердно натирали друг друга мочалками. Филя вздрогнул. Ему не хотелось раздеваться, он стеснялся своих худых рук, впалой груди. Какой он, к дьяволу, лакей? Ой, выведут его на чистую воду, шагу ступить не успеет! Но выбора не было, он поставил Пруньку у скамьи и стянул с себя ливрею.

Удивительное дело, но на него никто не обращал внимания. Многие парни были тоже далеко не атлетами, рослых и плечистых от силы пятеро, остальные дохляки с острыми коленями.

— Ты, подвинься, — сказал кто-то, и Филя, углубившийся в наблюдение, невольно вздрогнул. — Первый раз тут?

— Да, — ответил Филя и посмотрел на говорившего. Это был рыжеволосый паренек лет пятнадцати, с чуть придурковатым веснушчатым лицом. На плече у него красовалась небольшая наколка с коронованным глаголем.

— Тебя как зовут? — спросил паренек.

— Филя.

— А я Степка. Будем знакомы, — и Степка, шмыгнув носом, подал ему руку. Филя с неохотой пожал ее. Нет, не то чтобы он с предубеждением относился к лакеям, да и за эти дни в Бурге он привык к тому, что люди здесь совсем не церемонятся, хотя у себя дома он счел бы такое обращение за амикошонство. И все же ему не хотелось ни с кем сблизиться, Вера же велела не отсвечивать. Чем меньше людей его запомнит, тем лучше. Зачем, зачем он сказал свое имя? Надо было псевдоним взять! Селифан или, там, Петрушка. Тьфу!

— Пойдем-ка, Филя, отсюда, — добродушно сказал парень и подхватил с пола дрожащего тойтерьера. — Господинки нас уже заждались.

Филя поднялся с лавки и понял, что ему неловко идти в одних трусах. Даже на Пруньке кафтан, а он голый! Стыд, срамота! А Степка, казалось, ничего не замечал и гордо

шествовал, выпятив живот, прямо к бассейну, в котором творилась вакханалия. Голые гетеры с визгом прыгали в воду, поднимая тучи брызг. Туда-сюда сновали лакеи, нагруженные подносами с пустыми и полными бокалами. Они спотыкались о собачек и чуть слышно чертыхались. На мелководе, как тюлени, лежали жирные тела. Филя протер глаза в изумлении. Это были не люди! О боже, куда он попал?

У самого бортика шевелил щупальцами гигантский осьминог. У него была вполне человечесья голова, более того, он вальяжно курил сигару, обвив ее одним из щупалец. Рядом с ним лежала красивая пышнотелая гетера, ласково водившая пальчиком по присоскам. Осьминог травил анекдоты и сам над ними громко смеялся. Филя передернулся от отвращения.

Чуть дальше, на глубине, стоял, вытянув шею, кентавр. Конская часть была едва различима под водой, поэтому Филя сперва принял его за человека. Кентавр безразлично взирал на купальщиков, иногда погружаясь полностью под воду. Он скучал. Гетеры силились привлечь его внимание, но он отворачивался и уходил подальше, чтобы на него не попадали брызги.

У дальнего конца бассейна на приступочке восседал человек-скорпион. Из спины у него рос мощный хвост с ядовитым жалом на конце. Молоденькая гетера делала ему массаж, стараясь держаться от хвоста как можно дальше. Она силилась улыбнуться, и Филе невольно стало ее жаль. Скорпион блаженно вздыхал, жало покачивалось.

Позже Филя заметил среди монстров и обычных людей — типичных толстосумов, обрюзгших, волосатых, с загребущими руками, ослизлым ртом. Право слово, в лучшую сторону от нелюдей они не отличались. Филя постоял немного, оценил обстановку и принялся разносить напитки, ища глазами Веру. Ее нигде не было видно, краба тоже. Прунька быстро забралась под ближайший шезлонг и рычала оттуда на проходящие мимо ноги.

Филя опасливо обходил уродов, стараясь потчевать только гетер. Но ни одна из них так и не взглянула на него, словно он был в шапке-невидимке. Степка промышлял у дальнего конца бассейна, подобострастно кланяясь и скаля зубы в лакейской улыбке. Гигантский спрут выполз на сушу. Он откинулся на бок и подбрасывал щупальцами апельсины. Голая гетера ловила их корзинкой и, конечно, смачно шлепнулась на скользкий расписной кафель.

— Балдеешь? — прошептал кто-то Филе прямо в ухо. Он оглянулся — прямо за его спиной на цыпочках стояла Вера. Пьяная и красивая.

«Эх, и она в чем мать родила!» — подумал Филя и прикрыл глаза, чтобы не смущаться. Вера хихикнула.

— А ты милый! Ладно, не хочешь, не смотри. Я не настаиваю. Краб уже здесь, раздевается. Готовься, он выйдет вон из той двери, где нарисована химера.

Филя почувствовал, как гнев стремительно разливается по его жилам. Он прыгнул к шезлонгу, встал на карачки и сказал:

— Прунька, на выход!

Она зарычала и отползла подальше, противно скрипя коготками. Тогда он схватил ее за лапу и грубо поволок. Собачка визжала, как резаная, напрудила лужу и все же проиграла в неравной борьбе. Филя зажал ее под мышкой и поспешил к двери. Он прижался лопатками к рифленой плитке и затаил дыхание. Краб появился через несколько минут. Он был в махровом халате. Складчатый затылок сочился потом, седые волосы поднялись торчком.

— Стоять! — тихо сказал Филя и тыкнул краба в спину дулом пистолета. — Где моя

сестра?

— Не понимаю, о чем вы, — пророкотал тот, сиюсь обернуться.

— Не двигайтесь, или пристрелю! Я не шучу. Верните сестру, и никто не пострадает.

Филя был горд собой, что так деловито и агрессивно повел разговор, но колени предательски дрожали и нелепо прыгала нижняя челюсть, зашамкивая хвостики слов. Прунька усердно выла, стараясь привлечь побольше внимания, пришлось пнуть ее. Она отлетела к бассейну и плюхнулась в воду.

— Молодой человек, вы ошиблись! — сказал краб. — У меня нет вашей сестры. Вы меня с кем-то спутали.

— Вас зовут Григорий Антонович?

— Нет.

Филя опустил пистолет. Сердце ухнуло в пятки. Он схватил не того краба!

— Кто вы?

— Да какое вам дело? — раздраженно спросил краб. — Вам нужен некий Григорий Антонович? Что ж, я — не он. Этого довольно! Теперь я могу идти?

Филя ощутил страшную горечь во рту, как будто только что сжевал полынный веник.

— А вы не знаете Григория Антоновича? — тихо и безнадежно спросил он. — Он тоже краб, как и вы.

— Во-первых, я не краб, а омар. Это разные вещи. Вы биологию в школе проходили?

Филя пригляделся. Его собеседник был худым, клешни высывались из длинных, приспущенных рукавов, над головой шевелились усики. Да, это не краб, хотя тоже мерзейшее создание, порожденное природой в день гнева.

— Простите, я не хотел, — пробормотал Филя. — Вы похожи...

— Ничуть, — возразил омар. — Хотя, кажется, я знаю, о ком вы говорите. Но он здесь не бывает.

— А где же? — с надеждой спросил Филя.

— Мы встречались пару раз на вернисажах. Он домосед. Вот что, молодой человек, если хотите с ним увидеться, поезжайте на Заячий остров. Он живет там. Впрочем, как и все мы. Пустите!

— Да-да, конечно! Простите еще раз.

— Не стоит беспокоиться. Ох уж эта молодежь!

И омар поспешил к бассейну, где его уже ждали. Кентавр приветственно заржал, осьминог прекратил жонглировать апельсинами и сполз в воду, откуда закричал:

— Федя, сюда!

Омар снял халат и нырнул. Прунька выкарабкалась на берег и пыталась сорвать с себя насквозь промокший кафтан. Филя подхватил ее, спрятал пистолет между ней и собой и пошел к Вере. Та возлежала на атласных подушках рядом с чешуйчатым господином неопределенного биологического вида. Из его массивной спины торчали рудиментарные крылышки, которыми он изредка хлопал. Филя подобрался поближе и поймал Верин взгляд. «Нет, — мысленно произнес он. — Не то». Вера, умница, все поняла и вздохнула. «Ступай домой», — сказала она ему чуть слышно. Он запихнул Пруньку обратно под шезлонг, сунул пистолет в трусы, кивнул на прощанье Степке, мол, держись, малец, и вернулся в лакейскую душевую.

Филя вышел из бань и прислонился к Атланту. Щемило в груди, глаза чесались — то ли от хлорки, которой была щедро сдобрена вода в бассейне, то ли от непролитых слез.

Неуловимый краб! Что же делать? Он так надеялся на эти бани. Ехать на Заячий остров, патрулировать квартал за кварталом? Опрашивать людей, не видали ли они страшилище в панцире?

В сердцах Филя выкинул пистолет в ближайший сугроб и пошел прочь. Чтобы вернуться в Малярово, пришлось померзнуть на остановке в ожидании дежурного автобуса. Тот подъехал — пустой и дикий — и поглотил своего единственного пассажира.

Неудача раздавила юного картографа. Он вперился взором в дерматиновую обивку сиденья и погрузился в бездонную черноту печали.

«А выход есть, — ехидно сказал голос у Фили в голове. — Рисуи карту, найдешь сестру».

«Да, — подумал Филя. — Я нарисую. Пусть потеряю душу, но сделаю это. Решено».

Автобус неуверенно высвечивал фарами путь. Летел снег.

Тень

Ноябрь катился к своей середине. Погоды стояли в те дни ясные, Луна вышла в зенит. Филя, сроду зябкий, дневал у печки, сдружился с котом, гладил его, сажал на колени. Витя спал до обеда, а потом уезжал таксовать. Возвращался под вечер, запах дешевых папирос насквозь пропитал его куртку. За ужином он имел скверную привычку при всех пересчитывать деньги, объясняя, откуда у него появился каждый целковик.

— Возил сегодня генерала — от Сенной площади до самых выселок изволили ехать. Дал рупь с полтиной, жмот, а торговались за три. Мол, медленно ехал, опоздали. Так что ж я сделаю — пробки кругом! Вся Лиговка стояла, на перекрестке встретились два одиночества. Потом ко мне сел калмык. Гляжу, косит глазами в бардачок, а у меня там лягушка. Я подумал, грабануть меня хочет, а оказалось — аквариумист. Прикинь, Филя, калмык-аквариумист! Ты о таком когда-нибудь слышал?

— Не доводилось, — коротко сказал Филя, чуть презрительно оглядывая грязные Витины руки, которыми тот копался в хлебнице.

— Калмык красненькую дал, гуляем! Я по дороге заскочил в магазин. Взял сыру, окорок, ландрину, — поймав недоуменный Филин взгляд, Витя пояснил. — Леденцов. Мы с пацанами кисленькие всегда ландринном называли, а те, что на палке, петушками. Валя их любит. Мать, а где она?

— На работе, — откликнулась из-за печки Варвара Михайловна, гремя сковородками. — Ждать не будем, садитесь, мальчики за стол.

Странное дело: Филя жил у Зязиных уже больше недели, а так ни разу не столкнулся со старшей Витиной сестрой. То она уходила раньше, чем он поднимался с постели, то возвращалась после полуночи. Ее не было на семейных фотографиях, нигде не висели ее вещи. Вера — та, придя домой, раскидывала одежду по комнате. Еще в коридоре срывала с себя шарфик, метила перчатками в кукушку, выпрыгивающую из часов, бросала как попало ботиночки. А у Валентины как будто и не было ничего, даже тапочек Филя не заметил. Он решил не спрашивать лишнего, крепился.

Наскоро поев, Витя убежал в комнату, где опять занялся лягушкой. Она научилась подпрыгивать и ловить на лету небольшие предметы, в ход пошел праздничный набор тончайших мельхиоровых ложечек. Пол оброс стружкой, Витя готовил стрелы. Остро пахло свежим деревом и почему-то весной, такой далекой, такой ненаглядной. Черви из коробки, принесенные на корм, расплзались, и Филя собирал их в совок.

Додон больше не приходил. Иногда Филе казалось, что он где-то близко, витает под

потолком, лезет за пазуху, точит зубы о ноготь на ноге. Бывало и так, что сквозь сон прорывалось бормотание, шепот, и тогда в ухе начиналась нестерпимая щекотка. Приходилось вставать, крутить на спичинку вату и чесать-чесать до боли, до красноты. Под утро зарядили кошмары, Филя просыпался в липком поту и не мог вспомнить, что же его так испугало. А Витя знай себе храпел, ничего его не тревожило. Отогнет нижнюю губу и вот давай свистеть! Храп переходил в грудной клекот, от которого ходуном ходил ковер на стене. Этого бы витязя в купе к крабу подложить!

И вот однажды одолела Филю бессонница. Он волчком крутился на тюфяке: закутаешься — жарко, раскутаешься — холодно. Подвернутая, кисть, затекла, бедро заныло, на спине мурашки в кучу собрались. Мучился, мучился — встал, пошел на кухню. Решил попить воды, не зажигая огня, не хотел никого будить. И тут по стене скользнула тень.

— Кто здесь? — хрипло спросил Филя, давась водой.

Тишина. Только тиканье ходиков и раскаты Витино го храпа из полуоткрытой двери. И снова движение — легкое, едва заметное, так в косом луче солнца летит пылинка.

— Кто здесь? — повторил Филя и брякнул стакан о стол.

— Шшш! — прошептала тень. — Не шуми.

Филя взгляделся в темноту. Очертания тени были неровными, размытыми по краям. Она двигалась в воздухе плавно и грациозно, чуть припадала к лавке и вновь поднималась повыше. Внезапно из-за облаков выглянула луна, кухня осветилась, и Филя увидел хрупкую девушку в мешковатом платье. На голове у нее был платок, повязанный по-бабьи. Лица не различить, оно так и осталось в тени.

— Валентина?

Она кивнула и прошла мимо него к горке. Достала сухарницу, извлекла оттуда кусочек пряника и проглотила, не жуя.

— Вы всегда так поздно приходите? — спросил Филя. Ему было неловко, что он ее застал врасплох, но любопытство было сильнее приличий. Валентина сделала неопределенный жест и опять запустила руку в сухарницу.

— Может, вы каши хотите? Она осталась. Давайте я вам положу.

Валентина отрицательно покачала головой. Филя уж было подумал, что она немая, но кто же тогда сказал ему не шуметь? Капала вода, тикали ходики, на улице истошно заорал кот, попутавший ноябрь с мартом. Тень зашуршала по стене, словно мышь под обоями.

— Куда вы, постойте! — сказал Филя. — Не бойтесь меня. Я Витин друг.

— Знаю, — чуть слышно откликнулась тень.

Филя попытался схватить ее за руку и промахнулся — цапнул воздух. Что же это такое? Он в недоумении уставился на свой кулак, а когда попытался отыскать тень, ее и след простыл. «Наваждение, — думал Филя. — Я, должно быть, сплю. Надо проснуться». И он с силой щипнул кожу на запястье. Ничего не получилось: реальность осталась на месте, только усилился Витин храп, восходящий ко второй октаве и ниспадающий до басов. В какой комнате спит Валентина? В комнате вместе с матерью? На раскладушке у Веры? В сенях, за печкой, на чердаке? Почему в доме так мало ее следов? Филя поразмыслил немного и решил, что виной всему загадочное уродство, которое девушка прячет в темноте. А на фабрике маску надевает — там же копоть, смог, все поймут, никто с лишним вопросом не пристанет. Это его успокоило, и он на цыпочках прокрался к своему тюфяку. Витя лежал на спине, разметав руки. Филя посидел-посидел у окна и тоже отправился на боковую.

Проснувшись, Филя решил потренироваться. Он давно не рисовал, если не считать

злополучной карты, и ему хотелось вновь ощутить творческий гипноз, в который он впадал, работая над эскизом. Но вот беда — чемодан с карандашами и альбомом украли! Не печным же углем рисовать?

— Витя, у тебя не найдется карандаша? — спросил он.

Тот открыл ящик комода и зашарил в нем пятерней, бормоча «где-то был, где-то был». На пол полетели фантики, папиросная бумага, старые счета.

— Карту будешь рисовать?

— Нет, просто хочу позаниматься. Для себя, для души.

Витя усмехнулся:

— Ага, души. Вот тебе карандаш. Тупой только, очинить?

— Если можно, — попросил Филя. — А бумаги нет?

— Отчего, есть! Там, в углу, для растопки.

— Мне чистую надо.

— Тогда у матери спроси. Я такую не пользую.

Пока Витя трудился над карандашом, Филя сходил к Варваре Михайловне и выпросил у нее листочков. Бумага была приличного качества, в меру плотная, с шероховатой поверхностью. Чуть затхлый запах говорил о том, что лежала она без дела не один год. Ее хранили для писем, а писать было некому, и теперь на ней будут Филины рисунки. Не худшее применение!

Вернувшись в комнату, Филя увидел, что Витя лениво почесывается, натягивает на себя одеяло и уже готов повернуться носом к стене.

— Не поедешь работать?

— Сегодня не хочу. Разморило что-то, томно. Чай, с пирожков, от них живот крутит.

За завтраком Витя в одиночку опустошил тазик с пирожками. Не досталось никому. Вера насмешливо фыркнула, Филя был нем от досады, а Варвара Михайловна долгие минуты читала, что столько теста есть нельзя, заболеть можно. И вот теперь витязь, пухлый от пирожков, решил посвятить свободное время подкрепляющему силы сну.

— А давай мы с тобой вот что сделаем, — сказал Филя. — Ты мне опишешь человека, а я его нарисую.

— Тебе зачем? — чуть недовольно отозвался Витя.

— Я в участке одного знакомого встретил. Он сказал, что им в отделе нужны портретисты, преступников со слов свидетелей рисовать.

— И что, пойдешь туда работать? Да у тебя с картами от заказов отбоя не будет, в золоте потонешь! Тоже мне придумал! Кому нужны эти портреты? Не валяй дурака.

— Витя, ты не прав. Вот ограбят, допустим, на улице старушку, она мне опишет приметы, я нарисую, дворники развешат, и все — грабитель пойман. Разве не здорово?

— Куда уж здорово! Из-за таких, как ты, житья нет.

— Тебя, если проколешься, рисовать не буду. Калмыка какого-нибудь изображу.

— А что, — встрепенулся Витя. — Это дело! Давай, иди в участок, будешь наших выручать. Заживем!

Филя только улыбнулся. Спасать от тюрьмы Витиных друзей, местную шпану, он никак не собирался. Да и Ромэн Аристархович его бы за такое по голове не погладил. Если помогать правосудию, то не сикось накось, а по совести.

— Сделаем так. Ты опишешь мне человека, которого я еще не видел. Например, Валентину. А я потом сличу портрет. Идет?

— Вальку? — уныло протянул Витя. — Чего в ней интересного? Ну, нос, рот, глаза.

— Какой нос? Длинный, короткий? Кончик вверх или вниз? Может быть, курносый или картошкой? Веснушки, родинки, бородавки? Крылья взлет? Переносица прямая или с горбинкой?

— Постой, погоди, прямо забросал вопросами. Какие, к черту, крылья? Нос как нос, обычный. Да что с нее взять, с Вальки?

— Витя, не халтурь, — строго сказал Филя и ткнул его тупым концом карандаша в бок. — Напряги извилины. Ты можешь, я знаю.

И Витя нехотя начал припоминать. По первости у него получалось скверно, не мог назвать ни одной приметы, а потом он так разошелся, что его было не остановить. Выяснилось, что Валентина очень даже ничего — тонкий прямой нос, крупные темные глаза с поволокой, густые ресницы, соболиные брови, высокий лоб. Только с волосами Витя затруднился.

— Она их все время красит. Я и забыл, какого они цвета — рыжие, навроде того. Так это не изобразишь. Карандаш-то все равно серый!

Филя залюбовался на портрет: так ладно и гладко вышло. Витя взглянул и ахнул:

— Ну, она! Вот ты мастер! Блеск!

— Спасибо, — сказал польщенный Филя.

В этот момент в комнату заглянула Вера.

— Белохрысничаете? — поинтересовалась она.

— Нет, портреты рисуем. Заходи! — щедро пригласил Витя. — Посмотри, что творит. Его бы к нам собор расписывать.

— Постой-ка, — Филя живо убрал портрет и внимательно посмотрел на Веру. — Проведем эксперимент. Витя только что описал мне Валентину. Давай и ты, а потом сравним, что получилось.

— Вальку? — удивилась Вера. — А почему ее, а не меня?

— Потому что я тебя видел, а ее нет. Хочу нарисовать со слов.

— Придумали, тоже мне, забаву, — сказала Вера. — На кой черт вам Валька сдалась? Что в ней особенного?

«И эта туда же, — подумал Филя. — Как сговорились против сестры!»

— Я потом и тебя, если хочешь, нарисую, — пообещал он, и Вера расплылась в довольной улыбке. Она аккуратно присела на краешек стула, расправила на коленях юбку и отрепетированным движением завела непослушную прядку за ухо.

— Тогда давай! — сладко пропела она.

— Что давай? — спросил Филя, ожидавший описания.

— Рисуй.

— Кого?

— Меня, дурачок! Не Вальку же?

— Больная, что с нее взять! Шалопутная! — махнул рукой Витя, развернулся к стене и засвистел. Вера сняла с ноги тапок и бросила ему в спину.

— Я тебя!.. — закричал Витя, подскакивая, как ужаленный, но Филя преградил ему путь.

— Ложись обратно. Вера, ты не могла бы все-таки описать Валентину. Пожалуйста!

Вера вздохнула, как будто ее принуждали к тяжкому труду, и принялась бесцветным голосом перечислять приметы сестры. Витя то и дело вклинивался, комментировал каждое

слово, сыпал бранью, а под конец запел до того громким и фальшивым голосом, что даже ничего не смысливший в музыке кот в истерике выбежал во двор.

— Заткнись! — гаркнула Вера, затыкая уши. — Шут гороховый!

— Сама такая, — сказал Витя. — Нечего было в меня тапки кидать. Шла бы ты отсюда, панель зовет.

Вера с шумом втянула воздух и схватила второй тапок. Филя перехватил ее руку, развернул к ней портрет и спросил:

— Похоже?

— Ой, вылитая! — всплеснула руками Вера, и тапок упал на пол. Филя тут же затолкал его ногами под кровать. — Дай я матери покажу!

— Сначала мне! — сказал Витя и посмотрел на портрет. — Кхм, а это кто?

С портрета смотрела невзрачная девушка: мышиные, чуть на выкате глазки нездорово блистали, нос полого расползлся к щекам, брови жидко протянулись к переносице, как будто собирались туда стечь. Подбородок, скошенный и ассиметричный, выдавал склочный характер. По шее шли глубокие складки — не шея, а прямо баянные меха. Картину довершали мясистые уши, пробивавшиеся сквозь прическу.

— Это что такое? — в изумлении повторял Витя, разглядывая рисунок. — Ты кого нарисовал?

Филя достал первый портрет и подал их Вере.

— На каком из них Валентина? — спросил он.

— Вот на этом! — Вера уверенно показала на второй портрет.

— Врешь, стерва! — закричал Витя. — Вальку уродовать вздумала?

— Ничего я не вздумала! Виновата я, что ли, что ты слепой?

И они сцепились. Витя драл Верины волосы, за что был несколько раз укушен. Филя бросился между ними — насилу разнял. Витя потянулся ко второму портрету, намереваясь его разорвать, но не преуспел. Вера выхватила его и подняла над головой, с криком: «Не дам, не дам!»

— Вера, а пригласи сюда матушку! — попросил Филя. Закрадывалось нехорошее подозрение.

Варвара Михайловна явилась незамедлительно, вытирая руки о передник.

— Уделите мне, пожалуйста, пару минут. Мы тут рисуем портрет Валентины. Не могли бы вы описать ее?

— Валу? — растерянно спросила Варвара Михайловна. — А вам зачем?

— На полицию хочет работать, — сказал Витя. — Преступников будет рисовать, а пока тренируется на кошках.

— На кошках? А причем тут тогда Валя?

— Мама, это выражение такое. Темнота!

— Я ведь ничего не знаю, — пробормотала Варвара Михайловна. — Что вы от меня хотите?

— Просто опишите Валентину, — спокойно сказал Филя и поднял над листом карандаш, выражая полную боевую готовность. — Не бойтесь, говорите все, что придет в голову, я пойму.

Варвара Михайловна принялась путано излагать приметы, ее мысль скакала туда-сюда, как мячик по лестнице. То и дело она сбивалась на рассказ о детских шалостях Валентины, причитала, что на фабрике мало платят и дочь работает на износ. Филя кивал головой и

мягко возвращал ее в нужное русло. Через четверть часа портрет был готов.

— Какой вы молодец! — сказала Варвара Михайловна, умиленно разглядывая работу. — Как фотографическая карточка, чудо! Можно я себе оставлю?

— Дай взглянуть, — грубо сказал Витя, подтягивая к себе портрет. — Филя, ты что, сбесился? Ты кого опять нарисовал? Кто тебя в полицию возьмет, если ты рисовать толком не умеешь? А еще картограф!

Девушка на третьем портрете была особенной. В ее чертах читался живой ум, чуть раскосые глаза горели нестерпимым огнем. Волосы, как нимб, обрамляли лицо. Об острые скулы можно было порезаться. Дело портила только заячья губа, безобразно исказившая рот.

— Ха! — сказала Вера, раскладывая на столе листы. — Все разные получились. Да Филя, не судьба. Портреты — не твой жанр.

— Но я ведь нарисовал то, что вы описали! — возразил Филя. — Кто ж виноват, что так вышло?

— Ты хочешь сказать, мы не помним, как она выглядит? — с вызовом спросила Вера.

— Нет, но что-то тут не то.

— Вот почему я был против. Не надо было Вальку рисовать. Она этого не любит. Помните, мы фотографироваться пошли? Ты еще тогда в навозную кучу вляпалась, и мать тебя переодевала? Все получились — загляденье, одна Валька смазалась.

— А можно мне взглянуть на эту карточку? — спросил Филя.

— Не вопрос, — Витя достал с полки тяжелый альбом и бухнул его на стол. Взвилась пыль, и Вера отпрыгнула подальше. Дети на фотокарточке были тощие, но опрятно одетые. Мальчик в матроске и с корабликом в руке, младшая девочка в кружевном платье и чулочках, а вот вторую девочку было не разглядеть — всю ее фигуру закрывало слепое белое пятно.

— Фотограф сказал, дефект пленки. Переснимать не стали, денег не было, — Витя захлопнул альбом и поставил его на место. Филя озадаченно почесал в затылке.

— Как же она выглядит?

— А ты что, еще не видел ее? — поразились Вера.

— Представь себе, нет! Вчера ночью застал ее в кухне, так было темно, и она быстро убежала.

— Она всегда была стеснительной, — сказала Варвара Михайловна. — Пряталась от людей. Только меня не боялась. Бывало, оставлю ее одну, она нашкочит — в опару ручками залезет или ополовник за печку уронит — так просит: только батюшке не говори. Очень боялась порки. Он приходит, она шмыг в сени и там сидит — холод ли, жара ли. Пока он не уйдет спать, не показывалась.

— Валька у нас с причудами, — резюмировал Витя.

— А как же она на фабрике работает? Там же кругом люди.

— Она в особом цеху, в золотошвейном, — сказал Витя. — Ткет полотно для царских нужд. Гобалины там всякие, габардины.

— Гобелены, придурок! — сказала Вера и сплюнула.

— Верочка, ты что творишь? Нельзя плевать! — возмутилась Варвара Михайловна.

— Сил моих больше нет терпеть этого неуча, — и Вера вышла из комнаты, гордо задрав нос. Мать неодобрительно покачала головой, а Витя блаженно развалился на кровати, как будто его только что отпустила зубная боль.

Филя разложил портреты на столе и хорошенько всмотрелся. Сомнений не было, он

изобразил три разных лица, между которыми не наблюдалось даже мимолетного сходства. Больше всего ему нравился Витин вариант: от него веяло ржаным теплом, как от краюхи только что испеченного хлеба. В этом была загадка, и Филя вознамерился ее разгадать. Под желудком защекотало, по ногам побежали мурашки — сегодня же, сегодня же ночью он все выяснит.

Настал вечер. Лягушка, утомленная тренировками, без сил спала на боку, подложив лапки под голову. Белое пузико ходило ходуном. Витя от нечего делать начищал стрелу — она уже и без того сияла зеркальным блеском, ослепнуть можно, а он не унимался, тер и тер шершавой тряпкой, поплеывал и снова тер.

— Представляешь, — вдруг сказал он, с улыбкой глядя на Филю. — Мне тут парни рассказали случай один, умора. Приехали на днях японокитайцы, целая куча, штук сто. Соспользуем.

— Симпозиум, — поправил Филя. Ох, не вовремя Витю повело на разговоры. Филь готовился выскочить в кухню, едва заслышит скрип входной двери, а тут пустая болтовня льется в уши.

— Ты прямо как Верка, — сердито сказал Витя. — Я все правильно сказал. Рассказывать дальше?

И выжидательно посмотрел на Филю.

— Эх, ну, давай.

— Приехали, значит, японокитайцы на... посоветаться хотели с нашими учеными. Дорогу будут строить — от нас к ним. А там же болота и лес, ничего не получится. Все потонет к черту, и дорого. Наши им и говорят: «А давайте мы вас к Дровосеку отвезем». Японокитайцы обеспокоились, мол, зачем, да кто еще это такой. Но поехали.

— Подожди, при чем тут дровосек?

— Ты слушай! Добрались до тайги, вышли из машин. Японокитайцы мерзнут: они в одних тапочках были и носках. Топчутся, ноги поджимают. Где, говорят, этот ваш дровосек? А он как раз из леса выходит. Они увидели его и к машинам — еле оттащили. Понятно, страшно, я б сам испугался.

— А чего пугаться? Их много — он один.

— Хо! Он ведь какой... Здоровенный, раза в три меня выше. Рожа в бороде, в руках топор. Он еще, как назло, дохлого лося за рога к помойной яме волочил, чтоб волкам не достался. Японокитайцы дрожат, в кучу сбились. Наши посмотрели на них и сами к Дровосеку подходят. Так и так, дорогу надо строить. Разрешение даешь? Тот вроде как согласился, но с условием. Там в тайге есть пустошь, на ней деревенька располагалась лет этак пятьдесят назад. Сейчас ничего, одни развалины. Вот через эту пустошь дорога проходить не должна, потому как там водится бескрылая саранча. Японокитайцы расстроились — через пустошь путь получается короче, но Дровосек уперся. Сказал, постройте как попало, я вам все раскурочу.

— И все из-за саранчи? Она же вредитель!

— Это не простая саранча, — покачал головой Витя. — Крупная, с хорошего поросенка. Ладно, хоть крыльев нет, а то бы беда. Одна съест гектар картошки.

— Впервые о такой слышу, — с сомнением сказал Филя, прикидывая размер саранчи. — С поросенка, говоришь? Может, этот дровосек был пьяный?

— Пьяный? Ты шутишь? Ему же нельзя, он мусульманин. Их от водки рвет, хоть ведро подставляй. А саранча не просто там завелась. Был в начале века один известный картограф.

К нему пришли грибники из той деревушки, где сейчас пустошь. Просили нарисовать грибные места. А он вместо этого изобразил их деревню, а в уголке пририсовал саранчу. Мужики утром просыпаются — деревьев нет, все пропали. Пеньков и то не осталось, а по полю саранча скачет, да так, что горшки с полок падают. Они к картографу, а тот засмеялся и сказал, что ничего исправить не может, все так и останется. Деревенька вымерла, а саранча нет. И ничего ее, суку, не берет — ни нож, ни стрела.

— Пулей не пробовали? — усмехнулся Филя.

— А то! Отскакивает пуля. Один раз рикошетом человека убила.

— Но почему дровосек эту тварь защищает? Рубанул бы разок, и дело с концом.

— А вот этого я, друг, не знаю, — Витя дыхнул на стрелу и протер ее рукавом. —

Видишь, что? Ты давай поаккуратней рисуй. Без излишеств.

— Постараюсь, — сказал Филя. — А что японокитайцы?

— Что-что, домой поехали! Будут проект заново пересчитывать, у них смета не сошлась.

И тут дверь тихо скрипнула, как будто ее повело в сторону легким сквозняком.

— Я пойду водички попью, — фальшивым голосом сказал Филя. — А то от этой саранчи у меня засуха.

— Иди! И мне принеси. А я пока дров подброшу, прогорели.

Филя на цыпочках выбрался на кухню. На полу дрожало лунное пятно, похожее на лужу молока. Буквой «Добро» вырисовывалась горка, печь утопала во тьме. Филя что есть мочи напрягал слух, но все было тихо.

— Валентина, это вы? — спросил он.

Ничего. Он задержал дыхание и мысленно попросил сердце биться пореже. И тут робкая тень скользнула по стене, стремясь как можно быстрее пройти мимо него.

— Валентина! — прошептал Филя. — Постойте.

Он кинулся к выключателю, щелкнул, и кухню озарил яркий свет.

— А! — взвизгнул тонкий голосок, и что-то метнулось наискось, за печку. — Выключи, выключи!

Филя рыскал глазами по кухне: где она? Из-за печки с грохотом упал ухват. Он лежал на полу, как указующий знак.

— Не подходи, — взмолилась Валентина. — Что тебе нужно? Прошу, оставь меня в покое.

— Но я только хотел взглянуть на вас! — растерянно сказал Филя. — Что вы от меня прячетесь? Я не кусаюсь.

— Не надо, — рыдала она. — Ну, пожалуйста!

— Я не причиню вам вреда. Видите ли, мы сегодня рисовали ваш портрет. Получилось три разных. Я захотел посмотреть на вас. Можно?

И Филя шагнул к печи.

— Нет. Стой там, где стоишь. Не приближайся, или...

— Или что?

Валентина замолчала. Послышалось шуршание, и вдруг Филе в лицо полетел небольшой сверток. Он поймал его у самого носа, развернул, и оттуда выпал медальон. Внутри был портрет девушки — обычное лицо, в меру круглое, русые жидковатые волосы, серые глаза. До зубовного скрежета скучная внешность — пройдешь мимо, не оглянешься.

— Это я. Папа рисовал. Теперь уйдешь?

— Хорошо, — сказал Филя и положил медальон на лавку. — Идите, я больше не

потревожу вас.

Он выключил свет и отправился в комнату, где Витя, стоя на коленках, раздувал в печи угольки. Филе было стыдно. Он прятал от Вити глаза, и, бесцельно побродив, улегся на свой тюфяк. Сон не шел, нестерпимо чесалось колено. Филя закатал кальсоны и с силой вонзил ногти в кожу. Что-то хрустнуло и отделилось от коленной чашечки. Филя поднес руку к глазам и увидел серебристую чешуйку. «Странно, — подумал он. — Откуда она здесь? На рыбью похожа. Прилипло, должно быть, когда мылся в бане». Он положил чешуйку под подушку с мыслью выкинуть ее поутру, и только тогда подступила дремота. Дом окутала тревожная полутьшина. Лягушка причмокивала во сне. Тикали часики.

Чернокнижник

— Сегодня пойдем на дело! — таинственным шепотом сообщил Витя. Филя невольно вздрогнул: так скоро, а может, лучше потом? Но он знал, что чем дольше откладывает поход за пергаментом, тем сильнее будет становиться тянущая боль в жилах. Вот уже третий день он маялся по ночам, не находил себе места в горячей, как печной камень, кровати. Сначала просто покалывало пальцы, это чувство не было приятным, но казалось знакомым. Оно напомнило Филе те дни, когда к ним с Настенькой ходил домой учитель музыки. У него была своя метода: прежде чем пустить ученика за инструмент, он заставлял прорабатывать пьесу на крышке стола. Если какой-то из пальцев заезывался или путал порядок, он хватал его и с силой вдавливал на место. Живодер, сатрап! А стоило податься вперед, к клавишам, бил между лопаток ребром ладони и кричал: «Не сутулься!» Филе музыкальная премудрость так и не далась, а Настя за год разучила десяток прехорошеньких вальсов и одну мазурку. Потом деньги кончились, и учитель больше не приходил.

Зуд в пальцах усиливался при движении, постепенно растекаясь дальше, переходил в ладонь, предплечье, на второй день охватил шею и грудь. Стало трудно дышать, накатила боль, и вот уже Филя едва сдерживал стоны, боясь разбудить Витю и напугать домочадцев. Вскоре ему начало казаться, что все сосуды в теле вспыхнули беспощадным огнем, их жег изнутри кислый яд. «Карта, — мучительно думал он, кусая губы. — Я должен нарисовать карту. Нечем. Не на чем. О, о!»

И все же ехать и грабить молокан было для него хуже пытки. Никогда раньше ему не приходилось идти на преступление. Омар не в счет: тут он был в своем праве, хоть и произошла досадная ошибка. Но грабеж — это же так подло, так низко! Кто он будет после этого? Уголовник, презренный вор?

Следя за приготовлениями Вити, который преисполнился нездорового энтузиазма и передвигался исключительно прыжками, Филя искал способ, как избежать поездки. Может, Витя справится один? Или попробовать сторговаться: вдруг молокане продадут книгу, и не придется прибегать к насилию? Но в глубине души он знал: только грабеж, по-другому никак.

— Как ты думаешь, брать или не брать лягушку? — спросил Витя.

— А? — рассеянно откликнулся Филя. — Не знаю, а зачем нам она?

— Ты прав, нетренированная еще. Не дай бог убьют, — от слова «бог» Филина сонная артерия вспыхнула, как от огня. Он скривился.

— Да не бойся ты, дурашка, — улыбнулся Витя, не правильно его поняв. — Нас не тронут. Разве чуть-чуть. зуб выбьют или руку высадят, тебе жалко, что ли? Уйдем живыми.

— Я не боюсь. Просто мне... не по себе.

— Заболел?

— Вроде того. Тошно, ломает.

— Э, брат, — досадливо сказал Витя. — У тебя трясуница!

— Чего?

— Погоди, сейчас принесу, — и Витя исчез на кухне. Он вернулся с большой кружкой, полной запаренного овса. — На, жуй.

— Ты уверен, что это поможет? — с сомнением спросил Филя, заглядывая в кружку. На мгновение ему почудилось, что зерна шевелятся и выпрастывают тонкие ножки.

— Уверен! Отец всегда так лечился.

Филя обмер:

— Твой отец картограф?

— Был. Чего ждешь, остывает! — нетерпеливо сказал Витя и тыкнул ему кружкой в нос. Филя неохотно заглотив овсяную распарку и вдумчиво ее прожевал. Жжение ушло, легкие расправились, кости больше не ныли.

— Так-то, — довольный Витя потирал руки, как муха, присевшая на портрет императора. — Если опять заломает, овес за печкой.

— А почему ты мне раньше не говорил, что твой отец картограф? — спросил Филя.

— Потому что это не твое дело! Был, и что с того?

— Вот откуда ты все про картографов знаешь!

— Слушай, умник, а не заткнуться ли тебе? — вдруг вспыхнул Витя. — Я с тобой об отце говорить не собираюсь, понял?

Бес внутри Филя тоже завелся и гнусно пел: «Узнай у него, узнай, спроси! Пусть расскажет».

— Хорошо, отца мы обсуждать не будем. Ты мне просто скажи, от него остался какой-то инструмент?

— Остался! В комодке лежит.

— Я возьму?

— Бери, можешь даже выкинуть. Мне он не нужен.

«Что же произошло? — думал Филя, копаясь в комодке. — Он их бросил? Ушел на промысел и не вернулся? Чего Витя так взбеленился? Спрошу-ка я Веру потихоньку».

— И не думай спрашивать Верку! — крикнул Витя. — Узнаю — убью. Я не шучу. У меня в сапоге заточка. В один прекрасный день возьмешь и не проснешься, картограф.

Комод был полон старых тряпок, рваных женских чулок, заношенных до дыр платков, на дне лежал разрозненный маникюрный набор и вышитая гладью дамская сумочка, знававшая лучшие времена. Именно в ней Филя обнаружил стальной ланцет, на кончике которого было бурое пятно — след запекшейся крови. Витин отец не считал нужным содержать рабочий инструмент в чистоте. Помимо ланцета, Филя достал несколько полуистлевших очиненных гусиных перьев, маленький кусок пергамена, весь исполосованный и мятый, сложенную в три погибели промокашку и задубевшую губку. Он решил взять только ланцет, остальным побрезговал. Мало ли где шлялся этот картограф-отец?

Филя прокипятил ланцет в котелке, протер его чистой тряпочкой и долго любовался, как по резной ручке разбегаются световые блики. Металл поглощал тепло, словно жадный до крови зверек, при этом сам оставался холодным. Филя спрятал ланцет в карман: рано его кормить, он еще не готов к настоящей работе. Витя тем временем починял кольчугу: в последней драке с калмыками повредилась часть звеньев, и образовалась нехорошая дыра, в которую могли преспокойно попасть стрелой дикие молококане. «Не спасет кольчуга, —

подумал Филя. — Если прижмут, ничто не спасет». Настроение час от часу становилось хуже, под коленками зарождалась дрожь.

Часы отсчитали девять ударов. На окна налипла густая ночь.

— Пора! — глухо сказал Витя. Он натянул кольчугу, вскинул на плечо котомку и пошагал к двери. Филя нехотя поплелся за ним, одеваясь на ходу. Они сели в автомобиль и молчали всю дорогу. Напряжение звенело в воздухе, как комариное облако в удушливый июльский день. По обочинам мелькали горбатые елки, на небо выкатилась луна. Минули поле, краем глаза Филя увидел, как по нему прострелил заяц. «Нехорошо. Ой, нехорошо! Повернуть бы назад!» Но Витя упрямо пер навстречу судьбе, втапливая педаль газа до упора. Вдали показалась деревня молокан.

Она была похожа на Малярово: такие же серые дома-завалюшки, однообразные некрашенные заборы, колодцы, занесенные дворы. Поднялся ветер. На крышах неистово завертелись кованые петушки. Витя погасил огни, сбросил скорость и весь сжался над рулем, как будто боялся, что его заметят.

— Вот оно! — наконец сказал он, притормаживая у обочины.

— Что?

— Молельная изба. Нам туда! — с этими словами он вышел из автомобиля. Филя проглотил ком в горле и последовал за ним. Деревня спала, лишь в редких домах мерцали огни, где-то далеко взлаивала собака. Молельный дом был заперт на амбарный замок. Над дверью моталась погасшая лампадка, под ногами хрустел коврик, насквозь пробитый льдом.

— Чего ждешь, отмычку доставай! — нервно зашептал Витя.

Филя полез в карман и достал Верину шпильку. В замке она потерялась, как карандаш в бочке.

— Не выйдет, — сказал он. — Замок слишком большой, тут ключ нужен.

— Ключ ему нужен! Работай, чем есть. Давай же, давай, нас сейчас заметят!

В соседнем доме закопошились. Кто-то хлопнул дверью, выплеснул на улицу помой. Витя и Филя распластались по двери. Они затаили дыхание и вслушивались в ночь — нет, никто не идет, все опять замерло. Витя вытащил из котомки топор и сказал:

— Раз не получается, будем все делать быстро. Я сорву замок, ты внутрь, хватай книги и деру. Пока они расчухаются, мы будем уже далеко.

Филя кивнул и приготовился к броску. Короткий взмах топора, и замок с лязгом упал на коврик. Филя толкнул дверь плечом, влетел внутрь. Где книги? Вслепую он зашарил по стенам, сбивая лавки, ведра. Сзади метался Витя, создавая еще больше шума. Снаружи взбесилась пурга, порог лизали белые языки.

— Свет! Нам нужен свет! — крикнул в панике Филя.

— Тихо ты! — раздался из угла недовольный Витин голос. — Я, кажется, нашел.

И тут вся изба осветилась. В избе был человек. Бородатый, страшный старик. Это он включил свет! Бежать! Наугад Филя рванул к двери, наткнулся на Витю, сбил его, и они кубарем покатались к порогу, крича от испуга. С пыхтеньем они расцепились, и тут дверь захлопнулась от резкого порыва ветра. Сама собой упала ржавая задвижка. Попались, они попались!

Филя вскочил на ноги. За его спиной чертыхался Витя, который больно ушибся, упав на локоть.

— А вот и наши воришки! — произнес старик с ухмылкой. — Куда вы так спешите?

Филя отряхнулся, выпрямил спину и наилюбезнейшим тоном сказал:

— Добрый вечер! Мы, знаете ли, заблудились. Не подскажете, как проехать в Малярово? Старик пожевал бороду:

— Отчего не подсказать, подскажу! Только мы с вами сначала молочка выпьем, куда нам торопиться?

— Нет-нет, спасибо, мы очень спешим, — сказал Филя. — Вы уж нас извините, мы пойдем.

Он дернул задвижку, но она будто приросла. Филя скрипнул зубами. Старик взял с полки глиняный кувшин и налил молока в щербатую кружку.

— Вот, сынок, пей!

Филя послушно выпил. Молоко было приторно сладким, во рту слиплось. Стало трудно дышать, и Филя упал на колени, хватаясь за горло.

— Так-то, так-то, воришки. Что, не по нраву? Будешь знать, как рвать замки.

— Это не я рвал, — прохрипел Филя. — Он!

Витя, уже поднявшийся на ноги, заколотил в дверь:

— Люди, спасите, убивают!

Старик подошел к нему и ласково заглянул в глаза:

— Ты чего так кричишь? Меня, что ли, боишься? Не бойся, не трону. Дружка твоего вона как скрутило. А все почему? Потому что он диаволов приспешник, святого молока на дух не выносит. Видишь, как его крючит? Все зло в нем кипит, выгорает!

— Хватит его мучить! — сказал Витя. — Помогите ему, он же умирает!

Филя уже посинел и дергал ногами в агонии. Старик подошел к нему, достал из кармана ланцет и чиркнул им по запястью. Густая, черная кровь хлынула на пол, и Филя поймал губами первый вдох.

— Бес в нем метался, — пояснил старик, поглаживая бороду. — Места себе не находил. Так бы и умер вместе с ним, а мы выпустили. Лови его теперь по всей избе! Чай, в венике затаился.

Филя с сипом втягивал воздух. Лежа в собственной крови, он наблюдал, как старик достал из угла веник и затряс им над корытом. Что-то мелькнуло между веточек, выпало со звоном и завизжало.

— Вот он бес! — вскричал старик, и принялся давить метавшийся в корыте шарик. Раздался хлопок, запахло серой и порохом, от корыта повалил густой дым.

— Все, прибил! — сказал старик, отирая лоб. — Молодой попался, скорлупа мягкая. А ты чего разлегся? Вставай! Весь пол мне испачкал, вытирай теперь.

Он бросил Филе тряпку, а сам уселся на лавочку и жестом пригласил Витю присоединиться. Витя сел и застыл в немом испуге. Филя осторожно поднялся. Рана на запястье чудесным образом затянулась, напоминая о себе лишь короткой красной царапиной. Он принялся за работу. Кровь с пола не оттиралась. Она насквозь пропитала рассохшееся дерево, забила в поры, затопила щелки. Но Филя тер и тер пол, боясь даже взглянуть на старика.

— И откуда ты такой криворукий только взялся? — сказал старик. — Кто ж так трет? Ручки свои белые жалеешь? Ты посмотри на него!

— Хватит, — Филя бросил тряпку и поднялся. — Сами трите! Хотите наказать — сдайте в полицию. Унижать себя я не позволю.

Старик заохал.

— Вот гордыня-то! Не тебе, картограф, на меня огрызаться. Ты ведь за книгой пришел?

Ну, давай-ка, попляши, потешь старика. Давно ко мне не заглядывали, стосковался весь.

— Оставьте его в покое, — попросил Витя, бледный, как полотно. — Отпустите нас, мы больше не придем.

— Ой ли? — сказал старик. — Придете, и еще не раз. Вашего брата только пусти, каждый день ходить повадится. Книгу вам дать или пинка под зад?

Филя стиснул зубы.

— Только попробуйте!

— Неужели на старика руку поднимаешь? Вот сучонок! Домой ко мне ворвался, бесов напустил, навонял, натоптал, да еще и ударить хочешь? Вот молодежь пошла, никакого удержу не знают!

Ярость взмыла в Филе под самое темя. Он развернулся на каблуках и пошел к двери. Что-то больно ударило его между лопаток, да так, что он опять грохнулся, едва не расцарапав нос. Оглянулся — книга.

— Бери! Ты ведь за этим пришел?

Филя схватил книгу и машинально открыл ее. Все страницы были черные, как будто их натерли ваксой! В изумлении он посмотрел на старика.

— Чего уставился? — грозно сказал старик. — Губить тебя не буду, грех это. Ты сам себе нарисуешь погибель. Бери и проваливай. И ты тоже, расселся тут, понимаешь.

— Так вы же сами позвали, — пролепетал Витя, вставая.

— Ничего не знаю! Убирайтесь и больше не приходите! Пошли, пошли отсюда.

Витя и Филя кинулись к выходу. Задвижка поползла вверх, дверь со скрипом отворилась, и они очутились на улице. Их подхватил снежный вихрь, поволок за собой, прочь от избы, где тотчас же потух огонь, словно никогда и не возгорался. Дверь закрылась, и на нее чудесным образом вернулся замок. Витя и Филя прыгнули в автомобиль и рванули с места, уже не боясь поднять шум.

— Кто это был? — в ужасе спросил Филя, баюкая раненную руку.

— Чернокнижник! — сказал Витя и посмотрел на него страшными глазами. — Как мы живые от него ушли?

Филя погладил след на коже, оставленный ланцетом.

— Он не собирался нас убивать.

На него вдруг снизошло спокойствие. Исчез дробящий душу страх. Так бывает, когда досыта наплачешься и плывешь по мыслям в полузабытьи, только глаза чуть чешутся и надо бы носовой платок.

— Ха, не собирался! Как он тебя полоснул — чик, чик! Я думал — все, конец тебе.

— Я крепкий. Меня просто так не возьмешь.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Чернокнижник любого в бараний рог скрутит. Рассказывали, зашел однажды к такому паренек — вот как мы с тобой — вернулся домой без глаз, в боку дыра огромная, неделю его лихорадка трепала, и все, нет человека.

— Ты сам этого парня видел?

— Да нет же — рассказывали.

— А не бредни ли это, часом?

— Знаешь что, — разозлился Витя. — Раз ты такой смелый, давай повернем назад, попросишь у него еще книжонок. Там их много, целый шкаф! Давай!

— Не кипятись, — сказал Филя, доставая книгу и рассматривая ее в приглушенном свете приборов. — Я тоже сильно испугался. Когда он меня за рукав потянул, думал,

поседею.

— Ты и так седой, — пробурчал Витя.

А Филя упорно продолжал:

— Он с нами играл, как кот с мышью. Сытый такой кот. А что он, в сущности, сделал? Пустил мне кровь? Я привычный, от этого не умру — смотри, даже следа почти не осталось. Ни шрамика, ничего. И главное, книгу дал.

— Не ту! — взвыл Витя. — Ты видел, что он нам подсунул, гад?

— А что? — спросил Филя, разглядывая листы.

— Как ты на этом будешь рисовать? Все черное, как африканская негра! Снегом намалюешь?

— Может, и снегом, — уклончиво сказал Филя. Он нутром чуял, что правильную книгу дал им старик, только как ей воспользоваться, пока не ясно. — А кто такой этот чернокнижник? Священник?

Витя поморщился, как будто отведал лимона.

— Нет, не священник, они беспоповцы. Сами себе поют, сами детей крестят. Он у них за старшего. Чуть что случись — к нему. И святые книги только он открывать может, остальные его слушают и запоминают. Им нельзя писать на бумаге, она вроде как от нечистого. Был тут шорох: приехал к ним губернатор, разбирался, почему они детей в школу не пускают. А они: так, мол, и так, не желаем, чтоб в детишек через учебники змий заселился. Что с ними только не делали — и стращали, и штрафом грозили, и от питанья отрезали — ничего не проняло. Вся деревня безграмотная, юс от ятя не отличат.

Филя молча смотрел в окно. Они въехали в спящее Малярово. Залаяли собаки, одна кинулась под колеса, бешено оскалив белые клыки. Витя притормозил, опустил стекло и выругал ее последними словами.

— А может, потому они и не читают, что все книги у них черные? — задумчиво произнес Филя. — Старик вымарывает их, чтобы никто не смог.

— Ребята говорили, у них мужики с мужиками живут, — вдруг сказал Витя, словно сообщал великую страшную тайну.

— При чем тут это? — раздраженно спросил Филя.

— Уроды они. Огнем их выжечь, вот что!

— Ну-ну.

Подъехали к дому. Стараясь не шуметь, выбрались из автомобиля, проложили новый след по заметенной тропе. Ворота еле открылись, перед ними неожиданно вырос сугроб. От скрипа в сарае всполошились куры, в кухне включился свет. В форточку выглянула Вера.

— Вас где носило? — сердито спросила она. — Мать плачет.

— Чего вдруг? — беспечно откликнулся Витя, обметая штаны щеткой.

— Говорит, на дело ушли, посадят вас.

— И как она прознала? — удивился Витя. — Подслушивала, что ли?

— Да у тебя по роже все видно, — ехидно сказала Вера, закрывая форточку. Витя усмехнулся и затопал ногами по половику.

В комнате собралась духота, и Филю повело, разморило. Он плюхнулся на тюфяк, наскоро стянул одежду и положил добытую книгу под подушку. Но не удержался, вытащил опять и полистал. Обложка была густо залита чернилами, и все же на ней различались слова — «Азбука для самых маленьких». Божественная книга, говорите? Ох, прав был Витя: обманул чернокнижник, всучил ерунду! От огорчения у Фили пропал сон. Книга честь по

чести, рукописная, на пергамене, но ни разу не священная. Жалкий учебник! С другой стороны, в начале же было слово. Пускай это слово было не «бог», а «азбука». И вообще, может, Додон неграмотный? Тогда ему и так сойдет. Где обучаются демоны? Образованные ли они? Филя немного поразмыслил над этим и успокоился. Демон-книгочей — просто нелепо! Ему представилась изба-читальня, полная усердных чертей, согнувшихся над томами Пушкина, Толстого, Достоевского. Ха, бред! В любом случае, второй раз к чернокнижнику Филя ехать не собирался.

Сон снова стал одолевать его, молоканская азбука сама валилась из рук. Ухо приникло к подушке, мысли спутались. Витя еще возился, гремел стаканами, звякал ремнем, а Филя уже погружался в дремоту — вниз, вниз, на дно, под грунт, под глину, в недра земли.

Грифон

— Добыл? — прошептал знакомый голос. — Молодцом! Книга толстая, надолго хватит.

Но ты не торопись, не лютуй, рисуй помаленьку-полегоньку.

— А если я не хочу рисовать? — спросил Филя. — Что тогда?

— Попробуй, узнаешь, — и невидимый собеседник мерзко захихикал.

— Опять запугиваете?

— Предупреждаю. Это не просто дар, это голос крови. Не прольешь на карту — сама выйдет, горлом или как еще. Захлебнешься, не откачают.

Филя подумал о том, что смерть не так страшна, как вечное проклятие души. Демон, казалось, подслушал его мысли.

— Поздно каяться, картограф. Дело сделано, хоть и не без огрехов. Этот чернокнижник, старый козел, опять напакостил. Он беса из тебя изгонял?

Филя кивнул.

— Скверно. На суку висит мочало, начинай сказку с начала. Я тебе на столе семечку оставлю, проглоти ее. Смотри, не разжевывай и водой не запивай.

— Это обязательно? В смысле, я не хочу, чтобы во мне жили бесы.

— Это не бесы! — рявкнул голос. — Дурь какая! Ты что, суеверный?

— Нет, но вы же сами сказали...

— Ничего я не говорил! Как ты будешь работать без семечки?

— В прошлый раз получилось, — едко заметил Филя. — Вы, Додон, прекратите мне лапшу на уши вешать, я не маленький.

— Не маленький он! — проворчал Додон. — В прошлый раз я семечку в булку сунул, еле успел. Ты тогда чуть мне зубами хвост не отхватил. Теперь предлагаю заглотить добровольно. Или прикажешь снова ухищряться? Я ведь могу, ты знаешь.

— Ладно, — вздохнул Филя. — Проглочу, так и быть.

— Только посмей выкинуть! Я тебя!

— Да ну вас к черту! Людям верить надо.

Голос на минуту замолчал, словно подыскивая слова:

— Ты, сынок, не обижайся. Я много вас повидал таких, борзых, резвых. В наш век верить нельзя даже себе, а уж людям тем паче. Заболтался я тут с тобой, пора мне. Будут проблемы, приду, только свистни.

И все затихло. Потекли обычные сны — путанные и скучные, как многодневный дождь. На заре Филя проснулся от холода — пламя в буржуйке осело, пепел успел остыть. На кровати зябко ворочался Витя, пытаясь закопаться под матрас. Окна дышали морозом, на козырьке стеклянно дрожали сосульки. Вставать не хотелось, но надо было затоплять. Филя накинул пальто и пошел на кухню за дровами. Варвара Михайловна неспешно месила тесто, вздымая мучные облака.

Когда Витя проснулся, Филя сидел на корточках у буржуйки и пытался отогреть руки. Огонь ревел, раззявив щербатый рот.

— Что это тут валяется? — спросил Витя, разглядывая семечку на столе. — Крупная!

И потянул ее в рот.

— Стой! — кинулся к нему Филя. — Не смей, она моя.

Витя с досадой положил семечку на место и цокнул языком.

— Вот жмот! Для друга жалко.

— Это не простая семечка, в ней бес. Хочешь — грызи, у тебя поселится.

Витя резко отдернул руку и отер ее о брючину. Он отошел к комоду и оттуда опасно наблюдал, как Филя давится семечкой, пытаясь затолкать ее в желудок посуху.

— Демон прилетал? — спросил Витя.

— Да. Сказал, надо приниматься за дела. Мне опять нужна твоя помощь. Ты говорил, сможешь добыть молоко черной козы.

— К вечеру будет. А что еще надо?

— Лягушачьей слизи.

— Этого добра навалом, — сказал Витя, доставая лягушку из-под одеяла. — У нее линька началась, слизь так и прет. Сейчас наскрести?

— Позже, а то засохнет. И вот еще что, отвези-ка меня опять на Заячий.

С тех пор, как Филя побывал в банях, он стал ежедневно навещать Заячий остров. Он обходил квартал за кварталом, заглядывал окна, расспрашивал дворников, не видал ли кто из них господина краба или девочку в красном пальто. Тем, кто вызывал у него доверие, он показывал карандашный портрет Настеньки, но никто ее не видел.

Про краба все же удалось кое-что разнюхать. Пару месяцев назад он жил на Чайной улице, в доходном доме генерала Клюжева. Консьержка сказала, что краб очень докучал соседям: из его комнат доносился странный шум — вроде как лязг или свист. Впрочем, ни на кого он не нападал, вел себя смирно и прилично, а его девица оставляла консьержке то конфетку, то леденец для внука. Но вот беда — съехал краб, выволок барахло в чемоданах, погрузился на извозчика и был таков. Адреса не оставил и даже не попрощался. Что с него взять — нелюдь!

Филя рвался осмотреть комнаты, которые занимал краб, но в них уже расположились новые жильцы — благородное семейство столоначальника Степняка-Татарского. Пришлось уйти несолоно хлебавши. Теперь, когда от краба осталось только разворошенное гнездо, Филя не знал, куда податься и где искать. Он бесцельно слонялся по улицам, подолгу стоял у подъездов, разглядывая жильцов, автомобили, спешащих прохожих. Становилось понятно, что без карты Настеньку не найти. Но что-то внутри него истошно кричало: «Не смей рисовать карту, не смей!»

«А почему вдруг «не смей»? — возмутился Филя. — Что плохого? Я же не человека убиваю, не маленьких деток лишаю крова. Всего лишь рисунок, пусть кровью. Так моя же кровь, я пострадаю, не кто-то другой! Надо решаться, время дорого. Настенька томится в плену, а я миндальничаю, боюсь, сам не знаю чего. Кто сказал, что я погублю душу? Всевышний ведь видит, что я от отчаяния, от крайней нужды... Он простит. Разве я вор, преступник, убийца? Да и тех прощают, никому в Рай дорога не закрыта. Нарисую, и покаюсь. Или прямо сейчас покаюсь, а уж потом нарисую. В церковь схожу!»

И тут он заметил невдалеке желтый, как лепестки подсолнуха, купол. Зачем откладывать в долгий ящик — вот он храм божий, близкое и верное очищение от скверны, поразившей его грешное тело и душу. Филя решительно зашагал, морщась от летящего в лицо снега. Дверь церкви была приоткрыта, слышалось пение. Филя потянулся, чтобы сотворить крестное знамение, и его пронзила адская боль — заставила каждую малую мышцу вздрогнуть. Он тряхнул кистью и перевел дыхание. Боль стихла. Тогда он попробовал еще

раз, и второй приступ, сильнее, чем первый, накрыл его с головой. Волна прошла по всей грудной клетке, перебрала ребра. Филя согнулся пополам и замычал.

«Да что это такое? — испуганно думал он. — Заболел? Чем? Ревматизма? Паралич разбил?»

К пальцам вновь вернулась чувствительность, хотя локоть тоскливо поднывал и меж ребер было прежнее стеснение. Филя зачерпнул с обочины снега и коснулся им пылающего лба. Хотел положить в рот — побрезговал. «Зайду без креста, — решил он. — Безруких же тоже пускают. Я сегодня инвалид». Он прыгнул на крыльцо и потянул на себя дверь. Запах ладана сшиб его с ног. Из глаз потекли горячие слезы, и Филя разразился громогласным чихом. Стоявшие на молитве бабушки дружно обернулись на него, поп застыл с кадилом в руке, нелепо отворив уста.

— Сатана! — крикнул кто-то.

Что тут началось! Поп выронил кадило и опрометью кинулся к двери. Бабушки сбились в кучу и принялись верещать. Нищий калека, отиравшийся у порога, подполз к Филе и стал сипеть:

— Анчихрист! Анчихрист!

Филя застыл на пороге не жив не мертв. И сюда не пускают! Он попятился назад, запнулся и брякнулся на крыльцо. Поп грозно встал над ним, сведя в единую точку кустистые брови, и пробасил:

— Ты чего здесь забыл?

— Очищения алкаю, — сказал Филя, дивясь слову «алкаю», которое само собой соскочило с языка.

— Алкай где-нибудь в другом месте! У нас здесь храм божий, а не вертеп.

— Не пустите?

— Не пуцу! После тебя отмывать все придется. Давай, убирайся, не пачкай мне порог. А то святой водой плесну, слышишь?

— Хорошо, плесните, я не против — обреченно сказал Филя, подымаясь. — Думаете, я от этого исчезну? Я человек! Обычный человек!

— Анчихрист! — продолжал вопить нищий, подползая поближе. — Бей анчихриста!

— Гундйай, не лезь! — строго сказал поп. — Сам разберусь. Никакой он не антихрист.

— Вот! — воскликнул Филя. — Вот!

Поп устало вздохнул и промолвил:

— Я прошу тебя, не приходи больше. Ты мне всю паству взбаламутил. Думаешь, им до молитвы сейчас? Не место тебе в церкви.

— Но я же просто хотел войти! Нельзя?

— У тебя теперь своя вера. Бог от тебя отвернулся. Служи своему господину, а к нам не лезь. Пропавшая душа!

И поп захлопнул перед его носом дверь. Филя приложил ухо к щели: возбужденный гомон стих, раздалось пение. От обиды он дважды пнул порожек. Как можно? Почему с ним обращаются, как с прокаженным? И в мастерской, и здесь — словно сговорились! Несправедливо, подло, гнусно!

Он еще немного постоял, вслушиваясь в звуки голоса, упрямо и монотонно выводившего «Кирие елейсон», повздыхал и отправился восвояси. Дома его встретил довольный Витя с крынкой молока.

— Вот, смотри, принес! Коза черная, что твой уголь. Сам видел!

— Отлично! — буркнул Филя.

— Ты не рад?

— Отчего же, меня прямо распирает от радости. Не видно?

— Что случилось? — Витя поставил крынку на стол и принялся счищать с лягушки слизь в стоящий рядом коробок.

— Да так... — сказал Филя, раздумывая, стоит ли делиться переживаниями. — Хотел зайти в церковь, не пустили.

— И только-то? — удивился Витя. — Меня уже третий год не пускают. Отец Паисий вытолкал внаше, сказал, я нехристь. Мать, конечно, убивалась, а мне хоть бы хны. Эй, ты чего? Реветь вздумал? Ты что, девка? Давай, соберись. Я тебе слизи наскреб, вот сколько! И молока залейся.

Лягушка проскакала по столу и со значением заглянула Филе в глаза.

— Уйди, — отмахнулся Филя. — Не до тебя сейчас.

— Ква! — откликнулась лягушка то ли с сочувствием, то ли с издевкой.

Грязные ноябрьские сумерки плавно перетекли в ночь. По небу неслись рваные облака, высокая луна выхватывала из темноты дома по одному. Надрывно выл соседский пес. Истаксовавшийся Витя устало сопел в подушку, Вера ругалась с матерью. Прунька, в эту неделю переехавшая к ним домой, проникла в комнату и яростно чесалась в углу, выгрызая из длинной шерсти блох. Филя не заметил, как задремал. В голове образовался приятный туман, веки склеились, тело охватила сладкая нега. Он увидел себя со стороны: лежит, распластался на тюфяке, по подбородку слюна. Филя отвернулся в отвращении и понял, что его тянет к комоду. Там что-то важное! Ах, да, ведь утром, едва проснувшись, он убрал туда черную книгу! Не в силах сопротивляться, он подошел, открыл верхний ящик и взял ее. Она тяжелила руку. Прикоснулся к страницам, будто щенка по животу погладил — мягкая, шевелится, беспомощно дрожит. Боится, что страницу вырву. Ничего, потерпи!

И он со всей силы дернул. Страница выскочила, оставив в переплете несколько кусков. Филя погладил рану, подул на нее и спрятал книгу в комод. Страница была еще жива, но силы покидали ее, она стремительно холодела. Филя одним ловким движением обмазал ее слизью и опустил в крынку с молоком. Теперь в сени, в холодок, иначе прокиснет. Он вышел в коридор и поставил крынку за ларь. Накрыв ветoshью, чтоб не заledenело. Вот теперь можно и на боковую, на заре все будет готово.

Успокоенный, он посмотрел в окно, опущенное снегом. И тут звякнула задвижка, дверь открылась, и вошла Валентина с узелком в руках. Она увидела его и испуганно отпрянула.

— Не бойтесь, я уже уйду, — сообщил Филя миролюбиво.

— А! — ответила она, прячась за дверь. — Только вы неправильно все сделали.

— В смысле?

— Не надо было тряпкой накрывать. Кислород нужен.

Филя сразу понял, что она видела через окно, как он носится по сеним с крышкой.

— Так замерзнет! — возразил он. — В лед превратится.

— И пускай, даже лучше. Вы идите, я раскутаю.

— Благодарю, — сказал Филя. Он внезапно обнаружил, что стоит перед ней в тапочках на босу ногу и кальсонах. Не желая больше смущать Валентину, он юркнул назад, в дом и бесшумно прокрался в комнату.

Утром он обнаружил, что крынка раскололась. Ей-ей, странно — незакрытая стояла! Молоко превратилось в хрусткий сероватый лед, и страница в нем совершенно затерялась.

Филя заботливо сложил все в таз и понес к печи. Когда льдина растаяла, он увидел, что страница побелела. «Вот и славно, — подумал он, стряхивая с нее капли молока. — Теперь что? На березу повесить!»

И он вышел во двор. Ветер гнул чахлую березку к земле, обрывая с нее последние листья. Филя снял с бельевой веревки прищепку, нагнул ветвь потолще и пристегнул к ней пергамен. Тот заполоскался на ветру, и через пару минут был совершенно сухой. Удивительно, но стужей его не пробило, он оставался все таким же живым и теплым, как будто только что был вырван из книги. Филя снял его, любовно разгладил и понес в дом. Готово! Сегодня ночью он отдаст Вите долг. А потом, потом нарисует карту для себя — и все, он с этим завяжет. Никаких клиентов, никаких благодетелей. Он отречется от дурного мастерства, если надо, в монастырь подастся. Главное, спасти Настеньку, а дальше хоть трава не расти!

День он провел в томительном ожидании. Заняться было нечем, на Заячий остров не поехал — какой смысл? Вера и Варвара Михайловна ушли в гости, Витя отправился ловить придорожных толстосумов, в существование которых истово верил. Лягушка осталась дома и в мечтательности жевала червей. Филя поскучал, поводит карандашом по бумаге: получились занятные цветы, букашки, осока. Прунька завозилась, и он выбросил ее в палисадник.

Куда себя деть? Он встал, накинул пальто и пошел прогуляться. Обошел Малярово за час: две улицы, три переулочка, вот и весь поселок! У колонки прелестная девушка набирала воду в бочку. Девушка игриво подмигнула Филе, и тот оробел, заторопился да так, что поскользнулся на наледи, хвостом тянувшейся от колонки. Девушка прыснула в рукав. «Хохотушка чертова! — в раздражении подумал Филя и брыкнул ветхий забор, ограждавший колонку. — Смешно ей! А я чуть не убился». И он побрел дальше. Девушка еще долго глядела ему вслед. Бочка переполнилась, вода окатила юбку и сапожки.

Филя вернулся домой в дурном расположении духа. Он достал из-под Витиной кровати штоф с водкой, налил в стакан и побалакал в нем ланцет, после чего критически осмотрел жидкость и залпом выпил ее. Горло обожгло, в носу засвербело. Это был не первый раз, когда Филя пил водку — первый случился в Гнильцах, когда он после застолья слил остатки из всех стопок себе в чашечку и познакомился с таинственным миром взрослых. Знакомство закончилось отравлением, больницей и после выздоровления поркой и домашним арестом. Филе было десять. Он надолго запомнил этот эпизод. Теперь же ему снова хотелось отравиться, да посильней, только не удалось. Он отчего-то повеселел, размяк, брови разошлись к ушам. Филя сгонял на двор, втащил домой замерзшую Пруньку и несколько раз поцеловал ее в ледяной нос. Неблагодарная псина тяпнула его, вывернулась и убежала на кухню.

Легкий, как воздушный шар, он плыл по комнатам, роняя предметы. Но усталость взяла свое, он разделся и лег спать. И что с того, что на часах еще только шесть? «Человеку свойственно спать», — так, кажется, говорил великий философ-эпикурец Диоген Кессарийский. Или Плутарх... Да, точно, Плутарх! Потому и сплю. Философы велели.

Филя проснулся от жуткого холода, который проник глубоко, превратив мышцы и ребра в желе. «Надо подкинуть дров, — ворочалась сонная мысль у него в голове. — Опять все погасло. Что же этот Витя за огнем не смотрит? Нет сил встать». Он нехотя приоткрыл глаза и в ужасе закричал. Боже, где он?! Жуткая боль пронзила корень языка, и Филя подавился криком. Он дернулся и ощутил под ногами стылый гладкий камень. Вокруг

стонала метель, бились в припадке стаи снежинок, острых, как бритвочки. Филя проснулся на улице... нет, это неверно. Он проснулся на спине грифона, украшавшего набережную Нави.

Грифон был черен, как огарок, и холоден, как Плутон. Его позолоченные крылья растворялись во мраке, чугунные когти впивались в постамент. Филя всадником сидел у него на лопатках — в одних кальсонах, босой, в тонкой ночной рубашке. Вьюга залезла ему за пазуху и принялась щекотать. Пришлось спрыгнуть вниз и забиться грифону под подбородок: там хоть не так дуло.

— Зачем пришел? — раздался недовольный голос. Филя огляделся — ни души. Кто с ним говорит?

— Наверх посмотри.

Филя поднял голову и увидел, что челюсти грифона шевелятся.

— Аааа!!! — закричал Филя, отскакивая подальше. Горгуля, чудище! Ожила, разговаривает, сожрет!

— А вот этого не нужно, — устало сказал Грифон. — Ночь-полночь, а ты орешь, как резаный. Разбудил меня, теперь прыгаешь.

Филя собрал рубашку на груди в кулак, силясь унять сердцебиение. Босые ноги примерзли к граниту, жжение и боль стали почти невыносимыми. Падать нельзя: отморозит бока — смерть. Он оглянулся: по проспекту, шедшему вдоль набережной, проехала одинокая машина. Свет ее фар мигнул вдали и исчез.

— Замерз? — спросил Грифон. — Погоди, подую.

Чудище со свистом втянуло воздух и мощно дохнуло Филе прямо под ноги. Лед разлезся, образовалась лужа. Грифон пыхнул огнем еще раз, и Филе показалось, что вокруг него образовался островок лета. Он закрыл глаза, купаясь в теплом потоке.

— Надолго не хватит, — предупредил Грифон. — Я бы на твоём месте убрался отсюда побыстрее.

— Вы не знаете, как я сюда попал? — спросил Филя, подходя ближе. Страх отпустил его — раз обогрел, значит, пищевого интереса не имеет.

— Как-как? Ногами пришел. Влез на меня и уснул. Я еще подумал, какой странный бомж.

— И долго я спал?

— Полчаса, а то и больше. У меня часов нет, за точность не ручаюсь. Да, ты еще мне за крыло что-то засунул, возьми.

Филя подошел поближе и осторожно ощупал пространство между крыльями. Там лежал завернутый в лист пергамена ланцет.

— Я пришел сюда рисовать! — воскликнул Филя.

— Большой оригинал, — заметил Грифон и взмахнул крыльями, будто очищал их от пыли. — Картограф, да?

— Угадали.

— Не угадал. Вижу. Садись, рисуй, раз явился. Смотри, кровью не заляпай, меня только весной вымоют.

— Я ототру, — пообещал Филя, устраиваясь у Грифона на спине. Он аккуратно разложил пергамен на каменных лопатках, закатал рукав и безжалостно чиркнул ланцетом вдоль синей жилы. Хлынула кровь. Она залила Филины штаны, перепачкала упругие бока Грифона, обагрила золотые крылья. Времени на созерцание не было. Филя погрузил пальцы

в кровь и принялся за дело. Черточки, линии, завитушки испещрили пергамен, въедаясь в глубокие слои, словно ядерный уксус. Филя смежил веки — так рисовать было легче и сподручнее, ничего не отвлекало. Он выбросил из головы все заботы, его не волновало, как он будет останавливать кровь и сможет ли вернуться домой до того, как окоченеет насмерть. Теперь был только Грифон и карта, создающаяся на его спине.

— Ты долго еще там будешь возиться? — капризно сказал Грифон. — Я устал. Слезай!

— Потерпите, я заканчиваю. Будете отвлекать, дольше получится.

— Ну-ну... А меня нарисуешь?

— Не могу. На карте не должно быть ничего лишнего.

— Это я-то лишний? — обиделся Грифон. — Проваливай! Кыш, кыш с меня!

Молокосос!

Филя слез. Карта была готова. И вдруг что-то мощное, как таран, сбило его с ног, и он кубарем покатился вниз, к ледяной воде Нави. Проклятый Грифон задел его крылом! Филя поднялся, весь в крови и снегу. Он ни на секунду не выпустил из рук карту, прижимал ее к животу.

— Ой! — вскрикнул Грифон. — Я нечаянно. Я не хотел. Ты живой?

— Живой, — мрачно сказал Филя. — Кровь сами вытрите. Я пошел.

— Постой, так нельзя! Тут детки ходят. Увидят, что я скажу?

— Ничего! Вы памятник, вам молчать положено.

— Ну, пожалуйста, — заныл Грифон. — Хоть с лопаток сотри, чешется.

— Ваши проблемы! — Филя был непреклонен. — Счастливо оставаться!

И он пошел вдоль проспекта, всматриваясь в темноту в надежде поймать такси. Дорога была пустынна. Кровь продолжала сочиться из раны. Филя, стянул с себя рубашку и намотал ее на руку. Повязка получилось нетугой, но это было лучше, чем ничего. Он не хотел испугать водителя, к которому сядет в автомобиль.

В спину Филе стрельнул поток света, он обернулся и что есть сил замахал здоровой рукой. Небольшой горбатый автомобиль с оленем на капоте резко затормозил. Филя кинулся к нему.

— Помогите! Довезите домой!

— Садись, — сказал знакомый голос.

Это был Степка — тот самый парень из бань. Рыжая шевелюра, конопатое лицо, только в нем больше не было мальчишеской придурковатости. Он выглядел старше и солидней, как будто за неделю прибавил в возрасте. Одетый в китель с погонями, он лениво барабанил пальцами по рулю, ожидая, когда неловкий Филя с отмерзшими ногами закарабкается внутрь.

— Ограбили? — спросил Степка небрежным тоном.

— Нет... то есть да, да! — спохватился Филя, понимая, что про Грифона и карту надо молчать. А то отвезет не в Малярово, а в сумасшедший дом. — Я возвращался из бань, кошелек был толстый, торчал из кармана. Они подкрались и хрясь по голове! Я упал. Проснулся — ни пальто, ни денег.

— Они и руку тебе повредили? — чуть насмешливо сказал Степка, косясь на него. Автомобиль резко рванул вперед, высвечивая занесенный снегом путь.

— Руку я в бане повредил. Осколком. Уронил бокал, пока собирал в совок, порезался. Замотать было нечем — вот, решил, сорочкой. А ты какими судьбами здесь?

Степка поправил воротничок, словно тот его душил.

— Еду от дамы сердца. Еще вопросы будут?

— Нет, что ты, что ты! Я не хотел... я просто...

— Вот и славно. Куда тебя везти?

— В Малярово.

— Гм, далече. Ладно, довезу, раз такое дело. Заявление писать будешь?

Филя, который возился со своей повязкой, не сразу понял, о чем речь.

— Нет, не буду. Зачем? Все равно не найдут.

— Вот из-за таких, как ты, они и ходят табунами. Лень, что ли, заявить? Оборзевших ищут на совесть.

— Знаю-знаю, как они ищут. У меня сестру украли — до сих пор ни слуху ни духу. Хоть сто заявлений напиши, толку нет.

Степка что-то буркнул и несколько остекленело уставился на дорогу. Филя прекратил ежиться, ступни потихоньку оттаивали, взрываясь изнутри игольчатой болью. Кровь остановилась, повязка больше не мокла. Карту он спрятал в трусы, и она мешала ему сидеть.

— Ты ведь не лакей? — спросил Филя осторожно.

— Догадливый! — усмехнулся Степка, закладывая крутой вираж в стиле Вити.

— А кто тогда? Полицейский?

— Почти.

— Следователь?

— Вроде того, на полставки. А так занимаюсь частным сыском. Нуждаешься в моих услугах?

— Пожалуй, да! — воскликнул обрадованный Филя. — Дорого берешь?

— Дорого, — улыбнулся Степка. — Я ж профессионал, не хухры-мухры. Сестру, говоришь, украли? Видел негодяя?

— Да! Видел! Ты мне, наверное, не поверишь...

— Отчего же, и в наши дни сестер крадут. Недавно был случай в соседнем околотке — украли старуху восьмидесяти лет. Кому сдалась, не ясно. Все богатство — штук сто погребальных чепчиков.

Филя прикусил губу. То, что воруют и младенцев, и старух, его вовсе не удивляло. Такой уж век, народ распустился, грабит, тащит, расхищает. Но как сказать про краба? Очень, очень не хочется в сумасшедший дом.

— Понимаешь, — сказал Филя, понижая голос, хотя никто не мог их подслушать. — Я видел похитителя, и он немного необычный.

Степка презрительно фыркнул. И тут до Фили дошло, что ничем он его не удивит. Степка был в банях, он видел весь этот сброд — кентавров, змеев, омаров. Спрута видел. Это уж совсем ни в какие ворота! Степка поймет!

— Короче, он краб, — выпалил Филя. — Самый натуральный, с клешнями. Мы выходили из вокзала, он нас подловил, схватил сестру и уехал.

— Краб, говоришь? — задумчиво сказал Степка, притормозил и вынул записную книжку. — Он один был?

— Нет, с ассистенткой. Маша, или Катя. Да, кажется, Катя! Красивая такая.

— Постой, запишу. Давай все с начала по порядку.

И Филя в который раз рассказал историю похищения Настеньки. Степка одной рукой рулил, другой делал пометки в книжке, прижав ее краем ладони к колену. Когда они приехали в Малярово, Луна нагло повисла в небе, голая, без облаков.

— Если узнаю что-то, приеду, — сказал Степка, высаживая Филю. — Отбегался твой краб, изловим злодея.

— Спасибо, что подвез. Заплатить только не могу, нечем.

— Обижаешь. Кто обирает попавших в беду, будет гореть в Аду. Хороший стишок, правда?

— Очень, — соврал Филя и пожал Степке руку. Машина унеслась прочь.

Дверь была по-ночному заперта, и Филя проник в дом через окно на веранде. Как он выбрался? Как попал на набережную? Может, черт вытянул его через печную трубу и пронес над городом? Этакую скачку он бы запомнил. Нет, здесь что-то другое. Филя лег на тюфяк, вынул из трусов карту и положил ее на стол. Сон сразу же одолел его.

— Дурак ты, Филя, как есть дурак, — сказал Додон, подлетая к уху.

— Чего вы обзываетесь?

— А то! Кому было сказано не раздеваться на ночь? Отморозил культяпки?

— Отморозил, — вздохнул Филя.

— Вот! Тебе наука.

— Вы не знаете, как я там очутился?

Додон кашлянул.

— Тайна сия велика есть.

— Не мутите воду. Как? И зачем? И дома рисовать можно.

— Не все и не всегда. Есть карты, которые надо рисовать особо. Бывалые картографы это знают. Одни под крышу, к голубям забиваются, другие в дыры лезут. Тебе вот к Грифону подсуропило попасть.

— И все же, как я там очутился? Сам дошел?

Додон помялся и неохотно сказал:

— Я перенес. Не маши руками, Витязя разбудишь!

— Могли бы захватить мне пальто. Трудно было?

— Трудно! Я тебе не ломовая лошадь. Велел в пальто спать, а ты разганишался. Карту нарисовал?

— Как видите, — Филя кивнул в сторону стола.

— Вот и славно. Можешь отдыхать, картограф. Я приду на той неделе, в субботу.

— Зачем?

— Как зачем? Опять рисовать будем. Готовь пергамен.

И Додон исчез. Филя угнездил голову на подушке, а стопами уперся в остывающую буржуйку. Как бы сделать так, чтобы Додон пореже прилетал? Икону обносить вокруг дома? Чесноком натираться? Еще одна ночь на спине у Грифона, и он покойник.

Утром он не смог подняться с постели. Хребет ломило, ухало в висках, откуда-то изнутри шел нестерпимый жар.

— Что с тобой? — в тревоге спросил Витя, когда услышал сдавленный стон.

— Не знаю, — слабо сказал Филя, натягивая одеяло до ушей. — Плохо что-то. Я сейчас встану.

— Лежи, лежи! — Витя пощупал ему лоб. — У тебя опять трясунница!

— Не трясунница. Простудился я, продуло.

— Эх, говорил я, надо форточку на ночь закрывать, а ты: задохнемся, задохнемся. Болей теперь! Постой, не вертись. Сейчас принесу тебе пойло.

Витя ушел в кухню, и через несколько минут вернулся оттуда с кружкой, полной

коричневой жидкости.

— Ивовый отвар, — сказал он. — Пей весь, только не торопись, кипяток.

— А аспирин нет? — спросил Филя, чуть поднимаясь на локтях.

— Вредно лекарствами травиться. Окопытишься! Давай, пей, а то остынет.

Пока Филя давился ивовым отваром, Витя подошел к столу, схватил карту и начал рассматривать.

— Это она? — хрипло спросил Витя.

— Вроде. Не знаю. Тебе видней.

— А почему она такая?

— Какая?

Витя протянул ему пергамен. Это была бы великолепная карта, если бы не одно «но». Когда Филя упал с Грифона, не успевший засохнуть рисунок смазался о его живот. Теперь можно было различить только отдельные черты той местности, которую она изображала: поле, небольшой домик на высоких сваях, реку, петлями изрезавшую местность, и огромного крота в нижнем правом углу — единственный кусок, избежавший смазывания. Одни линии были видны четче, другие слабее, но весь лист был бурым, неопрятным. Филя выругался. Из рта полезли слова, за которые ему матушка в свое время мыла ему язык хозяйственным мылом. Халтура!

— Я перерисую, — пообещал он и попытался сесть, но от слабости завалился на бок.

— Не получится, — грустно сказал Витя. — Карта — это судьба. Стало быть, она такая.

Он свернул пергамен в трубочку и спрятал его в ножку кровати, которая оказалась полой внутри.

— Прости, — прошептал Филя.

Тюфяк покорно принял его, мысли разбрелись, в горле елозил горький комок.

«Может, у меня и правда трясуница, — уныло думал он. — Заслужил, ничего не скажешь. Хорош картограф! Не уберег рисунка. А все эта бестия, Грифон. Так бы и разбил ему морду, уроду каменному!»

Но на гнев сил не было, он устало водил глазами по потолку и наконец уснул. Через пять дней лихорадка прошла, и он уже мог без посторонней помощи совершать паломничества к ночному горшку. Рана на руке затянулась, но остался длинный рваный шрам, изредка сочившийся сукровицей. На душе было тяжело. И не только испорченная карта была тому причиной. Когда Варвара Михайловна растирала его водкой, он снял кальсоны и увидел, что ноги покрылись странной серебристой коростой.

— Что это у вас? — спросила Варвара Михайловна. — Никак, чешуя?

Испуганный Филя молча обзревал свои конечности, как будто они заявили о независимости и попросились выйти из состава тела.

— Не знаю, — проблеял он и попытался отколупнуть одну чешуйку. С тихим шелестом она отделилась от кожи и упала на простыню.

— Я вам скребок принесу, — сказала Варвара Михайловна и ушла.

Весь вечер он драл чешую с ног. Она летела во все стороны, но ее будто и не становилось меньше. Кончилось тем, что он до крови расцарапался, а все же не преуспел. Витя, вертевшийся рядом, подлил масла в огонь:

— Будет тебе! Ну чешуя, ну и что? У меня цыпки были, во втором классе или в третьем. Глянь-ка, у тебя еще одна седая прядка.

— Где? — крикнул Филя, хлопнув себя по голове в нелепой попытке удержать на ней

цвет.

— У другого виска вылезла. Теперь эта, как ее, симметрия!

Филя с трудом поднялся и подошел к зеркалу. Так и есть — седеет! Скоро совсем превратится в старика — косматого, белого, как лунь. И чешуя, чешуя! Кто он? Тоже чудовище? Чего ждать — клешней, хвоста, копыт? Филя взвыл и ничком бросился на тюфяк.

— Не убивайся, девки и такого тебя полюбят. Седина в бороду — бес в ребро.

— Заткнись! — проревел Филя.

— Да, про беса — это я загнул. Ладно, отдыхай. Завтра придумаем, как отскоблить твою чешую. А волосы покрасишь. Я тебе басмы куплю. Будешь натуральный brunet.

Филя застонал. Когда же кончатся его беды, когда?

Благодетель

— Никак не пойму, что ты нарисовал, — сказал Витя, в задумчивости разглядывая карту. — Где это место? Куда ехать?

— Надо было мелким планом взять, — усмехнулся Филя.

— Да, надо было! Ты, брат, оплошал.

— Меня вообще-то никто не спрашивал. Оно само себя рисовало.

— Это как? — спросил Витя. — Взяло и проступило? А руку тогда зачем резал?

— Да нет, ты не понял. Я почти вслепую все делал. Как бы в бреду. А потом... упал и смазал.

Филя решил не рассказывать Вите про Грифона. «Это личное, — думал он. — Какой художник пускает к себе в мастерскую?» Хотя в глубине души он боялся, что Витя его осудит. Ведь обидел же он Грифона? Обидел! Кто виноват, что карта испортилась? Он, Филя!

— У кого бы узнать, где это, — бормотал Витя. — Кустики вроде знакомые, а дома такого не знаю. И что за гадина в углу?

— Не гадина, а крот. По-моему, вышло мило. Смотри, как я шерстку прорисовал. А рыльце, усики?

— Я и говорю — гадина. Смотреть тошно, — Витя зспрятал карту под матрас и принялся одеваться. — Пойду огурцов ловить.

— Кого? — моргнул глазом Филя и живо представил, как Витя прыгает по сугробам, гоняясь за шустрим огурцом, ловит его в варежку. Мышкует.

— Огурцы, — разулыбался Витя. — Это типа тебя. На остановке автобус ждут, мерзнут, я подъезжаю, дверь настезь, «здрассьте, до Студеной синюха, до Галантерейки целковик». Вот и огурцы!

Филя помолчал и как бы невзначай спросил:

— А зачем тебе карта? Что ты ищешь?

Витя обернулся:

— Много будешь знать, скоро состаришься. Ты свое дело сделал, дальше мое.

И ушел. Какие могут быть проблемы у витязей, размышлял Филя. Что ему надобно? Жену-богатырку? Молодильных яблочек ведро? Сразиться со Змеем? Если последнее, то можно не трудиться: он и так тут по ночам вертится, Додоном зовут. Сшибить бы ему голову, и дело с концом. Филя почувствовал, что закипает. Этот Додон! Эта тварь летучая!

А все дело было в том, что кровь в нем заговорила. Чуть опускались сумерки, она томила, звала, гудела, как пчелы в улье. Простыни промокали до нитки, Варвара Михайловна замучилась менять. Он пытался спать днем, чтобы случайно не нарисовать карту. Черную

книгу подальше запер, не рвал больше из нее страниц. Но зов становился невыносимым, и он побежал к соседям за молоком. Филя решил, что в этот раз он нарисует карту для себя и завяжет с адским ремеслом навеки.

В два пополудни в комнату зашла Вера. В последнее время она была сама не своя: хмурая, тусклая, волосы повисли мочалкой, губы разошлись, как корыто. Под глазами залегла синева. Духи и те подшевели. Уж не кремом ли от комаров она себя мажет, думал Филя, внюхиваясь. Может, к ней пристаёт в банях гигантский кровосос?

— Послушай, Филя, — сказала Вера устало. — За тобой должок, помнишь?

— Помню, — ответил Филя и напрягся. Что она от него потребует? Деньги были на исходе, впору побираться, да кто ему подаст? Отощать бы еще на полпуда, тогда можно сесть на паперти и шапочку прихожанам протягивать.

— Пора платить.

— У меня нечем, — пробормотал Филя, краснея. — Подожди немного, я найду работу, и тогда отдам.

— Деньгами ты со мной не расплатишься. У тебя столько нет, и никогда не будет. Хотя ты же картограф, чем черт не шутит? Только мне дожидаться, пока ты разживешься деньгами, не с руки. Мне сейчас надо.

— Чего же ты тогда хочешь?

Он спросил, а сам уже понял. Карту, карту ей! Будь она неладна! Ведь ничем не помогла, вместо краба омара подсунула. А он плати!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вера посмотрела на него печально и сказала:

— Я тебя продала, Филенька. Дешево продала.

— Кому?.. То есть как продала?

— А вот так. Он приедет сегодня, работать на него будешь.

— Кто приедет?

— Благодетель, — тихо сказала Вера.

Филя захлопал глазами, как соенок, которого только что вытащили из дупла. Он продан в рабство? Это как? Отменили же его, государя императора батюшка отменил! Он свободный человек, а не горшок какой-нибудь, чтоб им торговали в базарный день.

— Но я не хочу на него работать!

— Тогда он тебя убьет, — просто сказала Вера, подымаясь. — Сочувствую.

— Постой, зачем ты так со мною? За что?

На лицо Веры напозла кислая мина.

— Разве это за что-то делают? Я ему была должна, а ты — мне, вот и в расчете.

— Три шкуры дерешь, Вера, — сказал Филя, стискивая зубы. — Знал бы, не связался.

— Жизнь — стерва, Филенька. Жизнь — стерва.

На секунду ему показалось, что она плачет, но когда Вера повернулась к нему лицом, он понял, что это были не слезы, а странная пелена, которая окутывала роговицу, как кисея.

— Да ты... да ты что-то колешь? — в ужасе спросил Филя.

— Только посмей пикнуть! Пожалеешь, что на свет родился. Ничего я не колю, просто не выпалась, ясно? Разговор окончен, жди гостей.

Разъяренная, Вера умчалась. Филя в растерянности метался по комнате. Что ему делать? Вера попала в западню, как вызволить? Что он знает о наркотиках? Ровным счетом ничего. Читал в книжках, отец рассказывал, как его товарищ от них сгинул. А чем лечить —

никто не сказал. Может, запереть Веру в чулане на пару дней, чтобы отошла, поговорить, вдруг одумается? Или в госпиталь сдать? В наши дни все исцеляют — и свинку, и чуму. И заразы мужские. Медицина далеко шагнула, прогресс и прочая, прочая.

Ничего хорошего в голову не приходило. Вера пропадет ни за грош, если он не придет к ней на помощь. С Витей говорить бесполезно: он горячий, наломает дров, и русалка ухнет в пучину разврата окончательно — из одной только вредности, в пику ему. Матери тоже открываться не след: она вся изведется, а толку не будет. Оставался один человек — Валентина. Филя пока не понимал, чем она может помочь, но голос внутри него говорил: верно, верно! И он принялся ждать полуночи.

Филя не заметил, как задремал. В буржуйке тихо догорали сосновые полешки, с кухни струился ватрушечный аромат. И вдруг что-то заметалось, захлопали окна, двери, под ноги прыснул сквозняк. Филя недоуменно приоткрыл один глаз и увидел, что поодаль стоит здоровенный детина в узком, не по размеру костюме. Детина вертел головой, на бычьей шее шевелился белесый пух.

— Вы кто? — спросил Филя. — Что вы здесь делаете?

Детина недоверчиво покосился на него и выпятил толстые губы уточкой.

— У! — сказал он.

— Что «у»?

— Ууурод! — вымолвил детина.

Филя подпрыгнул.

— Знаете что, гражданин, выметайтесь! Я вас сюда не приглашал. Оскорблять будете других, понятно?

И тут Филя осознал, что совершил страшную ошибку. Детина растопырил ручищи так, что пиджак на нем хрустнул, и угрожающе двинулся вперед. Филя прыгнул со стула с резвостью лани и забился за шкаф.

— Последний раз предупреждаю — уходите, — крикнул он оттуда, нащупывая старую швабру. Если что, можно ткнуть в живот. Хотя для такого Голиафа больше подошло бы средних размеров бревно.

Пока детина медленно огибал стол, в комнату вошли еще двое — суетливое тощее существо на птичьих ножках и дородный господин в дорогом шерстяном пальто цвета топленого молока.

— Барин, обождите, — трещало существо. — Вот я пыль отряхну. Боже, какой свинарник! Не замажьте ручку-с! Пожалуйте сюда.

Барин лениво обозревал комнату, как будто она успела ему наскучить. Существо полой пиджака протирало Витин стул.

— Прошу, садитесь. Знал бы куда едем, шелку бы захватил или креслице. Нечто на таких стульях сидят?!

— Сидят, еще как сидят! — мрачно заявил Филя из-за шкафа.

— А, вот он где спрятался! — обрадованно вскричало существо. — Васька, тащи его сюда.

Детина кивнул и потянулся за шкаф, крепко ухватывая Филю за грудки.

— Отпусти, сволочь! — закричал Филя, брыкаясь. — Я полицию вызову. Убери руки, ты, верзила!

Но сладить с Васькой он не смог. Тот легко приподнял его над землей, потрянул и швырнул на пол, как окурочок. Филя больно ударился подбородком о ножку кровати, во рту

собралась кровь. «Ах, черти! Ну, погодите!» И он смачно сплюнул прямо на белые ботинки барина. Пока Васька соображал, что к чему, Филя отполз подальше, повалил стул и спрятался за ним. Если к нему полезут, получат удар всеми четырьмя подкованными ножками.

Существо всплеснуло руками и с рыданьем принялось оттирать ботинки манжетой. Дитина Васька застыл в ожидании команды.

— Василий, стой, где стоишь. Сима, довольно, — неожиданно грозно сказал барин. Голос его был тонок, говорил он медленно, с растяжкой. — Устроили тут цирк! Кто вам сказал, что его можно бить?

— Так он же... мы же, — залепетал Сима, нехотя вставая. Кровь запачкала шнурки и не хотела оттираться.

— Картограф, подними стул и садись, они тебя больше не тронут.

Филя встал.

— Кто вы?

— А то не знаешь? — усмехнулся барин. — Благодетель. Вера говорила?

Филя кивнул. Быстро же свершилась сделка.

— Будем знакомы. Сила Силыч, если хочешь, зови меня просто Сила. А это Василий Пустобрюх и Онисим Чуня, мои помощники.

— Ассистенты? — зачем-то спросил Филя, морщась.

— Можно и так сказать, — уклончиво сказал Сила Силыч. — Садись, не стесняйся. Поговорить надо. Василий, встань к двери и никого не пускай.

Дитина отлип от печки и застыл навтыжку у входа. Пиджак продолжал трещать.

— А ты, стало быть, Филимон? Славно, славно, — ласково протянул Сила Силыч. — Уж как ты мне нужен, касатик, ты и представить себе не можешь.

— Зачем я вам? — угрюмо спросил Филя.

— А ты догадайся! — подмигнул Сила Силыч.

— Карты я вам рисовать не буду, — храбро заявил Филя. — Хоть режьте!

— Василий, убеди!

Дитина сорвался с места и в два счета оказался рядом с Филей, выкрутив ему руку.

— Уй! Больно, больно! — закричал тот. Сустав хрустнул, готовясь сдаться на милость победителя.

— Идиот, руки не трожь! Куда он мне без рук? В ухо приложи, или еще куда. Всему-то вас учить надо.

Дитина отпустил Филину руку и съездил ему пару раз по хребту, а потом для убедительности дал подзатыльника. Филя проглотил злые слова и сказал:

— Неубедительно, Сила Силыч. Можете убить меня, пальцем для вас не пошевелю.

— Сима, неси утюжок.

Онисим метнулся в коридор и принес огромную сумку, из которой ожесточенно принялся выкидывать на ковер пыточный арсенал — устрашающего вида щипцы, прутья, гвозди, намордник вроде собачьего, целую связку кляпов и наконец крепкий утюг старинного фасона. Филя сжался от страха, наблюдая, как помощник сыпет угольки в поддон утюга и раздувает их во всю силу легких.

— Дедушкин агрегат, — заметил Сила Силыч. — Традиции и все такое. Сима, приступай!

И Онисим задрал на Филе рубашку до лопаток.

— Стойте! Я буду на вас работать.

— Умница моя, — сказал Сила Силыч, исходя отеческой улыбкой. — Сима, убери утюг, не нервируй мальчика. Василий, пусти его, а то кости переломашь, доктора не соберут.

Детина разжал лапищи, и Филя закашлялся, разбрызгивая кровавую слюну. Утюг остывал у ножки стула и зловеще шипел.

— На чем, бишь, мы остановились? — спросил Сила Силыч, возводя очи горе. — Кажется, о работе. Так вот, у меня, друг мой сердечный, есть одно маленькое дело. Я держу магазинчик на Сенной. Сувениры, редкости всякие, чай, табакерки. Ну, и карты.

Филя покосился на него. Такой матерый бандит, и всего лишь владелец магазинчика? Ха!

— Не веришь мне? Зря. Договорим и, пожалуй, прогуляемся. Посмотришь мои владения.

— Я по-прежнему не понимаю, зачем вам я? Торгуйте себе на здоровье, кто мешает?

— Ай-ай-ай, грубый мальчик! Тебя приличиям не учили? Василий, научи!

Раз — удар в живот. Два — под дых, благо не со всей силы. Мир померк у него перед глазами.

— Василий, Василий, что же ты делаешь? Не видишь, мальчик задохся. Погладь его по голове.

И к вящему Филиному удивлению Василий нежно погладил его по затылку. Это было мучительней всего. Филя скрипнул зубами и пообещал себе, что если он и нарисует когда-нибудь смерть, то для них, для этой мерзкой троицы. Он выдумает что-нибудь особо зверское, по сравнению с чем Ад покажется заграничным курортом. Доиграетесь, гады, допляшетесь!

— Устал меня слушать? Потерпи, сынок. Я, грешник, все о лавчонке своей толкую. Кто о чем, а вшивый о бане, хе-хе. Был у меня на довольствии старикан, рисовал карты. Да вот беда — помер. Выпил бражки в светлый праздник Христов и окарачунился. Прибрал Господь. Я туда — сюда, нигде нет картографов. Говорят, вымерли, перевелись! И вдруг Верочка, душа моя, говорит: а у нас дома один такой проживает. Возьмешь? Как не взять! Я руки в ноги и к тебе.

— Это вы Веру на наркотики посадили? — спросил Филя.

Сила Силыч посмотрел на него с укоризной.

— Как тебе не стыдно, Филя, возводить на меня, уважаемого человека, члена городского совета, напраслину? Разве я растлитель? Нет, Верочка сама сбилась с пути.

— А вы ее подтолкнули!

— Василий, объясни доходчиво, что я тут не при чем.

Вытерпев удары, Филя с ненавистью уставился на Силу Силыча. «Тебе конец, сволочь! Тебе и твоим выродкам!»

— Как нам дело повести? — продолжал ворковать Сила Силыч, умильно улыбаясь. — Переезжай, что ли, ко мне жить. Не хочешь? Что так? У меня палаты белокаменные, яства сахарные. Лебеди в пруду. Ни в чем отказа знать не будешь.

— Не поеду, — упрямо сказал Филя. — Здесь рисовать буду.

— Ладно, ладно. Ты видишь — я ни в чем тебе не противоречу. Где хочешь, там и живи. А Сима тогда здесь, на коврике разместится, у печки. Правда, Сима? Тебе ведь здесь хорошо будет?

Тот кивнул.

— Вот мы все и уладили! А теперь поехали лавчонку мою смотреть. Подымайся! Василий, подай ему пальто.

Онисим и Василий кинулись одевать Филю, как будто тот был манекен. Не успел он и пикнуть, как его поволокли во двор, выпихнули на улицу и усадили в машину. Василий сел за руль, Онисим сзади, вцепившись Филе в штанину.

— Убери руки, не сбегу! — сказал Филя.

— Правильно, Сима, дай мальчику посидеть спокойно. Василий, трогай!

И они понеслись вперед. Навстречу им попался Витин автомобиль. «Заметил ли он меня? — думал Филя в тоске. — А если и да, что с того? Погонится и застрелит? Да его самого быстрее убьют. Вот если б приехал Ромэн Аристархович! Надо непременно рассказать ему!»

Эта мысль его успокоила. Он обратится в полицию и сдаст головорезов властям. Он не будет терпеть бесчинства! А не помогут, тогда сам. Грех на душу возьмет, обагрится — так все одно пропадать.

— У меня на втором этаже студио, — сказал Сила Силыч, хитро поглядывая на Филю через плечо. — Там все, что нужно для работы. Светло, как в храме, окна до потолка. Это тебе! Будешь полновластный хозяин. Хочешь — рисуй, не хочешь — польку пляши.

«Ага, польку, — подумал Филя. — Танец утюга».

— Куда мне столько света? Я в темноте рисую.

— Так затворись! Я тебе римскую штору повешу. Или ты портьеры предпочитаешь?

— Вешайте, что хотите, хоть рогожу. Мне дела нет.

— Опять дерзишь? — устало протянул Сила Силыч. — Сима, сыграй-ка нам на баяне.

И Онисим достал из сапога финку. Филя в ужасе уставился на сверкающее лезвие и вдруг заметил в отблеске чей-то лукавый глаз.

«Додон! — взмолился мысленно Филя. — Спаси меня! Убивают»

«Так уж и убивают, — проворчал голос у него в голове. — Празднуешь труса, дружок? Потерпишь, не облезешь».

«Облезу! — сказал Филя. — Сейчас, как пить дать, снимут шкуру. Я пропал, погиб! Ты прости меня, что я ругался, не слушался. Помоги, умоляю. Мне сестру вызволять».

«Чуть что, о сестре вспоминаешь. Давно пора ее разыскать. Нарисовал бы карту, и дело в шляпе».

Финка прорезала ткань пальто и вонзилась Филе в бок.

— Аааа!!! — закричал он, вывертываясь.

— Не шуми, — строго сказал Сила Силыч, чуть поворачивая к нему толстый нос. Онисим мерзко захихикал.

— Барин, сыграть вам еще на баяне? Желаете?

— Обожди. Пусть отдышится. Мы же не злодеи, верно?

«Вы суки, — в ярости думал Филя. — Убью, убью, убью!»

«Серьезно? — поинтересовался Додон. — Намерение такое имеешь?»

«Да, тысячу раз да! Скажи, как?»

«А не пожалеешь?»

«Нет, говори».

И Додон рассказал.

Они выехали из Малярово и направились к центру Бурга. Онисим отстранился от Фили и сосредоточенно стирал с финки кровь батистовым платком. Сила Силыч расселся кулем и,

казалось, задремал. Праздный люд разгуливал по улицам, сновали прыткие одноколки, из-за поворота высунулся перепуганный трамвай и зачастил, застрекотал по рельсам. Солнце завалилось за дома и оттуда подкрашивало сумеречное небо. Загорались фонари. Филя сидел, сжав челюсти до кислого вкуса. Кровь залила живот, сырая рубашка прилипла к телу. Промокнуть бы хоть ладонью, но он не решался, сидел смиренно.

— А вот и моя лавчонка! — неожиданно сказал Сила Силыч бодрым голосом, как будто и не засыпал.

Автомобиль остановился у невысокого здания, пышно украшенного каменными завитками, бутонами и получеловеческими мордашками. Витрина была завалена всякой всячиной — глобусами, наборами монет, подзорными трубами, старинными елочными игрушками, книгами, кусочками ткани, мишурой, бутылками с цветными жидкостями и с кораблями. Филя на минуту забылся и застыл у витрины, как школяр. Рассмотреть бы диковины, покрутить в руках, сдуть пыль с пузатого глобуса!

— Понравилось? — спросил Сила Силыч, похлопывая Филю по плечу. — Хочешь, подзорную трубу подарю?

— Не надо мне ничего, — и Филя сбросил его руку.

Сила Силыч кивнул Онисиму, тот резво подскочил и дал Филе тычка. Хорошо хоть не в ребра.

Внутри лавки царил полумрак, пахло благовониями. Старые половицы сыто скрипели при каждом шаге. «До чего похоже на обиталище Гомункула, — подумал Филя, озираясь». Не хватало только лягушек в гробу и камина. Возле полок ошивался молодчик: вытирал пыль со всех мест, до которых мог дотянуться. За прилавком сидел насупленный старик в степенной жилетке, к которой было прикреплено пенсне в золотистой оправе. Сила Силыч по-хозяйски огладил китайскую вазу, украшавшую прилавок, и спросил:

— Как идут дела, Фомич? Есть покупатели?

Фомич едва поднял на него глаза и весьма нелюбезным тоном ответил:

— А чаво им не быть? Ходюць...

— Много ли?

— Довольно, — старик растопырил руки. — Вот столько и еще полстолько.

— Могучий ты математик, Фомич, — ласково сказал Сила Силыч. — Георгина Пална не заглядывала?

— Не было таких.

— И ладно. А я тебе знаешь кого привез? Сима, тащи его сюда. Погляди, картограф! — Сила Силыч схватил Филю за ушибленный подбородок и повертел, как породистого пса на выставке.

— Больно молод, — пробурчал Фомич.

— Ничего, состарится, глазом моргнуть не успеешь. Сединка-то уж завелась, дело за малым. Заказов на карты не поступало?

— Захаживали, антересовались.

— Вот! Пора брать быка за рога, а то конкуренты не дремлют. Мы пока пойдем наверх.

Фомич кивнул и опять нахохлился на стуле.

Филя, Сила Силыч и Онисим поднялись по шаткой лестнице на второй этаж и вошли в небольшое помещение, где, видно, не убирались с тех самых пор, как преставился прежний картограф. На всем лежала печать запустения. Тисненные обои пожелтели и местами скатались. Одно окно щеголяло трещиной, между рам раскинулось кладбище мух. У стены

стоял небольшой изящный столик, заваленный обрезками пергамента и потерявшими былую упругость свитками. Чернильница, вся в пятнах, уныло торчала вверх дном.

— Владей! — гордо сказал Сила Силыч. — Все тебе.

Филя молчал.

— Грязновато? Приберемся, за нами не заржавеет. Что, будешь обживатьсья? Сима, не мешай человеку, пойдем отсюда.

И они ушли, оставив Филю в одиночестве. Сначала он не желал ни к чему прикасаться, ярость душила его, а потом любопытство пересилило, и он подсел к столу. Сотни, тысячи карт лежали на нем! Одни были нарисованы на жалких обрывках, в спешке, кое-как, другие казались краденными музейными экспонатами. Тут были карты островов, неизвестных Филе стран, городов. Особенно его поразила одна морская карта, где жирно отчерченный полуостров дробился на конце на тысячи мелких островков. В углу для убедительности картограф изобразил змея. Он кольцами вскидывал костлявое тело из воды. Хозяин пучины, бог заливов.

«Многих пожрал, — заметил Додон, подлетая к самому уху. — И лодками не брезгует. Его гарпуном, а он ржет».

«Кто ржет?» — спросил Филя.

«Змей, — разъяснил Додон. — Третий год терроризирует аборигенов. Чем только ни травили — стойкий. Один капитан, отпетая душа, решил его протаранить. Корабль в щепки, команда на дно, Змею закуска».

«А ты и радуешься?»

«Рано ты грубить мне начал. Я думал, обождешь денек-другой. А кто кричал «Додон, помоги»? Не ты ли?»

«Ну, я, — нехотя согласился Филя. — Забылся, прошу прощенья».

Он поднимал один за другим пергамента и рассматривал их в тусклом свете настольной лампы. Прежний картограф был истинный мастер. Он умел закруглить линию, тонко выписать мельчайшую деталь. Имелась у него и склонность к украшательству — почти на всех картах были изображены диковинные звери и птицы в причудливых, почти немислимых позах. Павлин-акробат укладывал голову под крыло, мышь танцевала на скрещенных лапках, минотавр сидел в позе мыслителя, аспид, завязанный узлом, полз в нижний правый угол. На одном из листов Филя разглядел подпись — А.Н. Мясоедов. Фамилия показалась ему знакомой. Только где же он ее встречал? Впрочем, не важно.

Под ворохом карт обнаружился скальпель. Ладный, блестящий, он покотился к Филиной руке и уткнулся в палец. Кровь повисла на его кончике и исчезла. Филя отдернул руку и прижал ее к груди.

«Он питается кровью!»

«Верно, — заметил Додон. — Изголодался. Ты его сразу много не пои, а то захлебнется».

«Не буду», — пообещал Филя и убрал скальпель в карман.

Снизу послышался шум. В дверях нарисовался Онисим. В руках у него вибрировал жестяной поднос, нагруженный чашками, сахарницей и самоваром-эгоистом.

— Извольте, — любезно сказал Онисим, ставя поднос на расчищенный край стола. Несколько карт с шелестом слетело на пол, их поволок сквозняк.

Следом за Онисимом в комнату вошел Сила Силыч.

— Хлеб и соль, так сказать, — Сила Силыч потер руки. Онисим притащил ему из

соседней комнаты кресло и теперь вился за спинкой, как будто восходящий поток воздуха поднимал его тщедушное тело в небеса.

Филя демонстративно отодвинул чашку. Сила Силыч утомленно вздохнул.

— Сима, напои ребенка.

Онисим подскочил к Филе и ловко связал ему руки за спиной — тот и дернуться не успел. После этого он зажал ему нос и влил чай прямо в глотку. Филя поперхнулся.

— Сухарик! — приказал Сила Силыч, и Онисим принялся утрамбовывать Филку сухарями. Крошки сыпались во все стороны, под рубашку, на брюки, залетели за шиворот. Кончилось тем, что Филю вырвало. Сила Силыч наморщился, и Онисим бросился вон. Вернулся с тряпкой и ведром.

— Заодно и приберешься. А мы пока поедем назад.

Сила Силыч собственноручно отвязал Филю, который надсадно кашлял, как чахоточный.

— Будешь паинькой? — спросил он. Филя кивнул.

Они спустились вниз и сызнова загрузились в автомобиль. Дитина Василий то и делал дергал ручку коробки передач, украшенную цветком, замурованным в прозрачный пластик.

— Трогай! — приказал Сила Силыч. — Отвезем добра молодца домой, пока он не спекся.

Филя без сил лежал на заднем сидении.

«Теперь? — думал он. — Нет, подожду чуток. Подъедем поближе и тогда».

От соседнего села Малярово отделял жидковатый лесок. Филя приподнялся на локте и в напряжении следил, когда же он покажется. Дома, церквушка, пустырь. Ага, близко! Он вынул скальпель и закрыл глаза. Рисовать смерть можно только на собственной коже. Царапиной не отделаться. Шрам должен лечь глубоко — так, чтобы кости помнили. И Филя резко вогнал лезвие в мякоть ноги.

Сдержать крик не удалось. Сила Силыч обернулся и недовольно спросил:

— Что случилось?

— Язык прикусил, — проямлил Филя. Мертвенная бледность залила лицо. Он тянул лезвие вниз. Штанина мгновенно промокла.

— Не ври. Василий, останови машину.

У него оставались считанные мгновения. Резко вправо, потом вниз и закорючка. Василий хлопнул дверцей. Он рядом! Закрыть глаза, терпеть. Но крик неудержимо рвался наружу.

— Заткни ему пасть! — вопил Сила Силыч, топая ногами.

Василий принялся вминать мясистую ладонь в Филин раззявленный рот. И вдруг воздух напрягся, раздался электрический треск. Сила Силыч открыл дверь, пьяно качнулся, ухнул на землю и покатился по насыпи вниз. Василий отпустил Филю и побежал вдогонку. Бездыханное тело благодетеля угодило в ручей, проломив хрупкую корку льда. Филя дрожал. Нога горела, как в огне, он задыхался. Он ничего не слышал, кроме собственного сердца. «Убил? — неслось в его мозгу. — Неужели убил?»

Внизу волком взвыл Василий.

«Надо бежать, пока он не опомнился».

Филя вывалился из автомобиля и пополз вперед. Нога не слушалась. Руки были по локоть в крови и соскальзывали с гладких боков машины. Сделав отчаянный рывок, он закарабкался на переднее сидение. Никогда в жизни ему не приходилось водить машину.

Что нажимать? Вроде бы надо дергать ручку. Филя дернул, но ничего не произошло. «Думай, думай! Вытащить ключ? Нет, Витя делал это в последнюю очередь. Что тогда?» Случайно он коснулся педали, и понял, что именно тут собака зарыта. Но машина почему-то не сдвинулась с места. Он молотил здоровой ногой по всем педалям — без толку.

«Сломался, чертов драндулет!»

Он попытался выбраться наружу, и тут сильные руки сграбастали его и потянули вверх. Василий преодолел свое горе и готовился к расправе. Филя не помнил, от какого удара он потерял сознание. Кажется, не от первого и не от второго. Он уже крочился на земле, как гусеница на сковородке, когда в отдалении зазвучала сирена. Все ближе и ближе. Крутится синий огонек. Зачем он мелькает? Слишком громко! О, мои уши.

И перед спасительным забвеньем его пронзила мысль: «Я убил человека!» Ничего не вернуть назад. Клеймо на лбу, вечная кара. Имя мое — убийца, дело мое — кровь.

Атлант

Филя очнулся в больнице на жесткой койке. Каждое движение давалось ему с трудом. Ногу дырявила пульсирующая боль, повязка туго сдавила ляжку. Правый глаз не открывался. Филя потянулся рукой и вместо бумажного тонкого века обнаружил горячую мясную выпуклость, из щели в которой сочилась жидкость. «Глаз вытекает?» — испугался Филя. Он попытался встать. Кто-то подскочил к нему и вдавил обратно в подушку.

— Лежи, малец, не вставай. Я сестричку позову.

— Мой глаз! — простонал Филя. — Он цел?

— Подбили его, а так на месте. Приложишь пяточок — синяк и рассосется.

Филя попытался повернуться на бок. Левая рука не слушалась, и он уцепился за край кровати правой. Подтянулся, преодолевая ломоту и резь в каждой клетке. Теперь он мог видеть палату. Казенные стены — от пола до выключателя синие, сверху беленые. Шесть коек, включая Филину, одна свободна, на остальных доходяги. На тумбочках — утиральники, дешевые леденцы, сморщенные апельсины, градусники, грязные стаканы. По полу резво бежит таракан, наострив длинные усы. Таракан залез под тапочек и был немедленно раздавлен.

Филя силился вспомнить, как он сюда попал. Произошло что-то ужасное, чудовищное, непоправимое. Что? Замелькали картинки: детина Василий бьет его сапогом в живот, скальпель поворачивается в кармане и вонзается в мышцу. Бегут люди, слышен выстрел в воздух. Детина Василий орет белугой. «Убивец! — кричит он. — Убивец!»

«Кто убивец, я? Нет, это он о другом. Может, о себе или о Силе Силыче. Я не мог. Я не делал этого. Жучков и тех не обижал, мухи лишний раз не прихлопнул. Это не обо мне. Или?..»

Слезы хлынули у него из глаз, раздался звук, похожий на вой. «Убил, убил, убил! Человека убил! Живого человека! В камеру меня, в клетку, как зверя. Покарайте, добейте. Не хочу жить!»

— Вот, сестра, смотрите, мечется. Я его уложил, а он на бок и ножкой изволит брыкать. Может, примотать бечевой, чтоб не утек?

— Отойдите, не мешайте работать. Филимон, вы меня слышите? Откройте пошире рот. Язык не вываливать. Умница, вот так. Теперь глотайте. Нет, не плевать! Через минуту уснете, а пока лежите смирно, не пугайте соседей. Что вы, в самом деле, разбуянились?

— Сестра! — взмолился Филя. — Меня предать суду. По всей строгости этого... как его.

Мысли перепуталась, слюна загустела.

— У вас бред, горячка. Отлежитесь, и все пройдет. Последите за ним, ладно? Как проснется, сразу сообщите дежурному.

«Арестуйте меня! Я убийца, я изверг! Я картограф».

И он погрузился во тьму.

Филя просыпался трижды, и каждый раз к нему подбегали и лили в рот горькую микстуру, от которой тяжелела голова. «Лауданум. Не хочу. Не надо. Оставьте меня в покое. Выплюнуть». Но за ним следили, и микстура проникала внутрь прежде, чем он успевал сообразить и приготовиться к плеву. Сколько дней он провел без сознания, Филя не знал. По его ощущениям, прошла неделя. Раны болели все меньше, отеки сошли.

Однажды он очнулся, и яркий солнечный свет заставил его сощуриться. Доходяги располагались на своих кроватях: у кого нога на цепочке подвешена, кто носит руку в лубке. Через дверь было видно, как по коридору фланируют медсестры в застиранных халатах и бродят больные, заложив за спину руки, как арестанты. От их шарканья и вздохов Филе сделалось нехорошо.

— Очухался? — спросил смутно знакомый голос.

У изножья Филиной кровати сидел бодрый мужик солдаткой выправки. Крепкий, плечистый — натуральный Атлант, только морда не греческая, а отечественная, посконная. Балалайки ему не хватает и пары девок, которые будут выводить залиvistое «иии!»

Филя кивнул. Разговаривать не хотелось.

— Очень уж ты орал. Чуть в себя придешь, сразу в бой. Доктора испужал, он к нам больше не заходит.

— Я не хотел, — откликнулся Филя тусклым голосом.

— Да, — протянул Атлант. — Припекло тебя, паря. Что произошло-то, а? Бандюки подловили?

— Нет.

«Я не обязан ничего ему рассказывать. Только полиции. А ему — нет!»

— Не хочешь говорить, и ладно. У нас тут все молчальники. Вон, посмотри, лежит Пашка. Того родной брат топориком тюкнул по темечку и шуйцу оттяпал. Тоже, как и ты, молчит. Уже месяц тут. Как его выпишешь? Чисто трава... А рядом — это Евграф Матвейч, уважаемый человек, профессор кислых щей. Напился водки, сердечный, черта увидел и головой вниз с третьего этажа. Застрял в березе. Пожарников вызвали, насилиу сняли. С тех пор за ногу привязанный, чтобы не убежал. А то его опять полетать тянет.

Филя взглянул на профессора. Брюхоногое создание, заросшее пегим волосом, глаза запали, один птичий нос торчит — восковой, заостренный, как у покойника. Профессор пребывал в прострации. Изредка он вздрагивал и принимался бормотать: «Мера оценки ползучести металла... релаксация напряжений... безразмерный модуль упругости». Молчальник Пашка реагировал на это своеобразно: принимался истошно верещать и молотить культей, а то и вовсе мочился в постель. К нему никто не подходил, и он кое-как успокаивался, раскачиваясь из стороны в сторону, как младенец в люльке.

— Вишь, треплет его. Доктор говорит: пора в желтый дом переводить. Культя зажила, чего держать? Койко-место только зря занимает. Жалко, замордуют его там. К себе, что ли, взять, на огородные работы? Нет, это я так, шую. Куда он мне? У меня мал мала меньше, лишний рот ни к чему. Валяюсь тут, а жена пашет.

— Ноябрь, какая пахота? — буркнул Филя.

— Декабрь, — поправил Атлант. — Ты шуток совсем не понимаешь, паря? Работает она. Прачкой. А лучше б пахала. Знаешь, какие у нее раньше руки были? Что твой бархат — гладкие, мягкие. Так вот возьму, бывало, ее за пальчики и все перецелую. А сейчас лапища больше, чем у меня. Бородавки вылезли. Погладит — как наждаком провезет. Да...

Филя со злости цыкнул. Жалеть жену Атланта он не собирался. После того, что с ним произошло, ничья доля не казалась ему горше. Прачка — достойная профессия, не хуже других. Он бы с радостью поменялся с ней местами. Пусть она режет себя скальпелем, отбивается от благодетелей, живет на тюфяке в одной комнате с сумасшедшим, который учит лягушек ловить послушливые стрелы.

— Глянь, Петрович с процедур приполз, — радостно сказал Атлант, привставая. — Петрович, иди к нам, поболтаем. Нет, лег. Видно, опять вкатили пять уколов кряду. Он на заводе по пьянке в чан с кислотой упал. За трос зацепился, только руку и разъело. А не зацепился бы, смерть тогда, к жене бы на лопате принесли. Мясо сползло, голые кости остались. В лубок закатали, чтоб не смотрел. Да и смотреть-то там нечего, чернота, гнилушки. Он ведь, как опшарился, к докторам не пошел, уколов боялся. Прямиком к бабке, а та ему возьми и привяжи дохлого голубя. Мол, будет он на небеса отлетать и боль с собой унесет. Три дня проходил с голубем, пока его сестра сюда не привезла. Думали, гангрена, хотели резать. Присмотрелись — вроде ничего. Почистили, промыли, уколы назначили. Всю задницу истыкали, сесть не может. Гляди, корячится. Петрович, дай помогу. Чего машешь? Ладно, сам, так сам.

Атлант покачал головой и с улыбкой посмотрел на Филю.

— А вы как здесь очутились? — спросил Филя.

— По глупости. Поссорился с женой, решил выпить. Пошел к куме, в шинок, а там все наши. Собрание, этакая асснабля. Накатили по рюмашке, и понеслось. Пока деньги в кошеле были — гудел, а закончились, вышел на дорогу и подловил мужика. Снял с него зипун, шапку котиковую и опять в кабак. А тот мужик оказался не промах. Позвал братьев, и так они меня отметелили, что думал, помру. Принесли сюда. Доктор говорит: «Повезло тебе, дурень, только два ребра сломали!» Хотели череп проломить, да он у меня крепкий.

И Атлант продемонстрировал это, уверенно стукнув себя кулаком по тылке. Потом расстегнул рубашку и показал Филе перевязанные тугим бинтом ребра. Над левой грудью у Атланта была наковка в форме коронованной буквы «Мыслете».

— Что это значит? — спросил Филя, указывая на букву.

Атлант покосился на него и сказал:

— Ничего. Буква и буква. Тебе зачем знать?

— Так, — равнодушно откликнулся Филя и повернул голову к стене. Беседа его больше не занимала. Сначала ему показалось, что треп Атланта отвлекает от тяжелых мыслей, но они бурунами проходили по душе и наконец захватили ее всю. Не хотелось не то что разговаривать — дышать. Прыгнуть бы вниз, как тот полоумный алкоголик-профессор. И дай бог, чтобы не подвернулась никакая береза.

От слова «бог» язык вывернуло на бок, и Филя вскрикнул.

— Ты чего, ты чего? — заволновался Атлант. — Сестра! У него опять приступ.

— Я в порядке! — просипел Филя. — Не надо звать сестру.

— Да? — недоверчиво спросил Атлант. — А чего кричишь?

— Язык прикусил.

— Ты с языком поосторожней. Он пригодится. Глянь-ка, доктор к тебе идет. Если

понадоблюсь, зови, — и Атлант улегся на соседнюю койку.

Доктор — тучный господин лет пятидесяти в пенсне — хозяйской походкой зашел в палату.

— Как ваши дела? — спросил он, оглядывая пациентов. — Жалобы есть?

— Никак нет! — сказал за всех Атлант. Доктор поморщился, и пенсне впилося ему в щеку. Он подошел к Филе и сел рядом с ним на стул.

— Вижу, вы пришли в себя, — доктор взял его за руку и пощупал пульс. — Славно, славно. А что у нас с ногой?

— Чешется, — признался Филя.

Доктор размотал повязку и причмокнул.

— Да, неважно. Будем прижигать.

Филя скосил глаза. Рана получилась длинная, но аккуратная. Зигзаг он выполнил хорошо, а вот завитушку не доделал. Она получилась косая, не той формы, что описал Додон. Кровь вокруг раны тщательно смыли и наложили шов. Только вот странность — от краев концентрическими кругами расходилась свежая чешуя — молодая, неокостенелая, чуть розоватая. Филя попытался прикрыть рану рукой, но доктор ему этого не позволил.

— Так-с, что это у нас здесьросло? — он ковырнул чешуйку, но та не поддалась. Филю посетило неприятное чувство, которое бывает, когда неловко тянешь вверх ногтевую пластину. — Давно?

— Не знаю. Я спал.

Доктор неодобрительно покачал головой и постановил:

— Псориаз. Будем лечить! Направим вас на грязи. И укольчики придется поделать. Вы как, согласные?

— А может, мы это срежем? — предложил Филя. — Я готов на операцию.

— Только хуже сделаем, заново выскочит. Оно же вам не мешает? Неэстетично, я понимаю. В бани общественные не ходишь. Вы любитель?

Филя отрицательно покачал головой.

— Доктор, это заразно?

— Нет, но гигиена требуется строгая, иначе затвердеет и будет причинять... скажем, дискомфорт. Я вам выпишу мазь, будете обрабатывать трижды в день. По весне обычно случаются обострения, не пугайтесь, если разойдется до голени. К лету уменьшится, а то и вовсе сойдет на нет.

Филя слушал доктора вполуха. Черт с ними, с банями, пляжами и прочими местами общественного обнажения. Он готов вытерпеть тысячи уколов, он занырнет в сернистую грязь, если так будет нужно, он вымажется дегтем, мазью Вишневского, чем угодно — все это ерунда. Важнее другое, он должен знать наверняка.

— Скажите, а может быть так, что эта сыпь появилась из-за того, что я сделал что-то очень плохое?

— Вы, батенька, суеверны, как старушка, — усмехнулся доктор. — Согрешил, и выросли на тмени рожки. Нет, псориаз не только у грешников бывает. Приезжал ко мне лет пять назад монашек из Екатерининской обители, божий одуванчик. Поклоны земные бил так, что на лбу шишка образовалась. Бледный, тощий, на просвет прозрачный. А как задрал рясу, медсестры в обморок попадали. Пятна, корки, наросты. Коралловый риф, а не человек, рыбок только не хватает.

— И что, выходили? — с интересом спросил Атлант.

Доктор пожал плечами:

— Прописали примочки, уехал. Больше не появлялся, стало быть, здоров.

«Все понятно с этой медициной, — подумал Филя. — Я у них тоже в здоровых числюсь, а то, что избит и порезан, так это для красоты».

— Ладно, поправляйтесь, голубчики, — сказал доктор, вставая. — Выпишем вас завтра всех, поедете домой, к семьям.

— Что, и профессора домой? — забеспокоился Атлант.

— Перенаправим в другое учреждение долечиваться.

— В дурку?

Доктор ничего не ответил и поспешно вышел в коридор, где его подхватила и уволокла стайка щебечущих медсестер.

— Видишь, — сказал Атлант Филе. — Недолго осталось мучиться. Завтра — фью!

— Я хоть сегодня готов, — откликнулся Филя. Он встал, и с непривычки его повело вбок — едва успел уцепиться за спинку кровати. Не хватало только брякнуться на пол! Первые шаги дались с трудом, каждый отзывался в раненой ноге нестерпимой болью. Филя, сжав зубы, упорно полз в туалет, который находился в самом конце длинного коридора. Он заперся в кабинке, заткнул полу больничного халата за пояс и принялся драть чешуйки. Было очень больно, образовалась кровавая ссадина. А всего-то три чешуйки отковырнул! Какой, к черту, псориаз?! Нет, он превращается в чудовище.

Не в силах больше мучить себя, Филя отступился. Он решил, что по возвращении домой срежет чешуйки ножом. Отмывая халат от свежей крови, он бросил взгляд в зеркало, и его пригвоздило к месту. Полголовы покрывала седина. Она высеребрила не отдельные волосы, а целые пучки, и теперь Филя стал в яблочко, как кобыла. В сердцах он плюнул в раковину и вышел вон.

В палате его ждал сюрприз. На стульчике сидел, почитывая газетку, Авдеев.

— А, вот и ты! Привет-привет, недужный. Как оно? Подлатали?

— Здравствуйте, Ромэн Аристархович, — холодно сказал Филя. Ему не хотелось его видеть. Обещал найти сестру — и что? Слова, слова, слова.

Авдеев ничуть не обиделся и потянул Филю в коридор.

— Пойдем, поболтаем. Там под фикусом чудесные креслица.

Они сели. В окне угасал второй день декабря. Дорожки возле больницы замело, елки едва высывались из сугробов.

— Чего вам нужно? — спросил Филя, делая вид, что его интересует пейзаж.

— Приехал тебя проведать. Не рад?

— Отчего? Рад.

— Ладно, не ври. Думаешь, я бросил искать твою сестру? Не поверишь, у меня есть новости.

Филя вскочил.

— Вы нашли ее?! Где?

— Сядь, — сказал Авдеев. — Не тревожь ногу. Не нашли, но есть зацепки.

Филя повалился в кресло.

— Не раскисай раньше времени, зацепки хорошие. Во-первых и в главных, у нас есть свидетель увоза. Некая гражданка Зара Чурон видела, как пожилой мужчина у вокзала затащил девочку в автомобиль. Уже полдела.

— Замечательно! Это очень мне помогло!

— Да погоди ты, еще не все! Мы проверили несколько адресов, и выяснилось, что твой краб был завсегдатаем в покерном клубе «Девятка». Ходил туда, как к себе домой. Спускал тысячи. Наконец проигрался в пух и прах, можно сказать, без штанов ушел. Поехал имение продавать. Оно недалеко от Гнильцов находилось, поэтому вы и встретились в поезде. Вернулся — и опять в клуб. Но не везло катастрофически, ободрали его, как липку. Все деньги просадил и еще должен остался. Сумма астрономическая, даже называть не буду. Теперь скрывается, долги платить не хочет. Кредиторы рвут и мечут. Он самому Саньку Московскому должен, а это тот еще бандит. Лучше в долговую яму, чем к нему в застенки. Заховался краб основательно.

— Ромэн Аристархович, а моя сестра-то зачем ему понадобилась?

Авдеев отвел взгляд.

— Да кто ж его знает?

— Говорите! Говорите же!!

— Послушай, Филя. Ты только не пугайся. Я уверен, Настенька жива и все с ней в порядке. А слухи... ты же взрослый мальчик, чтобы верить во всякую чушь.

— Какие слухи? Вы о чем?

— Половой из «Девятки» сказал, что в последний раз краб приходил не один. С ним был ребенок. Только девочка или мальчик, неизвестно — шел укутанный с ног до головы. Эта «Девятка» — вертеп разврата самый натуральный. Были тревожные сигналы, что там торгуют людьми. Живой товар-с.

— Торгуют людьми?! — вскричал Филя. — А вы что? Надо ехать, арестовать...

— Кого? — горько спросил Авдеев. — Где доказательства? К нам, знаешь ли, каждый день поступают такие сигнальчики. Там пьяный отец продал ребятенка трубочисту, тут кухарка сменяла младенца на поросю. Приезжаешь, разбираешься, пыль до небес поднимаешь, а это голые наветы, бабий треп. Мы уже послали в «Девятку» своего человека, пускай караулит.

— Но где же Настенька? Ее больше не видели?

— Половой говорит, краб увел ее в зимний сад, а оттуда вернулся с какой-то коробкой. Коробку рассмотреть не удалось, она была скатеркой покрыта. Зимний сад обыскали, никаких следов Настеньки не обнаружено. Нашли только кусок панциря и все. Ты в порядке? Водички не принести?

— Нет, — прошептал Филя. Он ее продал! Кому? Что теперь делать?

Филя зарыдал — в голос. Молоденькая медсестра кинулась к нему, но Авдеев отогнал ее жестом. Слезы катились, не даря успокоения. На что он надеялся, дурак? Кому и когда помогла полиция? Пустомели, бумагомаратели! Бюрократы чертовы! Они не только краба, свой пупок не найдут! Ни дна им, ни крыши!

— Не плачь, — сказал Авдеев смущенно. — Мы ищем. У всех дворников ее портрет. И на краба наводку дали. Проверяем злчные места. С игорных клубов глаз не спускаем. Награду объявили за его поимку. Кто-нибудь да притащит проходимца.

— Бесполезно! Я уже один раз ездил в бани: ловил краба, поймал омара. Людям без разницы, что за зверь, главное с клешнями.

— Возможно, — промолвил Авдеев. — Но не сидеть же без дела.

— А вам бы все кипешить.

— Филя, я должен тебе сказать, что ты стал очень дерзким, не по годам. Я пытаюсь помочь, а ты!.. Какая муха тебя укусила?

— Не муха, Ромэн Аристархович, а змея. И прекрупная.

— Змея? — рассмеялся Авдеев. — Где ты змею нашел? И вообще, расскажи-ка, что с тобой приключилось. Как ты в переплет-то такой попал? Я ведь только вчера узнал, что ты в больнице. И то случайно. Сидел в курилке, а там стряпчие болтают, мол, так и так, новостей по делу Чарткова никаких.

Филя поднял на Авдеева красные глаза:

— Что, уже и дело завели?

— Конечно! Ты сам посуди. Едет патруль из Малярова, кругом ни души, Божья благодать. Синички летают. А тут на обочине здоровый мужик мальчишку дубасит. Снег на метр кругом в крови. Под горкой труп.

— Обычная картина.

— Обычной некуда. Так что произошло?

Филя задумался. Что рассказать Ромэну Аристарховичу? Дескать, я картограф, меня пленил благодетель, пытал, морил, и я его уколошил. Превысил предел допустимой самообороны. Нет, в таком виде это блюдо подавать нельзя. Следователь им подавится.

— Ко мне пришли трое. Сила Силыч и его помощники. Они решили, что у меня есть то, что им нужно.

— А что им было нужно?

— Какая-то карта, я не знаю. Может, перепутали с кем? Меня посадили в автомобиль, пытали. Я кричал — никто не услышал. Привезли в лавку где-то в центре, показали похожие карты, я их не признал. Тогда меня опять пихнули в машину. Я думал, мне конец. Испугался очень. И тут что-то случилось... Сила Силыч открыл дверь и укатился вниз. А этот, другой, большой подскочил ко мне и давай бить. Я потерял сознание и больше ничего не помню.

Авдеев слушал внимательно, кивал.

— Значит, взял и сам собой выпал? — спросил он.

— Не сам собой, — прошептал Филя, и слезы снова навернулись на глаза. — Это я его убил. Пожелал ему смерти, и он умер. Арестуйте меня немедленно. Я больше так не могу.

— Да что за чушь? Если бы от такого умирали, города бы стояли пустые. Я лично желаю людям сдохнуть по сто раз на дню. Особенно гражданам, которые в транспорте мне ноги давят. А про коллег и говорить нечего. И хоть бы хны, все живы, веселы и весьма упитанны.

— Не верите? Вот, взгляните, — Филя задрал штанину и показал тугую повязку. — Когда мы ехали, я достал скальпель и вырезал знак. Прямо на себе! И Сила Силыч тут же умер.

Авдеев хмурился и кусал нижнюю губу. Филе показалось, что он вот-вот вынет наручники и прикует его к батарее, чтоб не сбежал.

— Вы арестуете меня? — спросил Филя дрожащим голосом.

— За что? — спросил Авдеев.

— Как за что, за убийство!

— Замечательно! А на суде скажем, что ты учинил над собой умышленное членовредительство с целью лишить человека жизни?

— Есть такая статья?

Авдеев тяжело вздохнул:

— Нет, и никогда не будет. Гражданин Паслов умер естественной смертью — оторвался тромб. При чем здесь ты? Пока заведено только дело против Василия Путобрюха. Нанесение ущерба здоровью средней тяжести. С учетом его послужного списка, два года каторги.

Выпишешься, приходи ко мне, снимем показания. А пока лечись. Голову тебе проверить не мешает. Тоже мне, резаться вздумал! Или оговариваешь себя зачем-то?

— Я же вам объяснил! — истерически крикнул Филя, и больные, ковылявшие по коридору, дружно уставились на него. — Я хотел, и я убил! Мучителя своего. Не могу так больше, душа ноет. Арестуйте, арестуйте и накажите по всей строгости. Тюрьма, так тюрьма. Или казнь?

— Не пори чушь, — устало сказал Авдеев. — Я понимаю, ты в это веришь. Охота сходить с ума — сходи, только не ожидай, что и остальные пойдут с тобой вместе впрысядку. Ни один суд в мире не станет это выслушивать.

Филя разразился громким плачем.

— Ну, ну! Опять фонтаны, — Авдеев принялся шарить руками по пиджаку в поисках платка. — Филя, успокойся. Тебе вредно волноваться, ты нездоров. Натерпелся, вот у тебя и нервический припадок. Давай я доктора позову? Сделает укольчик, тебе полегчает.

— Почему вы мне не верите? Я убил его, убил... Все кончено, жизнь кончена.

— Подожди прощаться с жизнью! Хочешь, чтобы я тебя отвез в участок?

Филя мотнул головой.

— Тогда чего тебе?

— Ничего, — Филя встал, вытер глаза рукавом и твердо сказал. — Мне пора. Прощайте. Ромэн Аристархович.

— Еще свидимся, — кивнул ему Авдеев, торопясь к выходу.

«Вряд ли!» — подумал Филя, скорбно волочась назад в палату. Наказания не будет, значит, и искупление невозможно. Тромб, видите ли, оторвался! Хитер Додон, нечего сказать. Умеет обтяпывать делишки так, что все шито-крыто. Что же делать? Податься в монастырь? Кинуться с моста?

В палате было полно народа — со всех окрестных палат собрались. Атлант вольготно раскинулся на стуле, босые ноги топорщились в прохудившихся тапках. Вокруг на табуретках расположились слушатели.

— И вот я смотрю — она юбки задирает. Одну, другую, третью.

— Брешешь! Не бывает на бабах столько юбок! — сказал плюгавый мужичок в майке-алкоголичке.

— Вот те крест! Подняла она, значит, юбки, а под ними у нее — хвост рыбий. Я к двери, а она как захохочет. Иди, говорит, ко мне, мой белый хлеб.

— Трепло! — презрительно протянул рыжеволосый парень.

— Шарман! — откликнулся профессор, кутаясь в одеяло, как в тогу.

— Не любо — не слушай, а врать не мешай, — пробасил дородный усач. На шею он зачем-то намотал цветастое полотенце.

Филя прошел мимо них и лег на кровать. Потолок был грязно-желтый, в подтеках. Пятно побольше напоминало по форме Африку, пятно поменьше — Австралию.

Гости Атланта пошумели и разошлись, оставив после себя запах табака, немых подмышек и лекарств.

— Унываешь? — спросил Атлант. — Не время, сынок. Будешь бодрый — скорее поправишься.

— А я, может, вовсе не хочу поправляться! — резко сказал Филя и с вызовом уставился на Атланта. Тот не отвел взгляд.

— Решил сигануть на березу, как профессор?

— Да!!

— Ты эти мысли брось. Нельзя себя жизни лишать, Господу Богу это противно.

— Я теперь не в его юрисдикции, — запальчиво сказал Филя. Атлант в задумчивости почесал в затылке.

— Юридикция, она того, а ты этого... Бога не гневи.

Филя махнул рукой и отвернулся к стене.

— Я знаю, что ты натворил, — прошептал Атлант, склоняясь к самому его уху. — Но и для убивцев есть спасение.

Филя так и подскочил.

— Вы подслушивали!

— Обижаешь, — сказал Атлант. — К чему? Я и так все вижу. Смертоубийство — страшный грех. Плоть вопиет, душа мается, ангели небесные плачут. Господь ручкой белой от тебя загородился, не смотрит. А без присмотра человек плутает да и в яму катится. Молодой ты, а уже пропал. Котлы тебя ждут смоляные, вонь и тлен.

— Ничего, к вони мы привыкшие. А ангелы пусть плачут, раз им заняться больше нечем.

— Озорник! Нешто не каешься? Ты ведь не разбойник, не злодей. Соблазнил тебя лукавый, а кто слаб верой, тот и поддается.

— Как вы поняли? — спросил Филя.

— Знак увидел. Доктор пеленочку отвернул, я и подглядел. Не нарочно, глаз метнулся. Ты чешуйки не скобли, они теперь не сойдут. А оторвешь — втрое больше вырастет. Совсем запаршивеешь.

Филя почувствовал, как в горле встает плотный ком.

— Что же мне делать?

— Я вот что тебе скажу, — тихо и печально произнес Атлант. — В чудища коротка дорога, а обратно длинна и корява. Покаяние, строгий пост, молитва ежечасная. И добрые дела — милостынька, вспомоществование матушке-церкви. Соседям мал-помалу вещички раздавай.

— Вы смеетесь? У меня и так ничего нет! Гол как сокол.

Атлант задумался.

— Тогда в иноки иди.

— Не возьмут. Поп из церкви поганой метлой прогнал.

— Стало быть, нет тебе пути назад. И-их! Как же тебя угораздило с нечистым связаться?

— Я и не связывался, он сам прилетел. Что, думаете, мне хотелось этого? Иконы собирался писать. Чистой жизни алка... искал. А теперь вот чешуей обрастаю, — и Филя горько всхлипнул. — Скоро в зеркале себя не буду узнавать. Подойду в один прекрасный день — а оттуда рыло свиное покажется.

— Свиное-то вряд ли. А ящериное может. Грехи человеческого облика лишают. Оступишься, колыхнешься чуток, и рога полезут, шерсть пробьется. Особенно за ушами, там слабое местечко. Был у нас в слободе кузнец, ох и злой, скотина. Жену свою в железный ящик замуровал, а себе новую сделал. Пошел я к нему как-то раз лошаденку подковать, а он ко мне выходит — козел козлом, борода до пупа, вся в репейнике. Лошадка вырвалась и бежать, я тоже дал деру. Первым домой пришел.

«Буффон доморощенный, — подумал Филя. — Порет чушь, не приходя в сознание».

— Правду говорю, все так и было!

— Конечно, конечно. Козлы, они известные мастера. Очень удобно в копыте молот держать.

Атлант замялся.

— Может, и не козел. Темно было, да я с пьяных глаз. Все одно — образина.

— А он так козлом и ходит?

— Кто ж его знает? Возьмет и обратно оборотится.

— Разве такое бывает?

— Бывает, — убежденно сказал Атлант. — Грех липкий. Одни сами наступят и измажутся, а другие — кроткие, смиренные — мимо пройдут, плечиком чиркнут, и готово — тоже вляпались! Вот слушай. Был у меня корешок — душа человек, водки совсем не пил, ласковый, как котенок. И повадилась к нему летать птица-блядуница. Сядет ночью на окно и поет-заливается.

— Почему вы ее так называете? Чего в ней... гм, срамного?

— А того! С грудями она была.

Филя не удержался и захохотал.

— Ржешь? — обиделся Атлант. — Я тоже ржал, пока ее не увидел. А она как вцепится мне в морду, всю расцарапала, гадина. Мы решили ее подстрелить. Добыл я ружье, зарядили, как на утку. Притаились под кустом, ждем. В полночь она летит, крылья расправила, когти выпустила. Я прицелился. Жду, когда поближе будет, чтоб наверняка. А она возьми и пади наземь. «Ой, — кричит. — Худо мне, помираю». Мы к ней кинулись, корешок мой хлопнулся рядом с ней на колени и слезу пустил. Пожалел злодейку. Она встрепенулась и порх из рук! Я выстрелил и промазал. Только перышко одно упало.

Филя в недоумении посмотрел на Атланта:

— Слушайте, при чем здесь этот случай на охоте? Птичку и то убить не смогли. Что вы о грехе знаете?

— погоди, паря. Это еще не конец. Перестала птица-блядуница летать, день не видно, два не видно. Корешок повеселел, в гости звал. А потом пропал. Я тогда на калым ездил, вернулся и к нему. Проведать, стало быть, решил. Подхожу к дому — дверь настежь. Окна перебиты, стекло прям кругом дома валяется. Я внутрь. «Кузя, говорю, ты где, ты живой?» Никто мне не отвечает. Я бегом в кухню — пусто, в комнату — там тоже. Обыскал все, полез на чердак. А под потолком пичужка малая вьется. Вроде воробья, только чепчик у нее голубенький. Завидела меня и села на плечо. Ручная, свистит! Я ее тарелкой прикрыл и домой понес, деткам показать. Клетку соорзили, семечек насыпали, воды в плошку налили. Веселая оказалась, щебетунья.

Филе начинал потихоньку надоедать этот поучительный рассказ про одомашнивание птицы. Он, не скрываясь, зевнул, но витийствующий Атлант и ухом не повел.

— Прожила она у нас до весны, уж больно дочка ее полюбила. Хотели выпустить, а она плачет. Не дам, говорит, никому, пусть с нами живет. Что ей в лесу делать? Куница поймает и съест. Вон уж, видно, пыталась — метка на крылышке видна. Я подслеповат стал, да и не присматривался никогда. Птаха и птаха, что с нее взять? А тут подсел с клеткой к окну и разглядел. На крылышке-то у нее пятно забавное — точь-в-точь наколка моего корешка. Я и обомлел.

Филю прошиб холодный пот. Какое-то небывалое, жуткое знание стучалось в его дверь. Он хотел закричать Атланту, чтобы тот не продолжал, но не смог открыть рот. Губы сомкнулись, как гранитные плиты.

— Я взял его на ладонь и говорю: «Кузя, ты, что ли?» Он как прыгнет, как зачирикает. Радует, что я его признал. Посадил его обратно в клетку и пошел к ведуну. Так и так, мол, выручай, беда стряслась с корешком. Ведун помялся — он у нас степенный, важный такой — и говорит: веди мне живого барана, да пожирней, может, что и придумаю. Я привел. Не жирного, какой был. Последнего отдал, хотел на базаре продать, а вот, не случилось. Ведун увел барана в сторонку и давай шептать над ним молитву. Знамо дело, я испугался. Вдруг он меня испортит, или на детишек сглаз наведет. А Кузя в клетке так и бьется, так и бьется. Подошел ко мне ведун, взял за руку и молвит: ничего поделывать нельзя. Быть ему птицей до скончания века. А почему, спрашиваю, это приключилось? За что несчастье? Ведун руками только разводит. Неисповедимы пути Господни, а верно, очень добрый был Кузя мужик. Пожалел птицу-блядуницу и забрал себе ее грех. С тем и жить ему.

— Пойдите, — сказал Филя дрожащим голосом. — Он что, до сих пор птица?

— В прошлом году помер. Кот добрался и сожрал, только крылышко и осталось. Дочка в обмороке валялась, прикипела к нему, и он к ней. Кота, гниду такую, я на заборе повесил.

Филю колотила дрожь. В голове билось только одно: «Настенька, Настенька, Настенька!» Тогда, в поезде, она пожалела краба — эту мерзость, отрыжку черного колдовства. И теперь за свою доброту она превратится в краба? О нет, нет, врет Атлант, это не может быть правдой. Филя запустил руки в волосы и с силой принялся их рвать.

— Ты что, ты что, сынок? Успокойся! Сестра, у него опять припадок.

Несколько человек вбежало в палату и схватило Филю, который орал и катался по койке. Он пинался, кусал чьи-то толстые соленые пальцы, выгибал спину дугой. Он не заметил, как игла вонзилась ему в бедро. Свинцовая тяжесть превратила тело в монолит, мышцы не слушались, крик затухал. «Куда меня? — думал он, падая в черноту. — Бежать! Настенька! Краб... не жалея... не надо...»

Он замер и больше ничего не чувствовал. Атлант поправил на нем одеяло и беззвучно лег на свою койку. Буква «Мыслете» на его груди засияла и превратилась в слово «Момон». Атлант блаженно улыбался.

Настенька

Филю выписали в середине декабря. Было не понятно, отчего его так долго держат в больнице, когда для срочных больных коек не хватает. Профессора отвезли в сумасшедший дом, молчальник Пашка тихо преставился, кислотный Петрович упорно жил в палате и с удовольствием хлебал баланду в столовой. Атланта забрала жена — блеклая женщина с повадками пищевой моли. Приносили новых пациентов — раненых, обмороженных, угоревших. Филя проводил дни, мрачно уставившись в стену. Он пытался в сколах краски разглядеть черты африканских зверей и птиц. Это занимало его гораздо больше, чем человеческая возня за спиной. Его водили на процедуры, бесстыдно стаскивали штаны и кололи уколы. Он стоически терпел. В больничной жизни была одна несомненная радость — сюда, в эти казенные стены, не залетал Додон. Ни разу Филя не слышал его противный голос в своей голове.

Витя приехал, чтобы отвезти его домой. Он принес смену белья и несколько апельсинов для обитателей палаты.

— К чему эти подачки? — пробурчал Филя. — Не в коня корм. Погляди, им бы в театре Кошечка играть.

— Пусть питаются. Витаминами! — улыбнулся Витя. Шкет с забинтованным ухом благодарно принял апельсин и сожрал его вместе с кожурой. Яркий цитрусовый запах

оживил комнату, и Филя немного воспрянул духом.

— Болит? — спросил Витя, указывая на ногу. — Помочь тебе спуститься?

— Зажило.

Рана сошлась, сукровица перестала пропитывать подштанники. Швы сняли. Кожа под чешуей нестерпимо чесалась, и Филя подолгу не спал, расцарапывая бедро. Чешуйки окостенели и вросли, казалось, еще глубже, их теперь разве что зубным инструментом драть. Когда Филя спросил у доктора, как же ему в домашних условиях лечить это безобразие, тот протянул ему листок с рецептом. «Борная мазь, — с трудом разобрал Филя витиеватые каракули. — Он меня за дурака держит, что ли? Еще бы лист лопуха посоветовал привязывать. Шарлатан!»

В Малярове за время его отсутствия ничего не изменилось. Варвара Михайловна постилась, и вместо сытных пирогов потчевала семью пустыми щами и квашеной капустой. Вера почти не появлялась дома. Филя понятия не имел, что он скажет и сделает, если столкнется с ней нос к носу. Как бы не покалечить сгоряча. Побаивался он и того, что Вера продаст его другому благодетелю, и тогда все сызнава.

С каким-то особым злорадством Филя поделился с Валентиной знанием о Вериных вредных привычках. На, мол, получай, пускай семья узнает! Мало было блуда, теперь еще и наркоманит. Валентина расстроилась и пообещала, что поговорит с сестрой. На этом и порешили.

Витя радовался возвращению Филя, как ребенок. Он наконец-то научил лягушку ловить стрелы и собирался в дорогу. Под кроватью хранил вещмешок, куда то и дело что-то клал — спички, соль в коробке, теплые носки. Вечерами он устраивался у печки и до рези в глазах смотрел на карту, пытаясь разобраться, что же на ней нарисовано. Смазанные контуры строго хранили секрет. Витя вздыхал и убирал карту под матрас, надеясь, что следующий день принесет ему разгадку.

По приезде Филя сразу же занялся выбеливанием пергамена. Лист попался упрямый, буквы долго не сходили, и даже после двухдневного замачивания немного изменилось.

— Крепкая молитва была написана, — заметил Витя. — Въелась.

— Да какая, к дьяволу, молитва, это букварь! Как отскрести? Может, щелоком?

— Не смей, загубишь дело. Попробуй ногтем.

И Филя попробовал. Он скреб и скреб, пока ноготь не расслоился. Тогда он, преодолевая адскую боль, срезал с ноги крупную чешуйку и принялся работать ею. Буквы сходили, как кожура со спелого плода. Лист очистился, побелел. Чуть шероховатая поверхность была горячей и напоминала лошадиный бок, только без навозной нотки в воздухе. Филе хотелось остаться на ночь одному, чтобы полностью посвятить себя карте и не вслушиваться поминутно в Витин храп, но уловить момент не удавалось. Витя разленился и все реже ездил таксовать.

— Деньги есть, — отмахивался он от Филя. — Чего жопу зря морозить?

Филя подождал пару дней, сцепив зубы, и понял, что бесполезно. Медлить нельзя. В полночь, когда в доме затих последний шорох, он достал из пальто взятый с боя скальпель, развернул выбеленный лист и лег на тюфяк.

«Додон, ты здесь? — мысленно спросил Филя. По спине побежали мурашки, лоб покрылся испариной. Додон не откликнулся. Стояла гробовая тишина, от которой ломило в ушах.

«Додон! — закричал Филя. — Додон, ты где?»

И опять ничего. За окном завыл ветер, береза жалко мотала ветками и стучалась в стекло — пощади, пусти погреться. Филя напрягся. Куда улетел этот гад, где его носит? Когда не нужен — тут как тут, смущает, ввергает в грех, вертит хвостом, а нынче, когда он в горячке и так нуждается в нем — шиш, растворился, исчез! Филя еще долго безуспешно звал Додона и дождался только залпа Витинового храпа.

«Что ж, нарисую без его помощи».

Филя полоснул скальпелем по руке, смежил веки и принялся наносить рисунок на пергамен. Кровь шла неохотно, быстро высыхала. Оставалось надеяться, что столь малого ее количества все же хватит. Закончив рисунок, Филя зажал рану рукой, кое-как обмотался первой попавшейся тряпкой и в изнеможении улегся на тюфяк. Утром, как только проснулся, он первым делом схватил карту. Ему не удалось сдержать горестный вопль.

— Что, что? — забормотал сонный Витя, вскакивая на постели. — Грабят, убивают?

— Нет, — сокрушенно сказал Филя. — Если бы!

— Чего тогда шумишь? Сколько натикало?

— Полдевятого.

— Тю! Спать еще и спать.

— Так спи, кто не велит.

Но Витя с хрустом потянулся и спрыгнул с кровати.

— Карту рисовал? — спросил он, кивая на перебинтованную Филину руку.

— Так...

— Давай, показывай!

— Нечего показывать, — сказал Филя. — Не получилось.

Он подал ему пергамен. Витя озадаченно осмотрел обе стороны.

— А карта где?

— Сам хотел бы знать. Рисовал-рисовал, а утром все исчезло.

— Может, листок другой? А тот куда-нибудь завалился.

— Нет, я один выбелил. Других не было.

— Беда!

Филя что есть силы ударил тюфяк кулаком. Удовлетворения не почувствовал, пришлось повторить. И еще раз, и еще.

— Хорош беситься, — раздраженно сказал Витя. — Пыль поднимаешь. Отвел душу и будет!

— Нет у меня души! У меня ничего нет!! Господи, Настенька!

Боль в языке показалась ему спасительной, и он завопил:

— Боже, боже, боже, боже!

— Заткнешься ты или нет?! — Витя подскочил к нему и зажал рот рукой. — Кончай блажить. Без тебя тошно.

Филя зарычал, как зверь. И вдруг что-то маленькое и нежное с хрустом переломилось в нем. Он встал, вытер лицо и принялся одеваться.

— Ты куда? — озабоченно спросил Витя.

— Скоро вернусь, — он надвинул шапку на брови, избегая его взгляда, и вышел вон.

В коридоре чуть помедлил, огляделся. Снял со стены зеркало, вынес его во двор и разбил о березу. Осколков было много. Филя порылся и выбрал самый крупный, зазубренный и кривой. Сунул в карман пальто — порвал подкладку. Не жаль, не жаль, теперь все равно.

Машину удалось поймать не сразу. Он прилично померз на обочине, переминаясь с ноги на ногу. Филя уже подумывал, не попросить ли Витю подвезти его до места, как вдруг неподалеку затормозил небольшой черный автомобиль с оленем на капоте.

— Степка? — Филя не верил своим глазам.

— Он самый. Тебе опять куда-то надо? На набережную? Чего застыл, садись, время — деньги.

Филя сел, назвал улицу, и они поехали.

— А я, признаться, с плохими новостями к тебе еду. Не могу разыскать твоего краба. Все перерыл, дворников вопросами замучил, архивы поднял. С квартиры он съехал, в номера не заселялся. Нигде нет — как сквозь землю провалился.

— Не страшно, — сказал Филя спокойно. — Я понимаю.

— Руки опустил? — сочувственно спросил Степка. — Я знаю одного экстрасенса, он больше по кладам, но и за людей иногда берется. Хочешь, познакомлю?

— Нет, не надо.

— И правильно! Эти колдуны — тот еще сброд. Тень на плетень наведут, а ты потом живи, писка мышиноного бойся.

Филя бездумно смотрел в окно. Осколок в кармане отплясывал чечетку, рвался наружу — почти вывалился, приходилось слегка поддерживать рукой. Степка молча курил, стряхивая пепел на пол.

— Приехали! — сказал он. — Дождаться тебя?

— Я надолго. Бывай, Степан.

Можно было подъехать поближе, но не хотелось, чтобы Степка знал, куда он держит путь. Несколько кварталов Филя прошел пешком, потом сел на трамвай. Сошел раньше времени, дважды пересек дорогу, стараясь избегать многолюдных участков. Поминутно озирался: нет ли за ним хвоста? Прохожие семенили мимо, огибали кучи снега, которые накидали мужики, расчищая дворы. Филя ощупал осколок, и тот ворохнулся, как живой.

— Не спеши. Чуть-чуть осталось, — сказал Филя. — Почти пришли.

Он прибавил шагу и вскоре оказался у нужного дома. Уверенно и слегка лениво постучал в дверь.

— Ты что здесь делаешь? — вскричала почтенная старушка Ильинична. Филя грубо отпихнул ее в сторону и кинулся в дом. — Стой, кому говорят! Полкан, Полкаша!!

Времени было в обрез. Он бежал вперед по анфиладам темных комнат и коридоров, сбивал стулья, запинался о ковры, перепрыгивал напольные вазы. С лязгом и грохотом покатился горшок с геранью, который он задел, дергая очередную дверь. Грязь и листья брызнули на ковер. От грохота в глубине дома проснулась болонка и залилась то ли лаем, то ли чихом. Тетки нигде не было. Филя со всей силы сжал осколок. «Думай, думай! Она здесь. Спряталась!»

Он заглядывал во все углы, переворачивал кресла, нырнул под диван. Щель между ним и полом была мала, но ему казалось, что тетка могла туда втиснуться. И вдруг в коридоре что-то мелькнуло. Она! Филя бросился вдогонку. Тетка в ужасе бежала от него, как нимфа от древнегреческого бога. Длинное домашнее платье картинно развевалось. Старая Горгона показала такую прыть, что Филя едва поспевал за ней. Пытался ухватить край платья, но он ускользал.

Погоня затягивалась. Тетка пропала из виду. «Где эта продувная бестия? — в раздражении подумал Филя. — Не могла далеко уйти. Сейчас я ее прищучу!» Дверь

гардеробной была приоткрыта, тетка беспомощно зарылась в шубы и глядела оттуда на Филю испуганными глазами.

— Что тебе нужно? — взвизгнула она. — Оставь меня в покое.

Филя на секунду поймал свое отражение в осколке. Он понял причину ее страха — сейчас он был больше похож на монстра, чем на человека. Полуседые волосы встали дыбом, зубы ощерены, выражение лица злодейское, в руках зажато орудие убийства. Он сам такого не пустил бы на порог.

— Тетя, — сказал он неожиданно ровным голосом. — Давайте поговорим как цивилизованные люди. Вылезайте из шкафа.

— Нет, нет! Уходи!

Разговаривать среди лис и норок было неловко. Филя схватил тетку за шиворот и повел в коридор.

— В гостиную! — приказал он, и тетка поплелась. Жидкие щеки нервически плясали.

Внезапно навстречу им выскочила Ильинична. Она тащила за собой крупного паса шоколадной масти, должно быть, Полкана. Тот упирался, поскуливал и выглядел весьма жалко. «Его и блоха есть не станет, побрезгует!» — развеселился Филя. Полкана он не боялся.

— Хватай его, Полкан! Рви его! — закричала Горгона.

Ильинична ослабила цепь, но пес не спешил в атаку. Он посмотрел на Филю затуманенными очами, зевнул и отвернулся. Горгона побелела от злости.

— Не стой столбом, скотина! Хозяйку убивают, а ему насрать.

— Я вас еще не убивал. И не собирался. Будете вопить — передумаю.

Горгона заплакала.

— Что это за наказание мне такое? У всех родня как родня, а у меня головорезы.

— Попрошу не обобщать, — рассердился Филя. — Кто, кроме меня, головорез? Настенька?

Горгона надулась. Все вместе они добрались до гостиной, где стоял лютый холод: полдома было отключено от отопления. Горгона нещадно экономила. Что, жизнь дала трещину? Обанкротилась мыловарня?

— Садитесь, — почти любезно предложил Филя, подталкивая ее к стулу. — В ногах правды нет.

— А в жопе, думаешь, она есть? — поинтересовалась Горгона, плюхаясь на сиденье.

— В вашей — сомневаюсь. Хотя сейчас проверим. Как поживаете, тетушка?

— Ты мне зубы не заговаривай. Явился, чтоб о здоровье моем узнать, Филимон? Решил, сдохла? Выкуси, жива, и ни копейки тебе не оставлю! Вычеркнула из завещания. Не попируешь на моих костях.

— Копейки мне ни к чему, — устало сказал Филя. Полкан лег у его ног, пристроив лобастую голову на хвост. — Можете вычеркивать меня откуда угодно. Я не затем пришел. Стало быть, вы в добром здравии. Я рад.

И он небрежно перебрал осколок из ладони в ладонь. Тетка заворуженно следила за его движениями.

— Прошу лишних выйди, — приказал он Ильиничне. — Разговор конфиденциальный.

— Не смей командовать в моем доме! Ильинична, останься.

Старушка заметалась. Филя сделал выпад в ее сторону, чиркнув осколком по воздуху, и старушку как ветром сдуло. Полкан гавкнул ей вслед и опять залег. Горгона разразилась

площадной бранью.

— Довольно! Теперь к делу. В прошлый раз, когда я к вам приезжал, вы сказали, что знаете краба.

— Какого еще краба? Выдумал тоже!

— Не врите. Григория Антоновича, вот какого краба. Где он живет?

— Не знаю и знать не хочу!

— Хорошо. Диалога не получается, давайте по-другому, — Филя встал, медленно подошел к тетке и приставил осколок к ее толстой шее. Внезапно под кожей проступила артерия. Она словно вырвалась из жира, в котором жила долгие годы. Осколок с жадностью потянулся к ней, но Филя крепко держал его в кулаке.

— Итак, где, говорите, квартирует Григорий, свет, Антонович? — ласково спросил Филя.

Горгона молчала.

— Что вам в нем? Я всего лишь прошу адрес, неужели так сложно дать?

— Тебе? Ни за что! — отчеканила тетка, косясь на осколок.

Небрежным движением, будто отгонял комара, Филя развернул осколок так, чтоб наверняка поймать ее отражение, и втопил острие в рыхлую плоть. Тетка завизжала и попыталась вырваться. Он быстро вернул инструмент в исходную позицию.

— Мне продолжить?

— Стой! Я скажу, — прохрипела Горгона. — Петушиный проезд, доходный дом купца Чебукчеева.

— А вдруг обманываете?

— Христом Богом клянусь.

Филя поморщился.

— Нет, давайте так. Я беру с собой вашу болонку. Не нахожу краба по адресу — я ее убиваю. Идет?

— Тварь! Сатана! Сукин ты сын! Шкура!

Филя со вздохом принялся ждать окончания тирады.

— Мразь! Гнида! Щенок!

— О, комплименты пошли.

— Убирайся вон! Полицию позову. В тюрьме сгниешь, сволочь!

— Зовите, зовите. Мне-то все равно, я полиции не боюсь, а вот вам, если обманули, не жить. Понятно?

Он толкнул стул, и тетка упала на пол. Ее грузное, дряблое тело закрыло собой ковер. Филя плюнул и вышел.

Ильинична тряслась у двери. Он не взглянул в ее сторону и быстро побежал к выходу. По пути ему попала хозяйская болонка — она дожидала в коридоре ошипанный черный зонт. Филя решил ее не брать. Что-то подсказывало ему, тетка не обманула.

Он быстро поймал такси. До Петушиного проезда было рукой подать — всего-то квартал или два. Таксист — сурового вида калмык в малахае — не произнес ни слова, только натужно сопел. Филя расплатился и выскочил из автомобиля. Доходный дом купца Чебукчеева был прямо перед ним — серый, облупленный, с перекосившимися ставнями, выбитыми окнами. Не дом — хлев распоследний.

Филя юркнул внутрь. Пахло жареной рыбой и кошачьей мочой. Наверху кто-то терзал расстроенное пианино. Заунывно плакал маленький ребенок. Филя принялся читать

таблички на дверях.

«Супруги Пронины», «Профессор Н.Н. Лапушкин», «Г-н П.Д. Беликов», «Г-н Г.А. Гранчио», и от руки написанное «Дуся Ложкина, звонить три раза».

«Г.А. - это он! Нашел!».

Дрожа всем телом, Филя позвонил в звонок. Никто не ответил. Пианино продолжало дребезжать и фальшивить. Ребенок на секунду притих, набрал в легкие побольше воздуха и разразился очередной порцией плача. Филя позвонил еще и еще, а когда не открыли, принялся молотить в почтовый ящик. Тишина!

«Выбью дверь», — решил он и уже прицелился плечом, но заметил, что под ковриком блеснул ключ. Как это кстати и как недальновидно со стороны краба. Беспечный монстр.

Филя воровато оглянулся и открыл дверь. На цыпочках прошел внутрь. Квартира казалась нежилой. Занавески плотно задернуты, мебель в чехлах. В прихожей валялся полураскрытый чемодан, из которого выползли галстуки, мятые рубашки, трико. У входа топорщилась кверху носами пара ботинок странной формы. И по этому адресу краба не оказалось! Покинул помещение, как старый панцирь. Исчез, чтоб ему пусто было. Филя в изнеможении опустился на колени. Все было напрасно. От горя и безысходности он завыл, вцепляясь ногтями себе в щеки.

И вдруг он краем глаза уловил движение. Филя вскинул голову и осмотрелся. За небольшой шторкой на столе стоял аквариум. Вода в нем почти высохла, стеклянные стенки покрылись белесым налетом. А внутри... внутри сидело что-то живое. Это был маленький — со спичечную коробку — крабик неприхотливого коричневого цвета. Он чуть прижал к себе клешни и возбужденно перебирал ножками.

— Настенька! — вскрикнул Филя и упал в обморок.

Он был без сознания не больше минуты. Во всяком случае, ему так показалось. Поднялся локтях, сел. Крабик следил за каждым его движением. Филя схватил аквариум в охапку и бросился вон из квартиры. Дверь решил не запирасть: пусть воры растащат имущество господина Гранчио. Кого это теперь волнует? Главное, Настенька с ним. Он нашел ее!

На лестнице ему перегородил дорогу толстяк в драповом пальто.

— Ты кто такой? — спросил он, притиснув Филю к стене. — Куда посуду тащишь?

— Я грузчик, — нашелся Филя. — Григорий Антонович съезжать изволят. Вот, вещи ношу-с.

— Мне не сообщали, — раздосадованно сказал толстяк. — За квартиру он платить собирается?

— А то! Деньги на комодке оставлены. В конвертике.

— Пойду посмотрю.

Филя опрометью кинулся вниз. «Только бы не уронить!» — думал он. Выскочил на улицу — и во двор. Там он стащил с себя пальто и накрыл им аквариум. Филя бежал, не разбирая дороги — утопал в палисадниках, перепрыгивал сугробы, спотыкался о поребрики. Наконец его вынесло к оживленному шоссе. Он встал у обочины и принялся голосовать. Такси не желали останавливаться: безумный седой гражданин в легкой одежде прыгает, как кузнечик, прижимает к груди подозрительный сверток. Он дождался машины с шашечками и вышел перед ней на проезжую часть. Таксист вдарил по тормозам и матерно обложил его в окошко. Филя, ничтоже сумняшеся, залез в машину и приказал:

— Везите в Малярово, живо!

Таксист покосился на него:

— А деньги у тебя есть?

Филя показал деньги. Таксист кивнул.

— Что везешь?

— Аквариум.

— Рыбки?

— Нет, краб.

— Вот оно как! Мода, что ли, новая?

— Вроде того. Давайте быстрее, замерзает.

— Куда торопишься? Быстро только на тот свет попадают. Доедем, помолясь.

Филя сжал аквариум в объятьях. Рыданья душили его, но он решил держаться до последнего. Не раскисать, не время! Дома погорюет вволю над загубленной Настенькиной жизнью. Сейчас важно одно — сестра с ним, в безопасности! А он уж найдет способ обратить ее вновь человека. Понадобится отдать всю кровь до капли — отдаст. Он картограф, он нарисует ей новое тело. Вынет из своего кости и построит обитель для ее души. Она не останется навек крабом! Ни за что!

— А чем кормишь? — небрежно поинтересовался таксист.

— Человечиной, — брякнул Филя.

— Шутник! Ладно, не хочешь — не говори.

Филя приподнял край пальто. Краб в аквариуме метался по камешкам. Филя вздохнул и опустил ткань обратно.

Гиена

— Ты уверен, что это Настенька? — озабоченно спросил Витя, разглядывая краба. Аквариум стоял на столе, туда долили воды, и теперь камни почти полностью были ею закрыты. Краб суетливо перебирал ногами и таращил на Витю круглые черные глаза.

— Уверен, — сказал Филя. — Видишь, на спинке темная полоса влево загибается. Косичка, она всегда у нее так лежала.

Витя недоверчиво хмыкнул.

— Бред какой-то. Человек превращается в животное. А может, и моя лягушка — тоже девчонка?

— Поцелуй — увидишь.

Витя потянулся в карман и достал лягушку. За последний месяц она потолстела, что не мешало ей, однако, резво прыгать. Лягушка с подозрением покосилась на краба. Витя выдохнул и угостил ее быстрым, легким поцелуем. Ничего не произошло. Филя рассмеялся.

— Дурак! — обиделся Витя.

Филя подсел к столу и принялся наблюдать за крабом. С чего он решил, что это Настенька? Вдруг он ошибся? Тогда нельзя прекращать поиски, иначе беды не миновать. А если Атлант выдумал историю про птицу-блядуницу? Что ему стоило навешать лапши на уши наивному соседу по палате? Краб остановился и щелкнул маленькими клешнями, как будто перерезал невидимую нитку.

— А чем они питаются? — поинтересовался Витя.

— Крабы-то? Не знаю. Попробуем дать мяса.

Витя замялся:

— Мяса... как бы нет.

Филя напрягся. Он истратил на такси последние деньги, и теперь его ждала полная

нищета. Пора торговать картами, иначе он повиснет на шее у Зязиных мертвым грузом, и они рано или поздно выкинут его на мороз вместе с Настенькой.

— Витя, у тебя есть знакомые, которым нужна карта?

— Дай подумать. Недавно кто-то спрашивал. Завтра приведу!

— Сколько мне попросить? Рублей двадцать?

— Ты больной? Двадцать рублей! За карту! Двести, а то и триста.

— Обдираловка.

— Ничего не обдираловка. Будешь мяться, вмиг облапошат. Ты же картограф, держи фасон!

— Уже держу, — сказал Филя и посмотрел на искалеченную левую руку.

— А мяса я в долг возьму. Сиди здесь, я скоро вернусь.

Витя убежал. Его не было с полчаса, крабик беспокойно метался, скреб стенки аквариума. Как долго Настенька голодала? Когда Григорий Антонович покинул свое жилище? Ах, ничего-то он не спросил, не разузнал! Рванул, как полоумный, с аквариумом в руках, а надо было обойти этажи, поговорить с соседями. Кто он сейчас в их глазах? Вор, расхититель собственности, мародер!

И опять же непонятно, как вернуть сестру в прежнее состояние. Атлант что-то упоминал о ведуне. Взять бы адресок, нанести визит. Может, дело выеденного яйца не стоит. Если Настенька приняла на себя грех краба, то он, Филя, готов забрать эту ношу. Стать крабом не худшая участь. Опостылеет жизнь — он кинется под ноги тому же Вите, и хитиновая оболочка хрустнет под его могучей пятой. А Настенька будет жить, выйдет замуж, нарожает детишек, помянет его в Духов день, всплакнет. Лучшее, чистейшее существо. Не то, что он, грешник, убийца.

Ужас содеянного опять навалился на Филю, и он забился в судорогах, кусая собственный кулак. Что он натворил, как низко пал, как наказан! Сила Силыч — отпетый негодяй, но разве он заслуживал казни? Как мог он, Филя, решить, что вправе судить и приговаривать к смерти? «Додон! — кричал Филя в агонии. — Додон!!» Демон не отозвался, в ушах зазвенело от напряжения. Филя затих. Краб, как ему показалось, встревоженно припал к стеклу.

— Не бойся, Настенька, — тихо сказал Филя. — Со мной все хорошо.

Тем временем вернулся Витя.

— Я все узнал! — бодро отрапортовал он. — Собирайся, едем.

— Куда?

— В магазин. Я поспрашивал у наших, оказалось, Мишка раньше разводил барбусов.

— Чего?

— Барбусов, рыбок таких ромбиком, полосатых.

— При чем тут рыбы? — взорвался Филя. — У меня краб! Разницу чуешь?

— погоди, не спеши. Мишка брался и за крабов. Правда, они у него быстро передохли. Так вот, мясом кормить нельзя. Надо особый корм. Он сказал, куда ехать, там все купим.

— Витя, окстись, ночь-полночь!

— Ничего, хозяин живет над магазином. Разбудим.

— А платить чем? Я на мели!

— Картой расплатишься. Ну, поехали, что ли? Или решил сестру голодом заморить?

Филя оделся в два счета. На всякий случай захватил с собой скальпель и осколок зеркала. Вариант с нападением на хозяина и ограблением магазина он теперь не исключал.

Но Витя был иного мнения: он не надел колычугу, только накиннул обтрепанного вида ватник. Лягушку оставил дома, стало быть, думает обойтись без насилия. Что ж, к лучшему, пора остановить паденье и продираться назад, в законопослушную жизнь.

Окна магазинчика товаров для животных были темны, но наверху горел свет. Форточка приоткрылась от ветра, патефон наигрывал легкомысленную песенку. Пока Филя рассматривал витрину, где хозяин выставил клетку с игуаной, Витя сосредоточенно и планомерно жал на звонок. Мелодия осеклась, запнулась, в окне показался мужчина.

— Чего надо? — крикнул он.

— Пустите, мы по делу пришли! — сказал Витя и зачем-то помахал рукой.

— По какому?

— Неудобно отсюда разговаривать.

— Сейчас спущусь.

Хозяин отпер, и они вошли внутрь. Небольшое, плохо освещенное помещение было сплошь заставлено клетками. У самого потолка возились попугаи: тут были и робкие неразлучники, и носатый самодовольный ара, и жако, чем-то отдаленно похожий на курочку-пеструшку. В большой просторной клетке грустила обезьяна. Когда включился свет, она принялась бешено скакать и трясти прутья. Миска с водой перевернулась и вымочила ей лапу. На пол полетели опилки, яблочные сердцевинки и помет.

У дальней стены Филя заметил аквариумы. Толстобрюхий сом лениво вился по стеклу, растопырив плавники. У самой кромки воды плавала черепаха. Стаи рыбешек нервно металась меж грязноватых водорослей. Крабов не было. Это внушало опасения.

— Итак? — сказал хозяин с нажимом. Вид у него был недовольный.

— Простите, что побеспокоили, — начал Филя, для приличия поклонившись. — Видите ли, я сегодня стал... обладателем краба. Как кормить, не знаю, боюсь погубить. Не могли бы вы мне помочь?

— И ради этого вы меня выдернули из постели? — вскричал хозяин. Он демонстративно оправил пижамные штаны, которые сползали с круглого, навывкате живота, поросшего редким волосом.

Филя моргал глазами.

— А известно ли вам, молодой человек, что крабы месяцами могут не принимать пищу? Приезжайте завтра днем, тогда и поговорим.

— Стойте! — вмешался Витя. — Вы все равно уже спустились. Отсыпьте нам корма, чтобы два раза не гонять.

— Не так-то это просто. Краб — животное прихотливое. У вас какой, мохнаторукий?

Филя растерялся:

— Не знаю. Нет, не очень мохнатый, скорее гладкий. Маленький такой, со спичечный коробок.

Хозяин тяжело вздохнул и принялся копать в большом ящике.

— Обычно для крабов берут рыбий корм и сушеную креветку. Если хотите, подкармливайте геркулесом, кукурузой или фруктами. Некоторые дают горох. Распаренный, само собой, не сухой. Перекармливать нельзя, сдохнет. С вас рубль сорок.

Филя вопросительно посмотрел на Витю, и тот дурашливо вывернул карман, откуда посыпалась семечковая шелуха.

— У нас нет денег, — сказал Филя. Краска бросилась ему в лицо, щеки запылали.

— Что? Обмануть меня решили? Вон отсюда, шпана!

— Постоите, погодите. Мы расплатимся. Я картограф. Вам не нужна карта?

— Прямо здесь рисовать будете?

— Могу и здесь, но лучше дома. Я вам в залог оставлю документы. Или пальто, хотите пальто? Ночью карту нарисую, а утром привезу.

Хозяин почесал подбородок.

— Вы, значит, картограф? Странно, такой молодой. Необычно. Карта, пожалуй, прямо сейчас мне не нужна, но предложение заманчивое. Ловлю на слове. А пока можете оказать мне одну услугу, и корм ваш.

Филя и Витя дружно закивали головами, как два брата-акробата.

— У меня есть клиент, которому надо доставить товар. Днем времени не было, я собирался поутру. Вы ведь на машине? Отлично! Ехать недалеко, дело буквально пяти минут.

Хозяин обогнул стеллаж с клетками, в которых сидели разноцветные морские свинки, и вынес чучело гиены.

— Держите! Немного пыльная, потом отряхнетесь. Везти в Копейный переулок. Дом, если не ошибаюсь, первый. Увидите, он особенный.

— Кому передать? — спросил Витя.

— Майору Шевякову. Лично в руки.

Филя принял гиену. Таксидермист, сделавший это чучело, отличался несколько извращенным чувством юмора. Задние лапы, согнутые в полуприседе, упирались в деревянную подставку, а передние были вытянуты вперед, словно гиена бросалась кому-то в объятья. Чучело долгое время валялось без дела и облезло. Жесткая шерсть загибалась в разные стороны, у лопатки зияла плешь. Морда щерилась в злобном оскале, но глаза, навывкате и косые, портили картину. Более непрезентабельного и дурацкого чучела Филе не приходилось видеть. Он обхватил гиену покрепче и прижал к себе. И тут его потрясло ощущение, что он держит не мертвое животное, а человеческий труп. Вонь разложения улетучилась — запах смерти и скорби остался. Филя зажмурился: перед его мысленным взором встал негритенок лет семи — восьми, девочка. Над круглыми ушками дыбом стояли кудри, тощее тельце болталось в одежде с чужого плеча. Милое дитя, любимица матери. Пожалела колдуна, подала ему воды в плошке.

— Молодой человек, с вами все в порядке? — спросил хозяин.

— А? — протянул Филя, выныривая из дремы. — Простите, откуда у вас это чучело?

— Купил у знакомого путешественника. Экземпляр в ужасном состоянии, решил продать, пока товарный вид не потерял. А что, у вас есть к нему интерес? Желаете перебить цену?

— Нет, не желаю. Путешественник не говорил, он сам убил эту гиену?

— Занятные у вас вопросы. Не сам, охотники принесли. Глупое было создание, выбегало к людям. Пристрелили, конечно. Гиены — те еще пакостницы.

Филя вздрогнул. Она выбегала к людям!

— Пойдем, — сказал Витя и потянул его за рукав. — Чего встал?

— Поймай, — Филя развернулся и к вящему удивлению хозяина пошел мимо полок. Он остановился у клетки с зеленой ящерицей. Ящерица смотрела на него пристально, раззявив рот кошелкой. Безмолвный крик резал ухо.

— Геккон, — сказал хозяин. — Ручной. Отдам недорого.

Геккон моргнул, и Филя увидел пожилого мужчину, который подает копеечку нищему в

грязном зипуне.

— По какому праву вы торгуете людьми? — прошипел Филя, едва сдерживая гнев.

Хозяин испуганно отпрянул.

— Людьми? Да как вы смеете?! Я честный коммерсант! Такие обвинения...

— Филя, ты что, белены объелся? — сказал Витя. — Пойдем-ка отсюда подобру-поздорову.

— Я никуда не пойду. У него тут люди.

— Да где же? Ни одного не вижу.

— Вот, в клетке. И там, и там. Это все люди!

— Сбрэндил! — сказал Витя скорбно. — Только тебя из больницы привезли, и опять лечить нужно. Это ящера, посмотри — у ней же хвост. Разве у людей хвосты?

— У Настеньки тоже не было клешней, а теперь есть! — закричал Филя, чуть не плача.

Тем временем хозяин магазина тихо пятился в подсобку, где у него стоял телефон.

— Я отсюда не уйду, — не унимался Филя. — Мы заберем их!

— Кого их?

— Их всех. Людей.

Витя посмотрел на него с жалостью. Филя поставил гиену на пол и вынул из аквариума змею.

— Взгляни, взгляни на нее! Это женщина. Лет сорока, красивая. У нее двое детей, мальчики-погодки.

— Это змея, — со вздохом сказал Витя. — Пятнистая. Положи на место, а то укусит.

— Не укусит. Она знает, что я хочу ей добра. Я спасу ее!

И тут змея грациозно обвилась вокруг Филиного запястья и вонзила ему два длинных клыка прямо в мякоть под большим пальцем. Филя издал истошный вопль, змея шлепнулась на пол и вывернула гибкое тело буквой «Земля». Витя отпрыгнул к витрине.

— Хозяин, она ядовитая? Эй, где вы? Куда вы пропали?

— Полиция? — раздался из подсобки шепот. — Это говорит Тугриков, владелец магазина «Любимец». Ко мне ворвались...

Он не успел договорить, Витя нажал на рычаг.

— Погодите, не надо звать погоны. Моего друга вчера из больнички отпустили. Буянит, сами плачем. Испортили парня. Я его сейчас уведу. А за гиену не беспокойтесь, довезем в лучшем виде.

Хозяин отер бледное лицо рукой и недоверчиво взглянул на Витю.

— Ну, знаете. Такими обвинениями бросаться! Я этого не потерплю. Господи, вы зачем вынули полоза? Немедленно положите назад. Нет, лучше я сам. Это вам с рук не сойдет. Вы мне заплатите, за все заплатите! Как ваше имя?

— Не важно, — зло сказал Филя, зажимая рану. — Вы подлец! Они молят о помощи, а вы их продаете, как дрова!

— Кто молит? Рептилии?

— Да! Они были людьми. Только не притворяйтесь, что не знаете. И гиена была! А ее застрелили. Вы чудовище!

— При чем тут я? Я ее не убивал. И вообще избавьте меня от этого бреда. Скажите спасибо, что я не стал на вас заявлять в полицию, а по-хорошему стоило. Берите гиену и выметайтесь из моего магазина.

Витя поднял с пола чучело и начал подталкивать Филю к двери.

— Вы дьявол, сам дьявол! — кричал Филя, вырываясь. — Отпустите их, слышите!

Хозяин вытащил упирающегося полоза из-под нижней полки, бросил обратно в аквариум и погрозил ему пальцем. Филе же он на прощание сказал:

— Лечитесь, молодой человек. У вас с головой не все в порядке. Уверен, лоботомия вам поможет.

Филя хотел что-то еще добавить, но Витя затащил его в машину и запер дверь. Метель поглотила все звуки, кроме рева мотора.

— Ну и дебош ты учинил!

— Давай отвезем гиену и вернемся.

— Ни за что! Хочешь ограбить лавочку, езжай без меня. И гадов домой не тащи, мать их до обморока боится.

— Витя, ты не понимаешь! Они как Настенька. Кто им поможет, если не я?

— И чем ты им поможешь, скажи на милость? Кормить нечем, ухаживать не умеем. Перемерут! Или ты знаешь, как их обратно в людей... того?

— Пока нет, но я найду способ.

— Не найдешь, его нет. Уймись. Это не люди.

— Люди! Люди!!

— Дал бы тебе в зубы, да руки заняты. Псих конченный!

Они вырулили на проспект и через четверть часа оказались возле Копейного переулка. Приметный дом был один — кабак. Шумная вечеринка была в разгаре, визжали цыганки, у ворот понуро стоял привязанный медведь в ермолке. Пьяные гости выскакивали на порог с бутылками в руках. Тротуар был усеян осколками, которые блестели в свете фонаря, как изумруды.

— Нам туда, — неуверенно сказал Витя. — Дубина я дубина, кольчугу не надел.

— Я не отдам ее! — сказал Филя и вцепился в гиену изо всех сил. — Это надругательство над трупом.

— Отдашь, еще как отдашь! — и Витя со всей мочи ударил его портсигаром по темени. Мир вспыхнул, рассыпался редкими огнями и померк.

Филя пришел в себя и задохнулся от боли. Под волосами нащупалась шишка размером с воробьиное яйцо. Чертов Витязь, застал его врасплох! Унес девчонку, гнида. Филя выскочил из машины и побежал к кабаку.

Витю он увидел не сразу. Тот сидел за столиком, обнявшись с незнакомым офицером, и подпевал пьяному хору. На столе валялись пустые бутылки из-под вина и шампанского, на серебряном блюде покоилась голова молочного поросенка, хребет и куча ребер. Нестерпимо пахло газом и отрыжкой. Половой вытирал с паркета липкую лужу. Чучело гиены стояло на лавке. Осовелый парень пытался кормить его с ложки салатом.

Филя подошел к парню и вырвал ложку у него из рук. Витя вскочил.

— Все в порядке, он со мной.

— Скажи ему, чтоб не шумел, — велел усатый офицер и грохнул глиняной кружкой по столу. Она раскололась, и пиво хлынуло на скатерть.

Филя молча взял гиену и направился к выходу.

— Положь собачку! — проямлил осовелый парень и черпанул пятерней, как будто собирался поплыть.

Витя подбежал, схватил гиену за передние лапы и потянул на себя.

— Отдай! — прошипел он. — Отдай, кому сказано.

— Не отдам. Бухай дальше, а я домой.

— Никуда ты не поедешь. Машина моя.

— Такси поймаю.

— А деньги откуда возьмешь?

— Придумаю что-нибудь. Пусти, лапу оторвешь.

— Нет, не пущу. Он, — Витя кивнул на усатого офицера, по всей видимости, это и был майор Шевяков, — знаешь сколько денег за нее отдал? Тебя догонят и убьют. Эта дрянь того не стоит.

— Сам ты дрянь. Какого черта ты сел с ними пить?

— Пригласили, вот и сел!

— Эй, вы! Разойтись, ать-два, вашу мать ядрену вошь, — проревел майор Шевяков. — Бегом сюда, шуку несут.

Карлики, одетые поварятами, торжественно внесли в зал огромное блюдо с царицей-щукой. Она была такой длинной, что хвост пришлось сложить в три погребели, и на изломах проступало белое мясо. По бокам источал пар картофель, в свернутых улиточкой листьях винограда чернела икра, на голове у рыбы майонезом была нарисована корона. Филя замер. И это тоже человек! Борец, силач, некогда поднявший индийского слона на плечах, теперь лежит со вспоротым брюхом, начиненный рисом и грибами в сметане. Филя бросился к блюду.

— Не смейте его есть! Каннибалы!

Один из карликов ловко подставил ему ножку, и Филя растянулся на полу под знойный хохот офицеров. Компания приступила к щуке, отрезая как попало огромные ломти. Картофель покатился в разные стороны, конопатый от икры. «Хоть ты не ешь!» — мысленно взмолился Филя, глядя на Витю. Тот помедлил немного и положил вилку на стол.

Карлики разбежались, один и них задержался возле Фили, смачно харкнул и сказал тонким голоском:

— Фулюган!

Филя встал на четвереньки, дрожа от гнева. Осколок зеркала при падении раздробился, скальпель был цел и требовал крови, но каннибалов было слишком много. Он не справится с ними один. Кто-то из гостей, проходя мимо виляющей походкой, вылил ему на голову полный бокал красного вина. От гогота пошатнулись стены. «Спалить гнездо разврата, — пронеслось у Фили в голове. — Додон, жги!»

Откуда ни возьмись, по полу пробежал вихрь. Он подхватил окурки, мелкий сор, обертки и понес их в угол. Свет судорожно мигнул. Ставни захлопнулись, в камине выла зима, упавшая в трубу. От щуки почти ничего не осталось, майор Шевяков исследовал ее челюсть — многозначительно совал туда кулак. Карлики разносили сладости и доливали вино в неразбитые бокалы. Цыгане принялись петь и плясать, медведь топтался на задних лапах с видом мученика.

Филя наблюдал. «Дождемся, когда они перепьются вдрызг, и рванем», — сказал он Додону. Тот кивнул и притаился за хрустальным кувшином, полным лимонада. Витя вылез из-за стола и внимательно рассматривал засиженные мухами эстампы.

— Это что такое? — спросил он неожиданно резким голосом. Никто ему не ответил. Цыганский хор усилил натиск, медведь опустился на все четыре лапы и лег. Майор Шевяков вышел танцевать барыню, споткнулся и чуть не упал, но был пойман товарищами.

Филя подошел к Вите.

— Узнаешь? — спросил тот тревожно. На эстампе была та самая избушка на сваях, которую Филя рисовал на спине Грифона.

— Она! — выдохнул Филя. — Постой, может, надпись есть.

Он перевернул эстамп. «Полесье, живописный уголок». Витя разом протрезвел. Он оглянулся, приложил эстамп к груди, словно бы собираясь протереть от копоти и жира, и потихоньку прикрыл его полрой куртки.

— Пойдем отсюда, — сказал Витя. — Засиделись. Гиену отдали, пожрали, пора и восвояси.

— Пора! — откликнулся Филя и мысленно добавил. — Додон, пли!

Только они вышли из кабака, здание охватило пламя. Оно пробежало по шторам, бумазейным обоям, лизнуло соломенную крышу. Пьяные офицеры не сразу сообразили, в чем дело, и продолжали пировать. Карлики и цыгане кинулись вон, но дверь была плотно закрыта, окна тоже.

— Выпустите нас! — кричали они. — Горим!

Наконец и офицеры разобрались, в чем дело, и принялись ломать дверь. Она не поддавалась.

— Заклинило! А ну, навались!

Филя и Витя из машины наблюдали, как красный петух взметнулся над кабаком.

— Поехали, — жестко сказал Филя.

— Они же сгорят заживо!

— Так надо. Заслужили.

— Ты кто, бог, чтоб их судить?! Я пойду помогу.

В этот момент дверь разлетелась, и ослепшие от дыма, подкопченные офицеры вывалились на тротуар. Один за другим выскочили карлики и кинулись врассыпную. Цыгане волокли обезумевшего медведя. Он ревел и метался, разбрасывая людей, как щепки.

— Как видишь, все живы, — равнодушно сказал Филя.

— Ну, ты и сволочь! По тебе тюряга плачет.

— Разве я учинил пожар?

— Может, и ты. С тебя станется!

Витя проверил, на месте ли эстамп, и завел мотор. Вино отпустило его, но руль он держал нетвердо. Автомобиль кидало из стороны в сторону, и по дороге в Малярово они поймали чуть ли не каждую кочку. На заднем сидении тряслось чучело гиены.

Нищий

На следующий день Витя принялся перепаковывать рюкзак. Он занимался этим с суровым сосредоточением знатока, придирчиво рассматривал и сортировал вещи, разравнивал мизинцем соль в спичечном коробке.

— Едешь туда? — поинтересовался Филя.

Витя кивнул. С тех пор, как он узнал, что на карте изображено Полесье, он стал угрюм и неразговорчив. Когда рюкзак был набит до отказа, он сел чистить кольчугу, хотя она и без того блестела, как серебряная. Лягушка отлеживалась в своем стеклянном саркофаге.

Рыбий корм крабу понравился. Он даже в целом как-то повеселел и бодрее перебирал ножками. Филя часами наблюдал за ним в умилении. Сомнений не было, это Настенька. Каждый щелчок крошечных клешней напоминал о ней, во взгляде чудилась хитреца и детское любопытство. Филя запустил руку в аквариум и нежно погладил краба по спинке. Тот засуетился и побежал прятаться под камень.

— Дурашка! — сказал Филя. — Чего боишься? Я тебя не обижу.

Из-за шкафа выглядывало чучело гиены. Варвара Михайловна, увидев его, чуть не лишилась чувств. Она умоляла, чтобы эту поганую псину отнесли на помойку, но Филя с трофеем не расстался. Убитую негрityнку к жизни не вернуть, поэтому он решил захоронить ее при первой же возможности. Снег уверенно лег, земля промерзла, могилу придется выдалбливать. Но чем? Киркой, заступом? Ему еще не приходилось заниматься подобным. Отвезти на кладбище и договориться с мужиками? Так денег нет! А если наведаться ночью, подсунуть в уже раскопанную яму и чуток присыпать землей? Похоронить, как животное, без креста и поминовения. И никто не узнает, где могилка ее.

Витя достал эстамп и принялся его гипнотизировать, как будто ожидал, что тот с ним заговорит.

— Поедешь один? — спросил Филя

Витя покосился на него и многозначительно сказал:

— Герой всегда один.

«Герой — штаны с дырой», — мысленно усмехнулся Филя.

— Что ты рассчитываешь там найти?

— Какое тебе дело? Занимайся своим крабом.

— То есть не знаешь. Я так и предполагал!

— Знаю!! — взорвался Витя. — Думаешь, я дурак? Вот карта, что еще надо?

— Приедешь ты на место, а дальше? Будешь бродить кругом и спрашивать, не ждет ли кто Витязя?

Витя яростно перематывал бечевкой одеяло, отчего оно стало напоминать немецкую колбаску, вздувшуюся от жара, готовую лопнуть и выплюнуть жирный мясной сок. Краб нерешительно выбрался из-под камня и бочком пошел вдоль стенки, выискивая, не завалилась ли где сушеная креветка. Филя было потянулся за кормом, но потом вспомнил, что перебарщивать нельзя, и сел обратно на стул. Витина ярость веселила его безмерно.

— У меня все схвачено, — сказал Витя неуверенным тоном.

— Сомнительно. Как в сказочке: пойдя туда — не знаю куда, найди то — не знаю что.

— Да что ты ко мне привязался?! Какое тебе дело? Ну, даже если сгину я, что с того? Не твоя печаль!

— Я помочь тебе хочу.

— Чем? Вопросами?

— В том числе. Я вижу, что у тебя никакого плана. Едешь наугад. Кто тебе вообще сказал, что ты должен туда переться?

— Так ты же сам нарисовал мне карту!

— Карта ничего не значит.

Витя скрипнул зубами и отвернулся.

— Мне лет семь было, — начал он тихо, словно пересиливал себя. — Я бегал по двору и разбил коленку. Мать с сестрами ушли куда-то, я один. Больно было, сидел ревел. Тут звякнуло, я оглянулся — старушка стоит. Махонькая такая, сморщенная. Ты чего реवेशь, говорит, тебе нельзя, ты герой. Какой герой, спрашиваю. А такой, говорит она, истинный, тебе подвиг на роду написан, победишь чудище-страшилище и найдешь дверь заветную, а за ней — ключи от счастья человеческого.

— И ты ей поверил?

— А то! Потом, когда мать вернулась, я ей все рассказал. Она рыдать! Говорит, рано

тебе об этом думать, подрастешь, вот тогда. Я ждал-ждал, хоть и сильно неумоготу было. Любопытно до ужаса! Как-то раз она меня подозвала, я побольше был, и говорит: та старушка всю правду сказала, только не ключи за дверью лежат, а другое.

— Другое? Что?

— Там щелочка в стене сделана, туда надо прошептать заветное желание, и оно сбудется.

Филя закатил глаза:

— Витя, ты вроде взрослый человек, таксист даже, а все как дитя малое. Это бред, бред сивой кобылы! Детская побасенка!

Витя подскочил, ткнул Филю кулаком в грудь и рявкнул:

— Завали хлебало! Ничего тебе больше не скажу.

Филя на секунду ощутил раскаяние. Похоже, довел он человека до белого каления, а все почему? Потому что демон поселился в нем, проросло зерно диаволово и точит внутренности, поедает душу.

— Прости, я... я не хотел.

«Хотел, еще как хотел! — захохотал демон, кружась в шутовском фуэте. — Не отступай, добей, растопчи его!»

Филя напрягся и упек демон в темницу, откуда он продолжал вопить, но приглушенно, так, что слов не разобрать.

— Стало быть, заветное желание? Возьмешь меня с собой?

— Нет, — отрезал Витя. — Ты все испортишь.

— Я пригожусь, вот увидишь.

— Ага, если в меня будут стрелять, я тебя вперед пихну. Вот и пригодишься.

— Хотя бы так, — сказал Филя со всей возможной серьезностью. — Слушай, карта смазана, это плохой знак. Помнишь, Гомункул сказал, что если картограф ошибется и нарисует в доме лишнюю комнату, она появится? А тут хуже. Я напортачил — я исправлю. Понадобится, на месте перерисую.

Витины глаза вспыхнули от радости, но тут же погасли.

— Нет, — повторил он. — Не положено.

— Подумай. Без меня пропадешь. А со мной дело выгорит. Думаешь, щелка только одно желание исполнит?

Угадал! Витя заюлил, лицо перекошилось в полуулыбке-полуоскале.

— И чего ты будешь просить? — ядовито спросил Филя. — Новое авто?

Витя отвернулся.

— Я бы, — сказал Филя — попросил превратить мою сестру обратно в человека.

— Вдруг такое не исполняется? Потратим на тебя желание впустую.

— С каких пор помочь человеку — это впустую?

— А с таких! Я тебя вообще не знаю! Пустил жить, а ты уж и на шею лезешь? Иди в черту со своим крабом! Эта карта моя и желание мое. Как хочу, так и потрачу. На себя!

— И пожалуйста! — крикнул взбешенный Филя. Он схватил пальто, быстро оделся и вышел на улицу. С неба валились крупные хлопья снега, елка у дома напротив стояла в шапке, чуть склонив верхушку. Филя пошел к автобусной остановке. Было около часа дня. Он успеет вернуться к ужину последним рейсом. Гривенника, найденного в дырявой подкладке, хватит на билет туда и обратно, и еще на один раз останется.

Выйдя у Караван-сарая, Филя с удивлением обнаружил, что в нем кипит жизнь.

Грузчики катили тележки с товаром, пестро одетые торговцы зычно зазывали покупателей, нищие толкались у входа, трясая пустыми кошелками, и взახлеб выли. Несколько богатых горожанок сбились в стайку и протискивались сквозь этот живой коридор с нескрываемым омерзением. Филя перешел дорогу и отправился к дому Гомункула. Звонил, звонил — никто не открывает. Постучал — тишина. Тогда Филя приоткрыл дверь и на цыпочках вошел внутрь. Ощущение беды обрушилось на него, как ушат кипятка. Все шкафы лежали вповалку, стекла разбиты, дверцы вырваны с корнем. Коробочки, склянки, бутылки раскатились по углам. Шуршала рваная бумага.

— Есть кто живой? — спросил Филя охрипшим голосом.

В соседней комнате распахнулась створка, заполоскалась занавеска.

— Аркадий Николаевич! Вы здесь?

Филя обошел нижний этаж, потом поднялся наверх. Гомункула нигде не было. Царил разгром. Вывороченные ящики, битая посуда, грязные, порванные листы. В спальне на некогда белоснежном, а теперь пепельно-сером ковре обнаружилось большое коричневое пятно. Шерсть в этом месте слиплась.

«Убили! — подумал Филя и содрогнулся. — Пришли ночью, застали врасплох. Кто? За что? И что мне делать? Позвонить в полицию? Нет, я больше с ними не свяжусь. Гомункула не вернешь, он наверняка уже труп, столько крови потерял. Прочь отсюда!»

И Филя стремглав выбежал из дома. Он прислонился к шершавой стене Караван-сарая и прикрыл глаза. Его единственный в этом злокозненном мире помощник исчез, и он почувствовал себя слабым и невесомым. Кто теперь ответит на его вопросы? К кому пойти за советом? Ему было не жалко Гомункула, врать себе Филя не стал. Но теперь не у кого узнать, как вернуть Настеньке человеческий облик. Выход один — сесть Вите на хвост и попытаться договориться с этой магической щелью, будь она неладна. Он получит свое! Он не отступится!

— Грошик для старика! — раздался скрипучий голос.

— А? — вырвалось у Филя. Он открыл глаза и увидел, что к самым его ногам подполз безногий слепой нищий.

— Грошик! — сказал нищий и протянул кривопалую руку.

Филя отодвинулся: еще пальто запачкает! Оно, конечно, тоже не первой свежести, но уж блох бы не хотелось.

— У меня нет.

— Есть! — заявил нищий. — В кармане посмотри!

Филя пошарил в кармане, поймал монетку, покрутил ее и кинул обратно.

— Там пусто.

— Врешь! Дай!

— Не дам! Не дам! Мне самому надо!

Нищий принялся обшаривать вонючие лохмотья.

— А у меня вот что есть, — сказал он, вытаскивая непричржавый ключ, похожий на кусок подковы. — Купи!

— Мне это не нужно, — Филя развернулся и быстрым шагом пошел в сторону остановки, но нищий, упираясь кулаками в землю, погнался за ним.

— Стой! Ты к нелюдю ходил?

— К кому? То есть да, ходил.

— Прибили его третьего дня, — скорбно сказал нищий.

— А вы в курсе, кто это сделал?

Нищий приложил ладонь ко рту, призывая наклониться. Когда Филя свесился, как вопросительный знак, нищий схватил его за ухо и с силой дернул.

— А-ха-ха! Попался, который кусался!

Едва сдерживая порыв, чтобы не пнуть калеку, Филя выпрямился и пошел к остановке. Ухо горело — больше от досады, чем от боли.

— Куда полетел, птенчик! — крикнул нищий. — Не улетай, купи ключик. А то как избушку откроешь?

Филя замер.

— Какую еще избушку?

— Ту самую, заветную.

— Не понимаю, о чем вы.

— Нелюдь мне говорил, что ты придешь. Сказал, заплатишь щедро. Ну, гони денежки.

Филя выгреб монеты и заново пересчитал.

— Это все, что у меня есть.

— Мало! — сказал нищий. Губы разошлись в жадной ухмылке и обнажили гнилой рот.

«Толкнуть его, — подумал Филя. — Вырвать ключ, и бегом!»

Словно услышав эту мысль, нищий приподнялся на руках и попятился к стене.

— У меня больше ничего нет! — сказал Филя. — Берите это, или уйду.

— А пальто? Давай пальто, я мерзну.

Филя оглянулся. И справа, и слева люди, не время для разбоя. Может, достать скальпель, вдруг он убедит нищего?

«Не рекомендую, — шепнул в ухо Додон. — Полоснешь, он ключ проглотит. Из брюха доставать придется, мокрая работенка».

«Что ж, пальто ему отдать?» — с вызовом спросил Филя.

«Отдай! Себе купишь получше. На шелковой подкладке с бобровым воротником».

«Конечно, куплю, у меня же дома миллионы в кубышке!»

«Не мелочись. Скидывай! А то на автобус опоздаешь».

Филя нехотя снял пальто и кинул нищему. Монеты остались в кармане.

— А шарфик? — капризно сказал нищий.

«Не очень-то он и слепой», — подумал Филя. Шарф ему было жалко, его Настенька вязала. Он рывком стянул его с шеи и бросил нищему в рожу.

— Ключ!

— Пожалте, сударь, — нищий отвесил комический поклон и протянул ему ключ. Филя с отвращением принял его и завернул в носовой платок. Холод нырнул под рубашку. Филя обхватил себя руками и помчался на остановку. Нищий, довольно урча, примерял пальто. Шарф красовался у него на голове, свернутый на манер тюрбана.

«Чем платить за проезд? — подумал Филя. — Все отдал».

«Часы остались», — любезно напомнил Додон.

«Это папины!»

«Тогда пешком иди. Всего-то сорок верст».

Филя выругался самыми грязными словами, которые знал, и снял часы. Красивые черные стрелки углом расчерчивали пожелтевший циферблат. Металлический корпус, не единожды поцарапанный, хранил тепло его кожи. Когда-то отец показал, как пускать им солнечные зайчики. Это была любимая летняя забава Настеньки. Теперь и с этим придется

расстаться.

Людей на остановке было немного, и все они делали вид, что Фили не видят, словно без пальто он стал прозрачным. Автобус задерживался. Суставы заломило, не помогали ни похлопывания, ни прыжки. Третий раз на улице раздетый! Это становится дурной привычкой. Когда автобус наконец подъехал, Филя был едва живой.

— Ограбили? — с сочувствием спросил водитель.

— Да! Помогите, прошу. Денег ни копейки, все в пальто осталось.

Филя зажал часы в ладони, только ремешок чуть торчал.

— Садись. самого грабили до трусов, знаю. Тебе куда?

— В Малярово.

— Далече. Ну, да ладно! Человек человеку друг.

«Человек человеку демон», — устало подумал Филя, садясь на заднее сиденье. От печки разливалось спасительное тепло, сильно пахло бензином. Он не заметил, как задремал.

— Ау, парень! Вставай, приехали.

Филя вскочил. Вдали виднелся конек дома Зязиных. Водитель кивнул на прощание, и Филя растерянно улыбнулся, не зная, как отблагодарить. Если бы такие люди встречались ему чаще, быть может, он бы и не попался в силки Додона.

До калитки Филя бежал трусцой. Редкие прохожие оглядывались в недоумении и спешили мимо. Баба с лопатой в руках застыла, глядя на него. Филя со всей силы хлопнул калиткой, так, что с забора повалился снег. Будет теперь в Малярове разговоров на неделю!

— Что с вами случилось? — переполошилась Варвара Михайловна. — Идите сюда, к печке. Обогрейтесь.

— Хулиганы раздели, — отмахнулся Филя.

— Господи, управы на них нет! Вы в полицию звонили?

Филя поморщился.

— Нет, и не буду. Сестру не нашли, а тут пальто. Копеечное дело, перевод чернил.

— Зря вы так. У Горюновых второго дня теленка украли, и уже нашли.

— Теленок одно, а пальто другое.

Варвара Михайловна пожалала плечами и принялась перетирать полотенцем мытую посуду.

— Скажите, ведь ваш муж был картографом? — осторожно спросил Филя.

Женщина вздрогнула.

— Да, — ответила она чуть холоднее, чем обычно.

— Что с ним произошло? Вы простите меня, это не праздное любопытство. Я сам картограф. Хочу знать, что меня ждет.

— Вы? — удивилась Варвара Михайловна. — Как же так? А, теперь понимаю, отчего вы седые.

Она вздохнула и поставила последнюю тарелку на стол.

— Он был хороший человек. Добрый, детей любил. Витюшу всегда носил на плечах, не давал ему ходить ножкой. Девочкам леденцы покупал — что ни день, то леденец. Баловал. И меня не обижал. Работал на заводе. Денег хватало, обуты-одеты. А потом ему станком ногу разворотило, слег.

Филя сочувственно кивал.

— Ногу, конечно, отняли, ходил на деревяшке, — продолжила она. — Взятся пить. Связался с какими-то... А однажды пришел домой страшный, по локоть в крови. Ну,

говорит, мать, теперь заживем, разбогатеем. И показывает мне карту, а на ней наш двор. Я испугалась, прошу его: Василь, не надо. На завод вернись, старшой заходил, примут тебя. А он мне: давно я хотел оттуда убраться, уж не вернусь. Рисовать буду. В золото тебя одену. Девочкам женихов найдем — принцев. Витьке кабриолету куплю.

«До чего же дети в отца пошли, — невольно подумал Филя. — Те же замашки».

— Рисовал он, рисовал. Два раза от малокровия лечился. Всю кровь из себя выдавил, — Варвара Михайловна потихоньку смахнула слезу. — Только деньги куда-то девались. Думала, домик найдем получше, переедем. Куда там! Спрошу, когда же, — он злится. Исхудал, брюки так и падали. И смотрю — волос у него странный лезет. Вроде как не человеческий.

— Не человеческий?

— Густой, звериный. И сам как зверь. Чуть что, с кулаками. Детей не трогал, больше меня. Витя кричал: пусти маму, лез драться. Вера из дома ушла, еле вернули. Я терпела, такая, видно, у меня доля. Выгнать бы, да что люди скажут? Стыдно. А он все пуще. Один раз так избил, что я встать не могла. Как до кровати доползла, не помню. Неделю лежала, Валя хозяйство приняла.

Филя потихоньку начинал понимать Витины чувства. Отца-изувера трудно простить.

— И вот просыпаюсь я как-то ночью, — почти шепотом сказала Варвара Михайловна, — А рядом со мной медведь ворочается. Большущий, когти длинные. Я завизжала, он вскочил и к дверям. Я зову его: Вася, Васенька, вернись. А он ни в какую. Рычит, скалится. Ушел. Больше не видели. Сосед говорит, застрелили его прошлой зимой. По засеке шатался, мужика задрал.

У Филя нестерпимо зачесались чешуйки. Вот, стало быть, куда он катится! Не сегодня-завтра потеряет человеческий облик. Варвара Михайловна молча теребила передник.

— Простите, — молвил Филя. — Я не хотел.

— Что вы! Я сама... Вите тяжело, он отца очень любил. Теперь одни.

— С вашего позволения, пойду спать, — засуетился Филя. — Клонит что-то.

— Конечно, конечно! Вы устали, а я вас тут держу. Чайку не выпьете?

— Нет, спасибо.

Витя бездельничал. Лягушка сидела у него на животе и пучила зоб.

— Охолонул? — спросил Витя.

— Да уж. Без пальто вернулся.

— Так тебе и надо.

— Слушай, у меня и без того был тяжелый день. Я к Гомункулу ездил.

— И? — Витя зевнул и щелкнул легонько лягушку по носу.

— Нет больше Гомункула. Убили.

Витя вскочил.

— Кто? За что?

— Ничего не знаю. В доме кавардак, на полу кровяца. Засохла в камень, день прошел, а то и больше. Может, его вообще убили сразу, как мы ушли.

— Думаешь, калмыки? Черт, выследили, сучье племя! Но почему его?

— Не калмыки это. Другой кто-то. Теперь, если что, и податься некуда.

— Не больно-то он нам и помог, — заметил Витя. — За лягушку помнишь, сколько содрал? Чай, надул кого-то, а тот его возьми и кокни.

Филя молча достал ключ и протянул Вите.

— А это еще что?

— Ключ. Я его на пальто выменял. От Гомункула осталось, он хотел нам это передать.

— Нам или тебе?

— Не знаю. Витя, я думаю, это ключ от хижины.

— Хижины?

— Да, от той, что на карте. Видишь, тут маленький кротик нарисован?

Витя задумался.

— Постой-ка, ты разве не просто так, для красоты крота нарисовал?

— Да, но я же в бреду это делал. Без сознания, считай, был. В любом случае, какая разница — сам, не сам. Вот ключ. Он откроет хижину.

— А, ну ладно! — Витя попытался положить ключ в карман, но Филя ловко его выхватил.

— Нет! Он мой. Я за пальто его купил.

— Ах ты сволочь! Продай! Сколько тебе нужно?

— Нисколько. Ты берешь меня с собой и точка. Или я пойду и утоплю этот ключ в колодце, ясно?

Витя выругался.

— Будь по твоему. Завтра утром едем. Собирай манатки.

Филе нечего было собирать, но он сделал вид, что вяжет вещи в узелок.

— Гад ты все-таки, — сказал Витя, помолчав. — Вернемся, выметайся из моего дома. Видеть тебя больше не хочу.

— Договорились, — откликнулся Филя. Теперь ему было все равно. Он спасет Настеньку, а дальше хоть трава не расти. Вместе с ней он выстоит против всего мира. На что ему Витя? Он попрощается с ним с легким сердцем. Пора перевернуть эту скорбную страницу. Перевернуть и забыть.

Когда в доме стихла возня, Филя воззвал к Додону.

«Ты здесь? Я собираюсь в дорогу».

«Собирайся, мне-то что? — проворчал Додон. — Я тебе не папенька, чтоб пасти».

«Мы умрем?»

«Один выживет».

«Я?»

«Ха! — сказал Додон. — Это вопрос не ко мне. На том поле не я распорядитель. Моя вотчина здесь».

«В доме?»

«У тебя в голове, картограф, у тебя в голове».

Филя вздохнул.

«А кто убил Гомункула? — спросил он. — Калмыки?»

«Где им! — усмехнулся Додон. — Жив твой Гомункул, ничего ему не сделалось. Хитрый, быстро сообразил и в тень ушел. А одну пульку пропустил, пропустил, на задницу не скоро сядет».

«Что значит, в тень ушел?»

«Мы все живем в тени и выходим, когда нужны», — загадочно сказал Додон.

«Кто в него стрелял?» — упрямо спросил Филя.

«Хочешь найти и отомстить? За свою шкуру радей. За тобой, голубчик, идет охота. Картографы в дефиците. Одного благодетеля ты умертвил, а их тьмы и тьмы! Нашлись

бравые молодчики, пошли пытаться Гомункула, где ж это новый картограф вылутился. Подать, дескать, его сюда. Не выдал тебя Гомункул, утек. Скажи ему спасибо».

«Спасибо! — послушно сказал Филя. — Но ведь Гомункул говорил, что его адрес открывается только истинному картографу. Как же его нашли?»

«Так было раньше, пока ты Витязя с собой не притащил. Порвалась нитка, любой мог войти».

«Стало быть, я виноват?»

Додон фыркнул.

«Муки совести? Поздновато. Лучше выбрось это из головы. Завтра тебе на подвиги ратные. Адью!»

Филя вслушивался в темноту. Что за стук? Сердце колотится: ту-тумс, ту-тумс, ту-тумс. Сколько людей из-за него уже пострадало и сколько еще пострадает! Завтра кто-то умрет — или он, или Витя. Жизнь закончилась в Гнильцах, в Бурге началась судьба.

Чухонка

Ему не спалось. Подушка стала горяча с обеих сторон, простынь сбилась в ком. Филя смотрел в потолок и считал невидимых овец, но ему это быстро надоело. Он встал, потихоньку оделся и вышел в сени. Пойти поморозить нос? Пожалуй, это мысль! Малярово замерло до рассвета, никого не удивит одинокий ходок. Нет соглядатаев, путь чист.

Филя снял с крючка старый Витин тулуп. Он беспощадно пах козлятиной и терял клоки шерсти, когда рукав при ходьбе терся о боковину. Филя брел по улице, линия. Так, должно быть, картограф-медведь Василий Зязин скидывал излишки меха по весне. Терся кудлатой спиной о дуб, царапал зудящую кожу. В какой момент он потерял себя? Почему не остановился, продолжил рисовать до потери облика?

Филе стало тоскливо, и он едва не присоединился к горестному вою собак. А вокруг было так красиво, будто мир и не подозревал, что тут может кто-то страдать. Снег скрипел под ногами, и если бы не серые глыбы домов, звездное небо и мерцающие сугробы слились бы в единое драгоценное полотно. Малярово украсилось светом, как храм, стало шире и выше, и на этом просторе Филя казался себе соринкой, случайно залетевшей в щелку. Может, завтра его уже не будет на этом свете? А звезды останутся. И этот колодец тоже останется. И забор, повалившийся в огород, и рябинка, и Трезор. Вот он влез на будку и оттуда с наслаждением лает. Не любит ночных прохожих. Лай, лай! Гляди, не охрипни!

Интересно, умирать больно? И что потом — Царствие Небесное, пекло, пустота? Переселение души в иное тело? Стать бы беззаботной птицей или муравьем каким. Нет, муравьем не надо — растопчут. У птиц тоже жизнь не сахар: осенью улети, весной прилети, гнездо свей. На яйцах, опять же, надо сидеть — наверняка, скукотища смертная! Кем же тогда? Барсуком, стрекозой, пескариком? Филя перебрал известных ему зверей и пришел к выводу, что лучше податься в неживую природу. Слишком уж тяжела доля живых. Одни едят других, и никому нет радости и спасения.

Избы стояли сонные, темные. Филя равнодушно скользил взглядом по обшарпанным стенам, гнилым крышам, косым сараям. И вдруг что-то насторожило его — там, где дорога резко уходила влево, под елью застыл человек. От неожиданности Филя вздрогнул. Кто это? Припозднившийся гуляка? Пьяница, которого жена вышвырнула во двор? Разбойник, бандит? Призрак? Что он там делает? Не движется, молчит, знаков не подает. Филя испугался не на шутку и уже повернулся, чтобы дать стрекача, как вдруг услышал:

— Иди сюда! Не бойся.

Голос женский. Филя немного расслабился. Конечно, в наши дни и женщины разные попадают, бывают такие, что трех мужиков запросто в косичку скрутят. В газетах писали, одна дама научилась разгибать подковы, и ее взяли в цирк — возят теперь по городам, полные залы собирают. Филя взгляделся: женщина под елью была высока ростом, но ни кряжистой, ни особо опасной не выглядела. Лицо разглядеть не удалось, его почти полностью закрывал серый пуховый платок. Стоит, не шелохнется, только глазами сверкает. Прямо сова или какая другая ночная хищница!

— Иди! — опять позвала она. — Давай быстрее, замерзаю.

Филя приблизился к ней.

— Что вам нужно? — спросил он нелюбезным тоном.

— Мне? — рассмеялась женщина. — Это тебе нужно, раз бродишь по ночам.

И тут до Филя дошло.

— Нет, спасибо. Я этим не интересуюсь. Да у меня и денег нет.

Женщина посмотрела на него с осуждением.

— Ты за кого меня принял? Я не такая! Я тебя жду!

— Меня? А кто вам сказал, что я приду сюда?

— Сердце, — задумчиво сказала женщина.

— Пожалуй, мне пора, — досадливо поморщился Филя, шаря рукой по пустому карману тулупа. — И вы ступайте домой, не мерзните тут!

Женщина ничего не ответила, властно взяла его под локоток и повела к своей домушке, засыпанной снегом. Изумленный, Филя шел за ней, надеясь сам не зная на что. Только собрался пропадать ни за грош, как жизнь преподнесла прощальный подарок, словно розу в гроб бросила. Что ж, теперь и умирать будет не так обидно: все познал — и сладость, и горечь мира. Хорошо бы только Додон отлетел куда-нибудь подальше и не подглядывал. Он хоть и демон, а все же при нем неловко.

«Я отвернусь», — пообещал Додон.

Филя чуть слышно застонал.

Они вошли в дом. В сенях вповалку лежали валенки — крошечные и очень много. Сороконожка в них, что ли, обувается? В горнице пахло супом и травами, кровать у стены была расстелена, из-под одеяла высовывала ухо толстая подушка. Фикус в кадке покачивал листьями, выражая полное одобрение происходящему.

— Я... — Филя растерял все слова и стыдливо переступал с ноги на ногу.

Женщина подмигнула ему и сняла платок. У нее были светлые волосы, но не пепельные, как у Веры, а молочно-желтые, чуть волнистые, собранные на затылке в пучок. Ресницы белесые, бровей считай, что нет — из-за этого лицо казалось плоским. На таком в солнечный день блинов напечешь!

«Чухонка, — заключил Филя. — А что, и чухонцы тоже люди!»

Женщина повесила шубу на гвоздик, скинула кофту и осталась в пестром шерстяном платье. Филя напряженно ждал продолжения.

— Что стоишь, садись!

— Мы сидя будем?!

Женщина рассмеялась. У нее был удивительный смех, похожий то ли на клекот, то ли на кудахтанье.

— Глупый маленький картограф! О чем ты, баловник, подумал? Как нехорошо!

Филя залился краской. Вот так конфуз! Да разве его вина?! Подстерегла, заманила —

вот он и ошибся в своих догадках. До чего коварны женщины! Недаром учитель геометрии говаривал, что они сосуд диавольский. Еще какой сосуд!

— Как вы узнали, что я картограф? — пробормотал Филя, пряча глаза.

— О, это очень просто! Прищурься и смотри вбок. Над картографом всегда вроде черной тучки вьется, сразу отличишь.

— Чего же вы от меня хотите?

— Одинокая я, скучно мне, вот и решила с тобой поболтать. Легла в постель, верчусь, не сплю. Ага, думаю, кому-то тошно. Накинула шубняк — и во двор. А тут ты идешь, голову повесил. Я тебя под белы ручки и к себе, на чай!

— Не вижу чая, — пробурчал Филя.

— Сейчас будет.

Чухонка вернулась через пару минут с чайником и двумя фарфоровыми чашками. Филя нехотя отхлебнул глоток, и вдруг по всему его телу разлилась нега. Стало так хорошо, так легко, словно заботы сами собой исчезли, а впереди его ждало вечное блаженство и щебетанье соловьев.

— Что за зелье вы мне дали? — спросил он, борясь с райской одурью.

— Травки, — ласково сказала чухонка. — Душица, пустырник, мята. Сама собирала. Пей, пей!

«Отравительница, — в ужасе думал Филя. — Вот так же Веру соблазнили. Один раз попробуешь — и рабство. Надо уходить».

— Отдохни, ты измучился, — певуче тянула чухонка. — Закрой глаза! Я с тобой, тебя никто не тронет. Засыпай!

«Зачем она это делает? — билась мысль в расслабленном Филином теле. — Ограбить хочет? Я же сказал ей — нет ни гроша. На Витин тулуп позарилась? Хорошо хоть с него клочки летели, меня найдут. Только будет поздно! Нет, я ей не поддамся. Прочь от меня, ведьма!»

Он усилием воли напряг мышцы, покрепче сел на стуле и посмотрел чухонке прямо в глаза.

— Меня этим не взять! Уберите свое пойло.

— Жаль, не получилось, — бесстрастно сказала чухонка. — Видно, теряю хватку.

— Зачем вы это сделали?

— Исключительно из любви к искусству.

— Обобрать меня собирались?

Чухонка улыбнулась.

— Птенчик мой, кому нужны твои деньги? Тем более у тебя их нет. Я поиграть хотела, да вот не вышло.

— Я в полицию на вас заявлю, — решительно сказал Филя и вскочил.

— Постой! Обиделся, что ли? Я не со зла. Прости грешницу. Садись, упорхнуть ты всегда успеешь. Видишь, я чай убрала.

— Откуда мне знать, вдруг вы еще что-нибудь припасли? Отвернусь, а вы по голове тукнете!

— И в мыслях не было!

Чухонка для убедительности подняла обе руки и повертела ими. Филя сел обратно.

— И что теперь? — спросил он с вызовом.

— Поговорим, — предложила чухонка.

— О чем же?

— Обо всем.

— Знаете что, хватит с меня шарад. Уже почти полночь, я пойду домой. Прощайте!

— Ты ведь ездил сегодня к Аркашке? — неожиданно спросила чухонка.

Филя обомлел.

— Да! Как вы узнали?

— Сорока на хвосте принесла! Явился к нему, а там никого, да? Сбежал Аркашка, три дня у меня в подвале жил. Вылезать не хотел, еду прямо туда спускала. Потом пришел в себя, сказал: Бог с ним, с хозяйством, уеду за границу. Вид у него был хмурый, наверно, не скоро вернется. Загорает теперь в Парижах!

Чухонка мечтательно закатила глаза.

— В Париже тоже сейчас зима, — поспешил разочаровать ее Филя. — Вы знаете, кто на него напал?

— Он сказал, их было трое. Убивать не хотели, так, припугнули. Искали тебя, между прочим. Аркашка не воин. Сколько его помню, всегда был осторожный. Как его угораздило им дверь открыть? А парни попались серьезные, их сам Санек Московский послал, известный бандит. Эти головорезы церемониться не будут, чуть что — сразу режут-убивают. Аркашка думал им зубы заговорить, а они его к стене приперли. Но, видно, некрепко держали, он под рукой скользнул и в окно. Один выстрелить успел. Как в куропатку — дробью! Ко мне Аркашка прибежал весь в крови. Порог изляпал, еле отскребла!

— А мне сказали, он в тень ушел.

Чухонка внимательно посмотрела на Филю.

— Я и не говорила, что он по улице бежал.

— Что значит «уйти в тень»? Я смогу?

— Милый мой, я бы научила тебя, да не получится. Ты земной, плотненький, хоть по виду и заморыш. Чтобы уйти в тень, надо воздух в себе содержать.

— И где же у Гомункула воздух? — язвительно поинтересовался Филя.

— Он и есть воздух.

Филя понял, что от чухонки правды не добиться.

— Я ведь у него хотел узнать, как мне сестру вернуть.

— Меня спроси, — предложила чухонка.

— А вы в этом понимаете? Аркадий Николаевич был проводник.

— Ха, проводник! И куда он тебя провёл? Далеко ли?

Филя вынужден был согласиться, что не далеко.

— Эка невидаль, проводник! Их, как собак нерезаных. Они только для того и нужны, чтоб желторотикам, вроде тебя, пыль в глаза пускать. Стоит перышку на заду проклюнуться, как к тебе проводники летят — дай расскажу, дай объясню. А сами только воду мутят.

— Вам тоже с проводником не повезло? — спросил Филя.

— Не повезло — это мягко сказано! Когда ты молода и юна и перед тобой открывается дивный новый мир, любому прохвосту веришь. Он тебе говорит: ты одна такая, необычная. Приходи за советом в любой час, бесплатно помогу! Ты идешь, а он тебя хватает и продает какому-нибудь уроду.

— Так что же Аркадий Николаевич не продал меня этому бандиту?

— Саньку? Тот торговаться не стал, хотел тебя бесплатно взять. А бесплатно и птички не поют!

«Вот жадность-то! — подумал Филя. — Лучше дать себя подстрелить, чем потерять копейку».

— Зачем же тогда нужен проводник, если от него один вред?

— Не все так просто. Ты, когда стучишься, дверь сама перед тобой открывается? Нет, ее тебе хозяин открывает, или привратник, если хозяин в отлучке. Без проводника не войдешь.

— А выйти-то можно?

— Можно. Но, как говорится, плата за вход — грош, а за выход — тысяча.

— У меня нет тысячи, — грустно сказал Филя. — И даже гроша нет.

— Ничего, это дело наживное. Будет время, и увидишь выход.

— Мне не для себя надо. Мою сестру похитил краб, и теперь она тоже крабом стала.

Скажите, как ее вернуть?

Чухонка замолчала, в смущении терзая подол. Филя с замиранием сердца ждал, что она ответит.

— Я не знаю, — тихо сказала она. — Прости, тут я тебе не помощник.

Филя сглотнул горькую слюну.

— За что мне это все, за что? Почему я наказан?

— А вот на это есть ответ. Родители живы?

— Нет, прошлым годом преставились.

— Они тебя ни о чем не просили перед смертью?

И тут Филя вспомнил. Когда умирал отец, мать увела Настеньку к соседям, чтобы она не слышала его жутких хрипов. Филя остался с ним один — подносил воду, промокал лоб салфеткой, читал газеты. Отец не слушал, но он все равно читал. Ему было страшно сидеть в тишине. Казалось, звук голоса отгоняет смерть. Она не может войти туда, где шумно. И вот на краткий миг сознание вернулось к отцу, он схватил Филю за руку и прохрипел:

— Не едь туда!

— Куда, батюшка? На охоту?

Филя собирался с соседом на тетерева.

— Нет, — выдохнул отец. — Нельзя. Я был там. Давно. Играл, все деньги спустил. Не на что вернуться. Он подошел. Предложил поставить. Мне нечего. Тогда он говорит: отдай, чего дома не знаешь. Я посмеялся. Дурак. Приехал. А дома ты.

Филя обеспокоился:

— Тише, тише! Не волнуйся. Никуда я не поеду, здесь останусь подле тебя.

А сам потянулся пощупать отцовский лоб — никак, опять горячка. Но лоб был холодный и влажный. Отец взглянул на Филю и тихо сказал:

— Прости, сынок.

И забылся. На другой день он умер.

Теперь все стало на свои места. Вот почему отец так ненавидел Бург и никогда туда не ездил! И Филе запрещал — даже к тетке на каникулы, даже в гости к другу. Отец твердил, что в Бурге разврат и геенна огненная. Карты дома запретил: матери не давал пасьянса разложить, Филину личную колоду выбросил в окно. Он казался Филе почти святым, а сам проиграл его в карты демону. Возможно, Додону!

«Так уж и мне, — пробурчал Додон. — Будто других в мире нет! Что ни случись, Додон крайний!»

Филя не стал его слушать. Ему хотелось закричать во всю силу легких. Какая несправедливость, какая чертова подлость! Почему он забыл об этом разговоре? Собирался в

Бург, лелеял крылатые надежды. Нельзя было, нельзя! Надо было остаться в Гнильцах, тогда бы Настенька спаслась. Она пострадала из-за него. О, горе!

Чухонка внимательно следила за выражением его лица.

— Не бейся, птенчик, судьбу не изменить.

— Я не знал, я забыл! — лепетал Филя помертвелыми губами.

— Выпей-ка чаю. Он заберет боль.

Помирать, так с музыкой! Филя глотнул остывшего чая, и тоска, сжавшая сердце, отступила. Не все еще потеряно. Завтра он одолеет судьбу, прижмет ее к ногтю! Держитесь, демоны Ада, когда я к вам сойду, вам мало не покажется!

— Вот так, щечки зарумянились, — ворковала чухонка. — А то побледнел, смотреть тошно. Налить еще?

— Нет, довольно!

— Как скажешь, милый.

Они сидели и смотрели друг на друга, как дальняя родня на свадьбе. Главное сказано, а об остальном и речь вести не стоит. Филя хотел было уйти, но его что-то держало.

— Вы знакомы с Чернокнижником? — неожиданно для себя спросил он.

— Знакома, — неохотно откликнулась чухонка. — А что, он тебе нужен? Вот уж не советую, неприятный тип. Необразованный, грубый мужлан. Ты знаешь, что он у себя в селе всех кур перерезал? Сорные, говорит, птицы! Изверг!!

— Он дал мне книгу, чтобы я рисовал карты.

— Он дал тебе книгу, чтобы ты побыстрее себя погубил. Тоже мне, нашел благодетителя! Когда этот гад по доброй воле хорошие дела делал? Только и знает, что книги вымарывает. Такая библиотека была! Все, все перечернил. Ни строчки не осталось.

— Он тоже проводник?

— Нет, хранитель.

— Кто это?

— Вроде картограф, а вопросы странные задаешь. Ты на картах никаких зверей не рисовал?

— Было, — смущенно сказал Филя, припоминая крота. — Так это для красоты.

— Не для красоты. Они стерегут место, чужим не дают войти, а своим — сбежать. Запирают двери.

— И этого Чернокнижника тоже какой-то картограф нарисовал?

Чухонка пожала плечами.

— Видно, да. И кого только угораздило? Лучше бы елочку или жука, пользы было бы больше.

— А зачем он книги портит?

— Книга — это дверь.

Филя ничего не понял, но расспрашивать не стал, уж больно у чухонки был строгий вид. Так на него смотрела мать, когда он не мог справиться с заданием по арифметике. «Неужели не понятно? Переносишь за скобку и умножаешь. Ну?» Филя старался, переносил, менял местами, и все равно получалась какая-то ахиня. Мать злилась и лишала его конфет.

Задумавшись, Филя возил ладонью по столу. Чухонка внимательно следила за каждым его движением.

— А вот руки ты зря не моешь! — сказала она. — Карты грязи не терпят, портятся.

«Я стал совсем как Витя. Надо хоть кровь из-под ногтей убраться. А впрочем, кто она

такая, чтобы меня отчитывать? Грязь ей, видите ли, не нравится. Нежности какие!»

— Мне не до помывов, — нахмурился Филя. — Я уже две карты нарисовал, и ничего, стерпели.

— Ты что, пальцами их рисовал? — поразилась чухонка.

— Чем же еще?

— Кисточкой!

Филя вспомнил Витин рассказ о поездке на кладбище и задумался. И правда, кисточкой рисовать было бы сподручней. У него в Гнильцах лежали целые наборы: и тонкие беличьи, и потолще, и клеевые — всякие. Пропали вместе с чемоданом, он о них и не вспоминал.

— Но кисточка же от крови склеится! Не успею ничего изобразить.

— Особая нужна, — наставительно сказала чухонка. — Кисточка от отца к сыну переходит.

— А если отец не картограф? А если сына нет?

— Тогда картограф перед смертью ее глотает, и дело с концом.

«А потом мародеры вытаскивают ее из трупа, — подумал Филя. — По могилам я не пойду шарить. Ни за что на свете!»

— Где же мне взять кисточку?

— Сам сделай! — предложила чухонка. — Только не любой волос подойдет. Нужен с заговоренного зверя.

— С какого?

— Встретишь — поймешь. Рви прямо с темени. А ручку лучше вырезать из осины.

— Что мне даст эта кисточка? Я и пальцами неплохо справляюсь.

— Халтурщик ты, — сказала чухонка. — Дикари и те пальцами не рисуют — скорлупками, листиками стараются. Не каменный же век на дворе! Без кисти много не нарисуешь. Посадишь кляксу, все насмарку!

— И так сойдет, — отмахнулся Филя.

Часы мелодично звякнули, отсчитав один удар.

— Заболтался я с вами. Мне завтра в дорогу.

— Не завтра, а сегодня. Ступай, воробушек! Заходи в гости, как будет минутка. И друга своего приводи, только пусть он не матерится. Не люблю грубых мальчиков.

Филя кивнул ей на прощанье и направился к выходу. Случайно его взгляд упал на небольшую картину, висевшую на стене. Это была миниатюра, выполненная в технике древних парсун. Сквозь темную дымку пробивалась желтовато-коричневая фигура Сирина. Или Алконоста — Филя всегда их путал. Художник сосредоточился на лице и груди, а перья прорисовать поленился, просто навел пестроту случайными мазками. Сирин уверенно стоял на толстых ногах, игриво поворотив хорошенькую головку. Грудь была оголена, но выглядела прилично — убористо и непошло. Только вот в глазах у бестии таилось такое лукавство, что Филя с радостью повернул бы миниатюру лицом к стене. Этот Сирин введет во грех в мгновение ока, дернуться не успеешь.

— Чей портрет? — спросил Филя. Недавно стало модным изображать людей в костюмах под старину. Что-то вроде заочного маскарада.

Чухонка хитро улыбнулась и отвела глаза.

— Так... одной знакомой. Двоюродной тети.

Тети? Что ж, ладно. Смутное ощущение узнавания не оставляло Филю, но он так вымотался, что предпочел отогнать эту мысль подальше. Он повернулся к чухонке. Та стояла

посреди комнаты, скрестив руки.

— Спасибо вам за все и... Почему ж я вас раньше не встретил?

— Потому что я ждущая у поворота, — сказал она.

Уставший от загадок, Филя вздохнул и вышел вон.

Момон

Он вернулся домой и сразу лег, а встать пришлось с третьими петухами. Филя с трудом продрал глаза, в голове гудело. Умылся ледяной водой — и сознание чуть прояснилось. Соберись, сказал он себе, не время для слабости. Что такое единственный недосып перед лицом вечного сна?

Филя помог Вите вползти в кольчугу, чтобы та не брэнчала. Оружия решили много не брать, а вот едой запаслись — завернули в кулек остатки ужина. Лягушка сама прыгнула Вите в карман и заворочалась там, устраиваясь поудобнее. Филя посадил крабика в стеклянный саркофаг.

— На кой хрен он тебе там? — спросил Витя. — Раздавим еще.

— А если она без нас тут в человека превратится? Пока доеду, с ней всякое может случиться. Нет, только с собой.

Витя махнул рукой — мол, делай, что хочешь. Сходил на цыпочках в чулан и вынес оттуда ватник.

— Держи, а то околеешь по дороге.

«Все-таки хороший человек Витя, — подумал Филя. — Хоть и непутевый».

Ехать пришлось долго. Унылый предрассветный пейзаж навевал тоску: поля, застеленные снегом, тянулись до горизонта. Изредка их перерезала лесополоса. У дороги копилась серая грязь, оголенные комья смерзшейся земли подпирали верстовые столбики.

— Глянь-ка, заяц побежал! — закричал Витя.

Филя резко дернул голову влево, но зайца не увидел. Дурное предчувствие зашевелилось в желудке, как прокисшее молоко. Как в тот раз, когда ехали за книгой! «Все будет хорошо, — убеждал себя Филя. — Ну, заяц, что с того? Глупая животина, выскочил и исчез. Это ничего не значит. Подумаешь, выдумали, что заяц не к добру! А кто у леса живет, у тех вообще зайцы по огороду стаями. Они все неудачники, что ли? Нет, ерунда».

Он почти убедил себя не волноваться, когда еще один заяц перебежал им дорогу, едва увернувшись от колес. Витя вдарил по тормозам и схватился за сердце.

— Напугал! Думал, задавлю.

— И задавил бы! Не жалко.

Витя отдышался, и они снова поехали.

— Что с ними такое? Бегают, как тараканы.

Третий заяц им попался, когда над линией горизонта показались первые лучи. Зверь энергично прыгал от одного кустика к другому, прокладывая себе путь по снежной целине. Волнение отпустило Филю. Один заяц, положим, к беде, но три зайца уже не приметя, а так, зоопарк, наблюдение за живой природой.

— Далеко до Полесья?

— Верст шестьдесят, а то и побольше. За час доедем.

— А дальше куда?

— Там видно будет. Местных спросим.

Филя разложил карту и взгляделся в рисунок. Первым делом надо искать реку — домик на сваях стоит у излучины. Возле порога дома были нанесены какие-то крапинки, но они

смазались. Что же это такое? «Твердо»? Схематичное изображение гриба?

Крабик метался в саркофаге, скреб стенки ножкой, просился наружу.

«Мы на прогулке, — ласково шепнул Филя. — Не бойся, я с тобой!»

Полесье оказалось небольшой деревушкой в двадцать домов. Крашенные избы смотрелись нарядно, колодец-журавль высоко задирает длинную шею. В утренний час на улице было пусто, но в окнах горел свет, а над трубами курился слабый дымок.

— Вот и приехали. Куда дальше? — занервничал Филя.

— Возьмем языка.

Они проехали Полесье насквозь и убедились, что языка им не взять.

— Сиди здесь, я сейчас к кому-нибудь постучу, — сказал Витя и вылез из машины. Он направился к небольшому дому, украшенному деревянной резьбой. На чердачной дверце плотник искусно изобразил черви и пики.

Витя постучал — ему не открыли. Тогда он подошел к окну и нагло крикнул:

— Эй, хозяйева! Есть кто дома?

В окне показался бородатый мужик.

— Тебе чего?

— Дорогу спросить хочу. Где тут у вас хижина на сваях?

— Чего?! Пшел отсюда, не знаю никакой хижины!

— Тогда где река поворачивает?

— Где-где, везде! Езжай к ней, да узнаешь.

— А куда ехать-то?

— За поселком поверни направо. Только там все завалило, дороги нет... Вот скотина, ребенка разбудил! Иди отсюда, пока цел.

Витя вернулся весьма довольный.

— Чему радуешься? — спросил Филя. — Ничего не узнали.

— Узнали. Ехать направо.

— Считаешь, этого достаточно?

Витя потянулся, зевнул и ощупал куртку в поисках сигарет.

— Мне — да. А главное, они про домик и слыхом не слыхивали.

— Странно, — сказал Филя. — Он что, невидимый?

Витя пожал плечами.

— Говорят, есть такие места, в лесу или у реки. Придет местный — только кочки видит. Или травку ковыль. Не всякому оно открывается.

— Что — оно?

— Диво, — со значением произнес Витя.

За деревней дорога поворачивала и уходила вниз, под горку. Колея углубилась, стала рыхлой и наконец совсем прервалась. Машина уперлась в снежный тупик.

— Дальше на своих двоих? — спросил Филя. Впереди лежала снежная равнина, пышная и ноздреватая, как свежий творог. В такой утопнешь по колено, а то и по пузо провалишься.

— Вон, видишь, черная точка, верстах в двух? Нам туда.

— Ты уверен.

— Ага! Чую. Пошли.

Идти было тяжело, приходилось высоко поднимать ноги. Дыхание сбилось, между лопаток потекла горячая струя. Филя опустил голову вниз и брел наугад, почти зажмурившись. Мысли покинули его, осталось только натяжение мышц и связок, да сырость

в ботинках. Когда он решился оглянуться, деревня была чуть видна. Она темнела над холмом, как старый гребень с обломанными зубьями. Филя вздохнул и отвернулся.

И тут что-то ударило его прямо в лоб. Он отскочил, потерял равновесие и сел в снег. Рядом повалился Витя.

— Что это было?

— Не знаю! Стрела?

Филя встал и протянул руку. Воздух возле кончиков пальцев вибрировал, колыхался. Так бывает в сильную жару, когда даль искажается и пляшет, то выгнутая, то вогнутая.

— Здесь стена! — сказал Филя. — Смотри, отталкивает.

Витя тоже потянулся и ощутил сопротивление.

— Мы на верном пути. Отсюда начинается карта.

Они осмотрелись. Русло реки опушали кустики, укутанные по макушку снегом. Домик на сваях стоял в низине, темный, нежилой, ко всему безучастный.

— И крот здесь? — спросил Витя.

— Спать должен, зима.

— А что же нам делать? Как пройти?

— Протискиваться, — сказал Филя и врезался в невидимую стену плечом. В ушах жужжало, тело стиснуло. Он толкался и толкался вперед, прорываясь с каждым шагом не более чем на вершок. Голову ломило и плющило, будто великан сжал ее в своих ладонях и пытался раздавить. Рядом боролся Витя. Он выставил вперед локоть, пытаясь прорезать путь. Дышать стало трудно, каждый глоток приходилось отвоевывать.

— Больше не могу, больно! — сказал Филя и остановился. Давление усилилось, пришлось расставить конечности, чтобы ослабить эти тиски.

— Не стой, сомнет! Немного осталось.

Филя двинулся, преодолевая боль. Шаг, еще шаг. Продышаться. Грудная клетка еще не треснула? Как там Настенька? Ощупал саркофаг — цел. На душе стало полегче, и появились силы, чтобы сделать три шага подряд. Витя пыхтел, лицо красное, глаза навывкате, на лбу взбухла синяя жила. Еле живой. А домик еще далеко. Вот что значит смазать карту! Кровь наполнила воздух, жмет, давит, не дает идти. И вдруг он понял, что нужно сделать. Он достал скальпель и чиркнул по карте наудачу. Медвежьи объятия разомкнулись. Локти бросило в сторону, плечам стало свободно. Филя принялся расчищать путь. Кровь не желала сходить, приходилось аккуратно срезать верхний слой. Образовалась узкая тропинка. По бокам воздух гудел от напряжения, но прорваться и затопить прореху не мог.

— Ух, отпустило! Ты что-то сделал? — спросил Витя, поворачивая к нему голову. — А, вот оно что. Прекрати портить карту. Не то что-нибудь сотрешь, и хана. Провалимся к чертям собачьим.

— Там нам и место, — сказал Филя угрюмо. Учить вздумал! Конечно, править карту на ходу было не лучшей идеей. Кто знает, может, он искажил пространство, и теперь где-нибудь под снегом их ожидает ров? Царапнешь поглубже — и он тут как тут.

Они гуськом, осторожно пошли по тропинке. Сугробы мельчали, впереди до самой реки тянулся припорошенный вчерашней метелью наст. Ботинок пробивал его с хрустом. Домик был уже совсем рядом. Крохотный, похожий на заброшенную часовню. Сваи погрязли в снегу, и под брюхом у дома было не больше аршина пустоты. Один подсадит другого, так и взберутся.

Вдруг раздался резкий звук, как будто пискнула зажатая в углу мышь.

— Ложись! — закричал Витя, и Филя бросился ничком. Стрела! И еще, еще — туча стрел. Они вонзались тут и там, уходя носом глубоко в снег. Скрыться негде — ни кочки, ни пригорка.

— Лягушка! Лягушку вынимай.

Но Витя и сам уже сообразил. Он вытащил лягушку и бросил ее перед собой. Прыжок — и стрела у нее во рту! Филя быстро-быстро греб руками и соорудил небольшой снежный бруствер, за которым укрылся. Он потянул Витю за штанину.

— Ползи сюда!

— Но она же там. Я...

— Справится. Смотри — ловит.

Из десятка стрел, летевших в их сторону, лягушка перехватывала пять. Они кучкой лежали в стороне, посверкивая стальными наконечниками. На другом конце висели обтрепанные рыжие перья, по всей видимости, куриные. Филя замороженно наблюдал, как лягушка отталкивалась от корки наста, поднималась в воздух и захлопывала пасть на очередном древе. Раз от разу ее движения становились все медленнее, как будто она впала в легкую меланхолию.

— Замерзает! — сказал Витя растерянно. — Скоро уснет. Что тогда?

— Надо ползти назад. Не пробьемся.

— Ты что, спятил? Уйдем — дороги обратно не будет.

— Домик исчезнет?

— Да! Или нет. Не получится, короче. Идти, так сейчас.

Лягушка пропустила стрелу, и она чиркнула Филю по уху, сбив шапку. От страха спину и ноги сковало, он приник к брустверу, как мертвый, вслушиваясь в грозный свист и хруст прорванного стрелами наста. Рядом застыл Витя: он вдавился животом в снег и прикрывал голову. На секунду Филе стало очень смешно, хотелось кататься от хохота, выхаркивать его в лицо врагу, но ничего не получилось — спазм охватил глотку. Он закашлялся, и его немного отпустило.

— Откуда стреляют? — спросил Филя шепотом, словно невидимые бойцы подслушивали их.

— Из домика, — раздраженно ответил Витя, на секундочку приподнимаясь, чтобы проверить лягушку. Она распласталась на снегу, пробитая стрелой. Задняя лапка слабо дергалась в последней конвульсии. Витя вскрикнул и бросился к ней, но Филя навалился сверху и придавил его всем телом.

— Пусти! — надрывно кричал Витя. — Пусти меня, слышишь! Она там... одна.

Филя молча держал его. Витя хрипел и рвался.

— Соберись, — процедил Филя. — Или нас убьют. Где точка обстрела?

Витя не ответил. Он бил ненадежный бруствер, их единственную защиту, кусал снег.

— Витя! Витя, хватит!

Филя перевернул его на спину и отвесил пару пощечин. Витя беспомощно моргнул и сощурился в серое небо, которое по низкой дуге обходило тусклое волчье солнце. Филя оставил его и приподнялся над бруствером. Большинство стрел летело мимо них — вправо. Было не похоже, что стрелял кто-то умелый, давно владеющий луком. Стрелы сыпались, как попало, кучно и бестолково. Филя присмотрелся: над дверью избушки была прорезана бойница. Вот в ней показался носик стрелы — жжжж! И она летит к ним и впивается в наст в сажени от бруствера. Выкатывается следующая стрела.

— Самострелы, — прошептал Филя. — Дураки мы, надо было в обход.

— Что? — спросил Витя, вытирая красное лицо снежком.

— Ползи за мной. Давай, шевелись!

И они принялись выбираться из зоны поражения. Внезапно чувство азарта охватило Филю, он хотел вскочить и в полный рост пойти навстречу домику. Экая удаля прорезалась! Разве это он герой, разве он витязь? Он усилием воли пригнул голову и быстрее пополз к линии, за которой стрелы их не достанут.

— Поднимайся, — сказал Филя, когда они достигли цели. — Здесь безопасно.

Витя послушно встал.

— Ты еще помнишь, зачем мы пришли?

Витя кивнул.

— Тогда вперед.

Сбоку тоже была дверца, только маленькая, для ребенка или крупной собаки. В железных петлях висел навесной замок. Филя вставил в него ключ, и замок открылся. Так просто! Ах, Гомункул, спасибо тебе, щедрый дар сделал напоследок.

И вдруг земля содрогнулась у них под ногами. Снег взорвался, встал волной и попер на них.

— Крот! — закричал Филя. — Быстрее внутрь.

— Нельзя, он домик повалит.

— Тогда нам конец!

Витя прыгнул в сторону, вытянул откуда-то заговоренную стрелу и побежал, проваливаясь, навстречу кроту. Они сшиблись со страшным гулом, земля и лед брызнули во все стороны, как осколки от разбитой хрустальной вазы. Витя ревел и бесновался, его ушанка описала дугу и улетела в кусты. Внезапно в вихре белого и черного цвета появился красный тон. Он разрастался, ширился, наполнял собой холст. Капли попали Филе на щеку. Он не стал их стирать, замороженный картиной.

И вот все стихло. Что-то мохнатое горбом торчало из снега. Возле этого горба в скорченной позе лежал Витя. Филя бросился к нему.

— Ты ранен?

— Когтем задел. Вот, — он приподнял полу куртки, и Филя увидел длинную рваную рану, рассекающую бедро там, где его уже не прикрывала кольчуга.

— Надо остановить кровь.

— Просто царапина, — простонал Витя. — Нет времени, пошли!

— Куда торопиться? Домик теперь наш. Лежи!

— Нет, я убил его.

Убил хранителя!

— Что же ты натворил?! — закричал Филя. — Я думал, ты его ранил. Нельзя было убивать.

— Знаю! Скоро все исчезнет. Помоги мне встать.

Филя схватил Витю подмышки, но тот, приподнявшись, уцепился за его плечо и неловко расставил ноги.

— Зажми рану, — сказал Филя, увидев, что за ними тянется кровавый след. Не капли, не стуйка — поток! Так он долго не протянет. Витино лицо на глазах серело.

— Ничего, — прохрипел он. — До свадьбы заживет.

Филя влез первым, затем втянул Витю. Внутри было удивительно тепло и сухо. Комнату

освещали сотни свечей, воткнутых как попало в небольшие висячие светильники. Воск не плавился и не таял, словно был нечувствителен к огню. У дальней стены виднелись три двери. Больше в комнате не было ничего — ни мебели, ни людей, ни духов.

Дом затрясся, закрипел каждой доской, всеми половицами сразу, и Витя с воплем «уууу!» повалился на колени.

— Держись за меня! — сказал Филя, приподнимая его.

— Быстрее! — простонал тот. — Ищи ее.

— Кого?

— Щель!

Филя оставил Витю и оббежал комнату по периметру, лихорадочно ощупывая стены, как слепец. Бревна сруба местами растрескались, но нигде не было проема хотя бы в мизинец шириной. Светильники неистово качались, дом ходил ходуном.

— Ну? — спросил Витя в раздражении. — Нашел?

— Нет! Ничего нет! Ты уверен, что щель?

— Я ни в чем уже не уверен.

— Тут двери. Может, там?

Витя приподнялся из последних сил и встал у стены, тяжело дыша. Он сжал ткань штанины, и руки его стали багровыми.

— Точно! Щель за дверью, открывай... — Витя осекся, зажмурившись от боли.

— Их три. Какую? Витя, не молчи! Эта хибара сейчас рухнет.

— Любую! Черт, любую!!

Но Филя знал, что так нельзя. Внутренности сдавило, зубы застучали. Он подошел к ближайшей двери и уставился на нее. Не было ни замка, ни ручки. Что ж, просто толкнуть ее и влететь навстречу неизвестности, а то и смерти? Филя отступил на шаг и на секунду смежил глаза, стараясь отрешиться от грохота, с которым домик уходил в небытие. Перед его мысленным взором всплыла буква «Глаголь». Она порхала, то проседая до пола, то взмывая к потолку. Филя напряг всю свою волю и изгнал букву. Вместо нее в чернильной пустоте появилась светящаяся строка «Вечная слава». Филя открыл глаза: дверь висела в своих петлях мертвым грузом, неподвижная, серая, в неряшливых завитушках.

— Ты чего там встал? — кричал Витя, видно, уже не в первый раз. — Потолок падает. Нам крышка!

— погоди, я что-то вижу, — тихо сказал Филя и перешел к другой двери. Он двигался медленно, словно плыл по озеру, отгребая водоросли и ряску. Как только он погрузился в свой внутренний мрак, перед ним загорелась буква «Мыслете». Она пылала, как лапник, подожженный костром. Золотая, выпуклая, буква качалась из стороны в сторону на невидимых качелях. Филя сделал жест рукой, и она исчезла. Из темноты выступила надпись «Великое сокровище». Филя не стал всматриваться, пол под ним трещал, со стропил повалилась труха и щепки — прямо за шиворот ему, на потную шею и спину.

Третья дверь — самая опрятная, лакированная — призвала букву «Добро», и что-то зловещее, черное, гнилое было запрятано в ней. Филя содрогнулся, его затошнило. Буква исчезла, и появилась надпись «Верная смерть». Да, вот она гибель. Хочешь перестать биться за эту сучью жизнь — тебе туда. В смрадную помойную яму, где тьма и разложение, где истончаются меловые кости и высыхают глазницы. Там адов зной и нестерпимый зуд, кожа лопается и слезает клочками, душа скорбит, одинокая, отчаявшаяся и бессмертная. Это навсегда, без выхода, надежды и передышки.

«Грифон, Момон, Додон», — пронеслось в голове у Фили. Ему стало холодно, нестерпимо холодно, хотя от светильников тек жар.

«Грифон, Момон, Додон», — повторил он. Это заклинание. Страшные имена, предвестники бури, демоны хаоса и небытия.

«Грифон, Момон, Додон», — вот ответ на все вопросы. Им не уйти отсюда живыми. Сторожа не спят. Они близко, они уже здесь.

Филя отшатнулся от двери и упал на пол, который вдруг накренился. Он кубарем покатился вбок и уперся во что-то мягкое — сверток или ковер.

— Слезь с меня, больно, — сказал задавленный Витя. Филя тут же вскочил.

— Там слова, буквы!

— Где? На дверях?

— Да, то есть нет, в воздухе. Не важно. На первой написано «Вечная слава», на второй «Великое сокровище», на третьей «Верная смерть». И буквы: глаголь, мыслете и добро. Грифон, Момон, Додон! Вот, что это такое.

Витя стиснул зубы и рывком поднялся на ноги.

— Что ты делаешь? — закричал Филя. — Рана, зажми рану!

Но Витя опустил руки и, как сомнамбула, двинулся вперед. Пока он лежал на полу, под ним образовался кровавый ручей. Филя в ужасе смотрел, как Витя тащится к дверям, оставляя на полу жуткие следы.

— Куда ты? Туда нельзя, это не та дверь! Витя, стой, Витя!

Филя попытался схватить его, но переносица вдруг взорвалась болью. Витя ударил его в лицо — с богатырской, невиданной силой.

— Она моя, — сказал Витя хрипло. — Моя.

Филя навалился на него сзади и вцепился изо всех сил. Витя зарычал, пнул его здоровой ногой, и они вместе покатались обратно в угол, молотя друг друга без разбору. Оскаленные зубы, обрывки ткани. И дыхание, рвущееся изо рта, сухое, как у загнанной собаки. Главное остановить. Он слабеет, еще минуту продержаться. Пусть бьет хоть в морду, хоть куда. Не отпускать.

Филя почти выиграл схватку. Слезы и кровь из разбитого носа смешались и текли единым потоком, заливая подбородок. Витя терял силы, удары становились пустыми, шли вскользачку, кулак описывал пьяные ненужные круги. Вдруг что-то вывалилось из кармана и хрустнуло у Фили под ботинком. Он нехотя посмотрел вниз. На полу виднелись осколки стеклянного саркофага. Раздавленный крабик умирал в агонии. Судорожно сжимались и разжимались клешни.

Он ничего не почувствовал сперва. Только стало чуть свежо, как бывает, когда в дождь распахивается форточка. «Почему я так спокоен?» — изумился Филя. Он поднял глаза на Витю и увидел, что тот поднялся и забавно пятится. «Нет, совсем ничего не чувствую». Но крик уже был на подходе, он пробирался из самого нутра и наконец излился.

— Аааа!!

Кто же так кричит? Голос нечеловечий. Бестия? Демон? Нет, это я кричу. Почему же я кричу? Что произошло? Нет, все в порядке, все в порядке. Ничего, сейчас я соберу осколки. В совочек замету. Никто и не заметит. А ты посиди у меня в кармане, дотерпишь до дома? В кармане же теплей! И все же, кто кричит? Зачем кричит? Не надо кричать. Опомнись, замолчи.

— Аааа! — все сильнее и сильнее, от низкой ноты к высокой. Как животное, как

раненный зубр, как зимняя лихоманка-пурга. Дрожащими руками Филя поднял краба и принялся на него дуть. Он укрыл его в ладонях, лепетал слова утешения — бессмысленно, сипло.

— Мы поедem домой, Настенька, скоро поедem. Там хорошо, там тепло. Вот увидишь! Слышишь меня, Настенька? Очень скоро. Купим билеты. Два билета — тебе и мне. Тебе же нравятся поезда? Колеса большие, чух-чух, чух-чух. И ветерок. Дуй, дуй, ветерок! Славно!

Краб покоился на его ладони. Последний раз вздрогнула ножка, и он затих. Больше не трепетал. В панцире застрял кусочек стекла.

Витя стоял, шатаясь, и безучастно смотрел на согбенную Филину фигуру. Потом он молча развернулся и пошел вперед. Шаг, другой, и вот он уже у средней двери, открывает. Комнату озарила вспышка света, Витя прынул назад, но его охватило пламя, завертело, заломило, как тряпичную куклу, на бок и поволокло внутрь. «Мыслете» взошла в зенит и ослепительно сияла.

— Помоги! — вскрикнул Витя.

Филя оглянулся, дернулся к нему, но поздно. От рева пламени заложило уши. Филю отбросило к стене, и на секунду он потерял сознание. Когда очнулся, комната была пуста. Витя исчез. Филя вскочил на ноги и побежал к двери. Тут она сама отворилась, и нечто большое и блестящее выпало из нее, проломив шаткий пол. Это была золотая статуя в человеческий рост — красивая, гладкая и в то же время страшная.

— Витя! — простонал Филя. — Что ты наделал?

Витя смотрел на него золотыми глазами, полными недоумения и скрытой муки. На лбу собрались морщины, золотой вихор дерзко топорщится по привычке. Не осталось плоти, все пожрал метал. Великое сокровище, литой ужас, памятник тому, кто когда-то смело и весело учил лягушку ловить стрелы, кто сидел за рулем, кто приютил на свой страх и риск картографа. Вити больше нет. Настеньки нет. Но двери — двери никуда не исчезли. Домик просел, в потолке уже зияла дыра, стена сбоку обвалилась, из пролома торчали сломанные доски и пакля.

Филя встал. Он разжал руку и посмотрел на мертвого крабика. Погладил каждую ножку, вынул кусочек стекла из спины.

— Теперь пора! — тихо сказал, подошел к третьей двери, над которой ярко вспыхнула буква «Добро» и надпись «Верная смерть», набрал полную грудь воздуха и врезался плечом в деревянную гладь.

Коллекционер

На вокзале форменное столпотворение, буйство жизни, людской водоворот. Носильщики толкают перед собой тележки с чемоданами, суетливые, как муравьи, пассажиры ищут нужный вагон. Вот сквозь толпу пробирается дама в пышном платье, ей неуютно, она морщит нос. В руке зонт с костяной ручкой и поводок, на поводке собака породы ши-тцу, усталая, вялая, еле плетется. Дама тащит собаку и что-то бормочет. Следом спешит господин в сером костюме и котелке, он толкает даму, извиняется и роняет газету. Ветер заламывает листы, и на мгновение становится виден заголовок «Всемирно известный коллекционер возвращается в Бург». Чумазый мальчишка с мороженым в руке воробьем летит вперед, газета падает под поезд и уже не видна.

Под расписанием скопилась стайка журналистов. Один стоит с блокнотом и карандашом, кончик которого в задумчивости мусолит. Другой приготовился фотографировать, снял крышечку с объектива и нежно прижимает аппарат к груди, как

домашнего любимца.

— Вы уверены, что он придет? — нервничает кто-то.

— Сколько можно спрашивать? — возмущается фотограф. — Сказано — придет. Жди.

— Уже полвторого. Мне обедать пора.

— Так уходи, никто не держит!

Возмутитель спокойствия утихает и делает вид, что занялся сумкой. В ней надо найти ручку и листок с записью. Копаются, копаются. Никому нет дела. Журналист с блокнотом в руках шурит на расписание, фотограф перебирает ногами, как боевой конь.

Раздается свисток паровоза, платформу окутывает паром.

— Приехал! — кричит кто-то. — Приехал!

Стая журналистов срывается с места и бежит к платформе. Десять ног движутся в такт. На лицах восторг и улыбки. Фотограф сильнее сжимает аппарат, чтоб не разбить впопыхах. Из чьей-то разжавшейся руки падает карандаш, но некогда подбирать. Не велика потеря, за ухом еще один.

С подножки бодро соскакивает проводник в синей фуражке. В форме он выглядит щеголевато, и явно гордится этим. Вон как напыжился, голубь, усы раздувает. Эй, дядя, лопнешь! Не смешно, совсем не смешно, молодые люди. На медной пуговице дрожит солнечный блик. И не менее ослепительно сияют начищенные ботинки, гордость и краса железнодорожного состава «ВС 500 Приморск — Бург».

— Где он? Вы видите?

— Я нет, а ты?

— Не приехал!

— Да подожди, сейчас откроют.

— Может, не вторым классом, а первым?

— Вторым, он всегда вторым!

— Да точно ли?

— Точно, точно!

Журналисты сгрудились на перроне, давая пройти нетерпеливым пассажирам. Шум, стуки, запах духов.

— Кому донести вещи? Услуги носильщика! Недорого, рупь!

— Отойди, сам донесу. Кому сказано, с дороги.

— Чемоданом не зашиби, обормот!

— От обормота слышу!

— Граждане, граждане, — говорит полный сознания своего достоинства проводник, и пуговицы его сияют. — Пройдите в здание вокзала и там толкайте друг друга. Разойдитесь. Дайте дорогу другим.

Недовольные граждане вытягивают лица дудочкой и семят вперед. Взмыленный мужчина подгоняет детей и жену, застрявшую сзади со своими коробками. И дернул же ее черт взять с собой эти платья! Куда столько? Век не сносить. Ну, в ресторан одно, ну, в театр другое — остальные зачем? А ты, коза, чего верещишь? Мороженое не куплю, ступай, не вейся под ногами.

— Вы его видите? — нетерпеливо спрашивает фотограф.

— Нет, нет! — кричат остальные.

И тут он выходит. Немолодой господин, скромно одетый, но рубашка белая, как зубы негра, и галстук дорогой, шелковый, полосатый. Пальцы тонкие и ловкие, как у художника,

на безымянном перстень с изображением черепа, вписанного причудливым образом в букву «Добро». Приметная вещица, сделана на заказ. В глазницах у черепа блестят бесценные черные бриллианты, подарок графа Нежинского, об этом всем известно. У господина в руках тросточка. Больше ничего. Где же клетки, аквариумы?

Вслед за господином из вагона выбирается красotka. Платье туго охватывает бюст, словно выжимая его наружу. Талия в рюмочку, небось, все утро утягивалась, сейчас переломится, оса этакая! Каблуки звонко цокают. На голове у красотки шляпка пуговкой — почти на ухе висит, из шляпки перо. Страусиное, не иначе. Вон какое здоровое! А блестит почему? Так блестки это, дубина, блесок, что ли, не видел? А, а я думал, страусы блестят!

У красотки льняные волосы, голубые глаза, в них пляшут чертики. Господин поворачивает к ней голову и говорит:

— Ты в порядке, душа моя?

Та смеется ручейковым, чистым смехом и качает головой. Гладит его по плечу рукой в лайковой перчатке.

— Куда багаж доставить? — подобострастно спрашивает проводник.

— На Заячий остров, — небрежно говорит господин и протягивает карточку с адресом. Проводник кивает и кланяется.

— Господин коллекционер! — кричит журналист с блокнотом в руках. — С приездом.

Коллекционер удивлен.

— Уж поджидаете? Не думал, не гадал.

— А как же? — с улыбкой говорит фотограф. — Все вас ждут. Много привезли на этот раз?

— Порядком, — коллекционер доволен. Он любит внимание. Столько лет прошло, а все льстит.

— Опять морские гады? — спрашивает журналист с блокнотом и, не дождавсь ответа, принимается что-то бешено строчить.

— Крабы, — говорит господин коллекционер. Лицо его становится серьезным, почти суровым. Он поднимает руку и почесывает щеку. Вниз тихо слетает серебристая чешуйка.

— Крааабы? — разочарованно протягивает юная журналистка, почти гимназистка, веснушчатая и в очках. — А был слух, самого Ёрмунганда изловите.

— Не получилось, — отрезал господин коллекционер.

— Не дался? — спрашивает журналист с блокнотом.

— Бились долго, но по дороге издох.

Все разочарованы. Фотограф даже опустил фотоаппарат. Сзади напирает толпа, проводник нервничает, но как сказать? Ведь не прикажешь же господину коллекционеру уйти! Да тот и сам все понял, двинулся вперед, увлекая за собой журналистов. Народ, видя, что пробка поддалась, усилил напор и волной погнал эту пеструю компанию к вокзалу.

— Какой он был? — спрашивает на ходу журналист с блокнотом. — Здоровенный?

— Примерно с автомобиль, — отвечает господин коллекционер. Ассистентка на каблучках едва поспекает за ним, на красивом лице злобная гримаска.

— Помедленнее нельзя? Я сейчас ногу подверну.

Коллекционер берет ее под руку и мягко вносит в здание вокзала. По дороге у него из кармана падает кисточка — странная, волосатая, с корявой ручкой. Он немедленно ныряет за ней и прячет обратно.

— Еще пару вопросов! — умоляет журналист с блокнотом. — Я слышал, вы искали

особого краба, известного как Повелитель морей. Удалось найти?

— Пока нет, — пожал плечами коллекционер. — Кто знает, может, его и в природе нет. Легенда!

— Да, но профессор Чудаков писал, что видел его собственными глазами.

— Профессор Чудаков дилетант и неуч, — шипит коллекционер. — Так и напишите!

Фотограф усиленно щелкает аппаратом, чтобы загладить неловкость. Юная журналистка приподнимается на носочках и пищит:

— А краба-деву поймали?

— Да! — с гордостью говорит коллекционер. — Осенью выставим. Увидите! Редчайший экземпляр.

Журналисты гудят в оживлении, карандаши порхают по блокнотам. Краб-дева! Невидаля какая! Чудо чудное, диво дивное.

— Все у вас? — спрашивает господин. Он выходит из здания на площадь и подзывает такси.

— Простите, — вдруг спрашивает фотограф, и лицо его становится каменным. — А что случилось с девочкой, которую вы похитили? Где она?

— Я никого не похищал! Меньше читайте газет!

Дверь захлопывается, и такси уезжает, оставляя журналистов стоять на тротуаре. Дело сделано, пора домой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net